

разум
познает
мир

Рудольф ИТС

ВЕКА И ПОКОЛЕНИЯ

ВНЕКОЛОД И РАД...
ИТС

разум
познает
мир

Рудольф ИТС

ВЕКА И ПОКОЛЕНИЯ

Этнографические этюды

ЛЕНИЗДАТ
1986

86.31

И92

И $\frac{0400000000-038}{M171(03)-86}$ 73-86

© Издательство «Мысль», 1976
© Лениздат, 1986

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Я — этнограф. Подобно геологам, мы появляемся в самых отдаленных уголках земли, в тайге или пустыне. Люди, как правило, знают, что нужно геологам; но что надо этнографам? Геологи чаще ездят туда, где нет людей; мы, этнографы, — к людям. Для чего?

Изучать историю и быт иных народов, ради того чтобы ценить творчество человека и уважать его независимо от цвета кожи или расы; знать иные обычаи, церемонии и верования, иной язык и иные легенды; быть все время в пути, в поиске, каждый день обретать новых друзей — таков наш завидный удел.

Наша специальность — одна из самых гуманных. Наши исследования проводятся людьми и ради людей. Встречи на этнографической дороге дают возможность в таком, казалось бы, привычном мире увидеть образы, рожденные жизнью и фантазией другого народа.

Иные, чаще всего необычные, образы обогащают и украшают мир. Вспоминаю ночевку на берегу таежного озера. Мои проводники уже спят, а я долго ворочаюсь в спальном мешке, брошенном на влажную от ночной росы землю. Из-за вершин длинноствольных сосен вылезает луна. Я смотрю на темные очертания ее поверх-

ности, и на память приходит только что услышанная кетская легенда.

«Давным-давно пошла девушка по воду, увидела в воде отражение месяца и засмеялась: «Что ты, бездельник, здесь делаешь?» Рассердился месяц, стал тянуть ее к себе, но девушка схватилась за куст и продолжала смеяться. Ухнул месяц, поднатужился и утащил к себе девушку с ведром и кустом».

Я смотрю из спального мешка в небо. Луна на ущербе, и в ее очертаниях не видно уже ведра, но еще можно различить девушку и раскидистый тальник.

У других народов лунные очертания рождают иные образы, и согласишься, читатель, что узнать эти образы, а через них познать нечто новое, испытать радость открытия — стоящее дело. Это все равно как встреча с интересным человеком, когда ты сам узнаешь новое и делишься своими знаниями. Этнографическая работа немислима без постоянного общения с людьми.

* * *

Белокаменная трапезная тускло освещается жировыми светильниками. Жирная копоть оседает на сводах и густым налетом покрывает яркие краски и золотые оправы икон.

Обеденный час. Отталкивая друг друга, бояре гурдятся у того края стола, который ближе всего к великокняжескому месту. Крик, спор, ругань.

— Мы первые, наши отцы и деды ведут колено от самого Рюрика,— шумно басит молодежавый боярин и, выставив вперед окладистую бороду, теснит других...

— Мы Белозерские!.. Мы Шуйские!.. Мы Мосальские!..

Несколько веков назад на Руси, как и в других странах, феодальная родословная определяла место человека на ступенях классового общества.

Родословная на заре классового общества, да и позднее, стала принадлежностью и привилегией аристократии, хотя на протяжении сотен тысяч лет доклассовой истории земли она определяла принадлежность к тому или иному роду и поэтому была необходимостью для человека. Не было и не могло быть человека вне общества, вне социального коллектива, а этот коллектив первоначально основывался на родовых связях.

Когда-то русские бояре доказывали свое право на первородство ссылками на происхождение от первых князей, а совсем недавно в загадочном пригималайском районе, известном как «таинственная страна независимых носу», часто можно было наблюдать такую картину...

По извилистой горной тропе едет всадник. Тюрбан на голове закручен. Конец полотна выступает наподобие рога, шерстяная накидка-чарва перехвачена кожаными завязками на груди. Под накидкой рука сжимает короткоствольную винтовку, в левой руке повод. Низкорослая лошадка легко берет уклон за уклоном и вдруг резко останавливается, трясет гривой. Впереди, метрах в двухстах — двухстах пятидесяти, тропа уходит за выступ скалы. Всадник насторожился, прислушался. Из-за поворота раздалось ржание и через мгновение появился встречный. На нем такой же тюрбан и чарва. Всадники, осторожно освобождая винтовки из-под складок накидки, медленно приближаются друг к другу. И как только расстояние уменьшается, они одновременно задают один и тот же вопрос: «Какой твой род?» И, как это бывало нередко, услышав ответ, оба вскидывают винтовки, и горы эхом отвечают на прозвучавшие выстрелы.

Всадники принадлежали к родам, которые уже шестьсот лет состоят в кровной вражде. Носу с рождением получал два имени: личное — оно могло меняться от случая к случаю — и неизменное родовое имя. С родовым именем он приобретал всех друзей рода и сородичей и всех их врагов. Одним он должен был помогать всегда, другим — мстить, как делали его отец, отец его отца и все прежние поколения.

Представители человеческого рода имели и имеют объективные этнические различия, отразившиеся в их физическом облике, культуре, языке, обычаях. В науке группы людей, осознающих общее происхождение, обладающих общей культурой и единым языком, называют по-гречески этносами. Чаще всего понятие «этнос» ассоциируется с привычным для нас понятием «народ», и наука об этносах — этнография также нередко понимается как наука о народах. Большой ошибки в подобном толковании непривычного иноязычного термина «этнос» нет, хотя этнографы называют этносами и племена, и народности, и нации, то есть самые различные по масштабам группы людей. Интересно, что дрез-

ние греки, подарившие науке многие термины, этносами называли только негреческие племена и народы, употребляя для обозначения различных групп греков либо территориальное имя «спартанцы», «афиняне» и т. п., либо общий термин «демос» — народ.

Все этносы имели и имеют историю своего возникновения, развития и преобразования — племен в народы, народов в нации. Эта история называется этнической историей мира. Этническая история включает этногенез, то есть происхождение народов.

Этнография изучает этносы, их историю и особенности их культуры и быта, отличающие один этнос от другого.

* * *

Человек, выйдя из царства природы, стремился познать ее и подчинить своей воле. Такое стремление породило как реальные, так и фантастические представления о происходящем вокруг, а вслед за ними науку и ее антипод — религию. Человек осмыслял и переосмыслял окружающий мир природы и общества и пытался понять и познать самого себя и коллектив себе подобных.

Взгляды и представления, рожденные в одной группе людей, различными путями переходили к другой, создавая общий фундамент наук, получивших название естественных и социальных. Первые изучали природу и ее явления, вторые — человека и созданное им общество.

Наука о человеческом обществе заложила основу величайшего события нашего века — освобождения части человечества от всяческих оков рабства, всяческого угнетения в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране. Благодаря этому событию наука о природе обеспечила выход людей Земли в открытый космос, к новым мирам Вселенной.

В современном мире велика роль социальных наук, которые объясняют прошлое и настоящее, показывают исторический путь, пройденный миром, и предсказывают его будущее.

Мир, Земля немислимы без людей. Ради людей и их будущего человек устремился в космос. Тем более он должен знать обо всем, что украшает Землю, обо всех, кто созидает на ней.

Окинем взглядом нашу планету. Человек давно проник до самых высоких северных широт и в небесные высокогорья, сумел преобразовать коралловые и вулканические острова, научился жить в долинах исполинских и коварных рек, приспособился к жизни в пустыне и тайге. Если мы разметим карту населенной Земли и попытаемся представить, как живут на ней люди, что составляет их культуру, чем одни отличаются от других, то мы найдем много «белых пятен», то есть пока неизвестных нам, но существующих, живущих и творящих свое бытие племен и народов.

Было время, когда, защищая антигуманные цели конкистадоров и колонизаторов, церковники объявляли коренное население обеих Америк, Австралии и Африки «небожескими созданиями, появившимися до Адама», то есть «нелюдьми», а следовательно, на них не распространялась заповедь «Не убий!».

Было время, когда исследователи жизни народов колониальных и зависимых стран объявляли эти народы неисторическими, то есть не имевшими своей культуры и истории ее развития. Обнаруженные на их территории памятники высокой древней культуры — развалины дворцов и храмов, каналов и крепостей — признавались творениями неизвестных предков белой, европеоидной расы. Безапелляционно утверждалась культурная миссия «белого человека» — «учителя и воспитателя неспособных к самостоятельному творчеству народов».

Жизнь, наука опровергли подобные реакционные концепции. В наш космический век, однако, незнание подлинных фактов рождает вне науки концепции, согласно которым памятники — свидетельства высокой культуры и техники на территориях многих азиатских, африканских, американских народов — след творчества «космических пришельцев».

Историю многих или большинства народов традиционная историография нередко игнорирует и по сей день, так как для нее она начинается только с появления письменных памятников. Письменность же в прошлом имело не более трех процентов народов Земли. Вот почему историю большинства еще и сегодня отнимают либо «космические пришельцы», либо все те же «культуртрегеры» из стран Европы — представители белой расы.

В тот час, когда народы добиваются освобождения от колониального ига, когда они выходят как субъект

действия в современный мир, естественно их желание перестать быть «незаконнорожденными» и восстановить свою историю. Они вправе задать вопрос нам — этнографам и историкам: «Кто мы и откуда?»

Человек ищет своих предков не ради того, чтобы быть ближе к великокняжескому месту, как делали русские бояре, и не ради того, чтобы отомстить роду обидчика, как происходило совсем недавно во многих частях света. Человек ищет своих предков, чтобы в великой и созидательной жизни многих поколений землян — людей, преобразовавших Землю, сделавших ее удобной для своей жизни, найти свое место, которое принадлежит ему по праву творца и мыслителя.

В нашем мире нет и не может быть народа — просто потребителя чужого богатства, чужих знаний, чужой культуры. Пусть история помнит завоевательные походы, грабительские набеги и гибель культуры и ее носителей от захватчиков в разных концах Старого и Нового Света. Пусть помнит, потому что люди не имеют права ничего забывать. Прогресс все равно неукротим. Человечество продолжало созидательную работу, объединяя усилия всех: и творца колеса, и первого агронома, сделавшего культурными растениями дикую пшеницу, просо, кукурузу. Сегодня каждый из живущих на Земле должен отчетливо сознавать, что успехи мировой цивилизации — итог мудрой памяти всех веков и поколений землян.

В наше бытие из прошлого пришли человеческий труд и талант, страсти и ум сотен поколений. Отнимите у нас содеянное предками — и сотрутся с лица Земли города и заводы, рассыплется плотина, и мрак опустится на Землю. Великое свойство прогрессивного человека — не забывать прошлого и быть благодарным тем, кто шел впереди!

Так воздадим же дань уважения австралийцам, сумевшим выдержать суровый натиск природы, лишившей их плодородных степей, упрятавшей в пески источники живительной влаги, изведшей леса и крупных животных. Так будем же благодарны ненцам и эскимосам, звенкам и кетам, освоившим безбрежные районы тайги и приполярной тундры — тех обширных просторов, куда вслед за ними устремляемся мы для преобразования этого края. Будем признательны великим и первым мореходам-полинезийцам, преодолевшим на долбленках и катамаранах огромные пространства Тихого океана,

принесшим жизнь на безжизненные коралловые и вулканические острова Микронезии. Будем помнить об этом не с позиции снисхождения человека, а с позиции общечеловеческой, находящей четкое выражение в нашем коммунистическом мировосприятии, мировоззрении. И мы и они, и наши и их предки создавали то, что сейчас называют мировой цивилизацией.

Большинство народов не имело письменности, и большинство народов поэтому не может быть изучаемо традиционными методами исторической науки, как не может быть изучен этими методами и самый большой период, прожитый человечеством,— эпоха бесписьменно-го доклассового общества.

Однако история народа сохраняется не только в письменных данных, но и в его традициях и обычаях, в его представлениях и верованиях, в его орудиях труда, пище, одежде и жилище, в памятниках древности, которые встречаются на могильных полях и местах древних поселений, в легендах и эпических сказаниях, во всем комплексе культуры. Восстановить по этим следам родословную, историю народов может одна из самых древних и современных наук о человеке и обществе — этнография. В этом благородном деле она постоянно черпает новые факты в этнических аспектах исследований таких наук, как география и ботаника, языкознание и зоология, фольклористика и антропология, история и психология, археология и социология.

Нет и не было народов, которым была уготована участь быть «неисторическими», но были и есть народы, культуру которых уничтожали в колониальную эпоху. Рассказать правду о народах, на богатом и разнообразном материале представить ход истории на всех обитаемых материках планеты — благородная задача этнографической науки.

Человек рождается с широко раскрытыми глазами. Он видит мир во всех красках и радуется первым открытиям. Не терять радости открытий, не терять жажды узнать новое, быть человеком — венцом творения — прекрасная миссия на Земле. Умение ценить созданное людьми приходит тогда, когда приходит знание. Такое умение воспитывает убежденных сторонников великого принципа коммунистической эпохи — человек человеку друг, товарищ и брат.

О зарождении и становлении самой этнографии, о ее безвестных и малоизвестных тружениках, об отече-

Вольный шкипер

Жизнь и подвиг
Ильи
Вознесенского

Жизнь и злодеяния
Диэго де Ланды

ЭТНОГРАФИЯ —
ИСТОРИЧЕСКАЯ
НАУКА,
ИЗУЧАЮЩАЯ
ПРЕИМУЩЕСТВЕННО
ПУТЕМ
НЕПОСРЕДСТВЕННОГО
НАБЛЮДЕНИЯ
КУЛЬТУРНЫЕ И БЫТОВЫЕ
ОСОБЕННОСТИ
РАЗЛИЧНЫХ НАРОДОВ МИРА,
ИССЛЕДУЮЩАЯ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
И РАЗВИТИЕ ЭТИХ ОСОБЕННОСТЕЙ,
ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
(ЭТНОГЕНЕЗ), РАССЕЛЕНИЯ
(ЭТНИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ)
И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
НАРОДОВ.

Легенда о Дохе

Воины идут
вслед за солнцем

Серая Рысь
из племени
духа
Черного
камня

Дар
экспедиции
Кука

Каду
путешествует

ственной этнографии — науке самой многонациональной страны, о важных современных этнографических проблемах из этнической истории мира и истории доклассового общества, о благородном труде моих друзей и коллег ради людей и во имя людей будет рассказано в этой книге. Наука и ее творцы в каждой главе представлены в максимально документированной точности вех и событий, иллюстрированных живым рассказом о людях и их делах.

введение

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Человечество не только едино, но и многолико. Группы людей, связанных единством происхождения, общей культурой, языком, территорией и называемых этносами, и составляют его многообразие.

Наши далекие предки, начав освоение планеты, с удивлением обнаруживали, что кроме их родного племени на Земле живут люди, чей язык и обычаи непонятны, а еще дальше них, где-то за тридевять земель, — люди, которые цветом кожи, разрезом глаз отличаются от соплеменников. Более четырех тысяч лет тому назад древние египтяне в памятниках своего искусства и письменности отразили многообразие человеческого рода, указав, что к югу от царства фараонов живут чернокожие, к западу — белокожие, а к востоку желтокожие люди.

Открытие того несомненного факта, что на Земле его родное племя не единственное, не обескуражило нашего далекого предка, а заставило дать собственное объяснение подобному явлению. И родились многочисленные легенды о происхождении разных народов, о появлении людей с разными оттенками кожи. Некоторые из

них звучали как забавная шутка, другие были полны глубокомысленного раздумья.

Когда американские индейцы увидели среди поселенцев Нового Света белых колонистов и их чернокожих африканских рабов, они дали такое объяснение столь непривычному для них разнообразию людей. Боги, думая о заселении земли человеком, вылепили из глины фигурки людей и положили их для обжига в печь; вынули фигурки из печи вовремя, и были они отличного кирпично-красного оттенка — так боги создали индейцев — первопоселенцев Америки.

Подумав о других странах света, боги вновь изготовили из глины фигурки. Вновь положили их в печь, но заболтались, забыли вовремя вынуть фигурки из печи, они обуглились, стали как головешки, но боги не растерялись, вдохнули в них жизнь, и стали те неграми. И вновь боги сделали глиняные фигурки, вновь сунули их в печь и, боясь пропустить время, поторопились вынуть их из печи.

Они получились бледно-розового цвета. Так появились на свете европейцы.

Охотники за черепами — кава, жившие в джунглях долины верховьев Меконга, представляли себе, что они сами и соседние с ними народы — мяо, тай и носу — родились вместе, в одной тыкве. Когда люди собрались покинуть тыкву, оказалось, что у выхода их поджидает огромный тигр. Никто не решался выскочить из отверстия в тыкве: все боялись попасть в тигриную пасть. Но вдруг откуда-то прилетел маленький воробей и больно клюнул тигру хвост. Отвернул тигр морду от отверстия в тыкве, чтобы наказать обидчика, а люди тем временем выскочили и разбежались в разные стороны: одни бросились в джунгли, другие — в долины, третьи — в северные горы, четвертые — в восточные. Боясь тигра, люди не общались друг с другом, у них появились свои языки, они стали разными народами — кава, тай, носу и мяо. Различия между внешне похожими людьми проявлялись и в обычаях, например в первом акте общения — приветствии. Одни протягивали руку, другие отвешивали поясной поклон. Мог быть поцелуй и легкое прикосновение носа к носу. Предлагали раскуренную трубку или пиалу подкрашенного молоком чая. Необычность поведения иноплеменников, невозможность воспользоваться своей речью для объяснения с чужими пугали и настораживали.

Разные языки, разные обычаи — разные, очень разные люди населяли и населяют планету Земля. И раньше — три тысячи, четыре тысячи, десять тысяч лет назад — на всех обитаемых континентах жило много разных племен, но каждое племя общалось только с соседями, имея самые смутные представления о тех, кто жил дальше соседей и еще дальше соседей тех соседей. По прошествии столетий и тысячелетий расширялись представления о Земле и ее жителях, возрастал интерес к незнакомцам. Этот интерес родил не только убеждение, что мир разнообразен, но и убеждение, что в этом разнообразии есть что-то общее, связывающее различные народы между собой, как крупный фрагмент единой мозаики, имя которой — род людской.

Уже очень давно соседние племена находили возможность для длительных контактов, которые нередко приводили к их слиянию, образованию общего коллектива людей, несущих наследные культуры прежних групп. И если в первую очередь подчеркивалось наличие языкового барьера — разноязычия, то и возникающее единство проявлялось в общем языке. Когда-то человечество, чтобы объяснить непохожесть звуковой речи разных народов, родило легенду о Вавилонской башне и божьей каре — превращении одноязычных строителей в многоязыковую массу разобщенных людей. Наука доказывает, что и в прошлом было много разных языков, что были родственные и неродственные меж собой языки и что языковое родство или различие является важнейшим этнообразующим и этноразделяющим фактором.

Вспомните, какстораживается ваше внимание, когда где-нибудь за рубежом вы слышите родную, то есть привычную с детства, речь. Вы будете прислушиваться к ней, всматриваться в говорящих. Для вас, как и для каждого человека, она будет нитью, связывающей с родным народом, родной культурой.

Язык — великое достижение людей и великое средство общения между ними. Обычаи и традиции, культуру и наследство предков новые поколения получают от предыдущих через язык.

Образная, богатая красками звуковая речь — уникальное свойство рода человеческого. И этой уникальности не противоречат современные открытия «дельфиньего языка» или звуковых сигналов «братьев наших меньших» из мира животных.

Необычность человеческой речи, ее особое значение для нормального течения жизни родственных коллективов привлекали внимание многих ученых, пытавшихся решить проблему самого возникновения языка. Знаменитый математик и философ Готфрид Лейбниц считал, что человеческая речь родилась как подражание природным звукам — пению птиц, шуму водопада, громовым раскатам. Великий французский философ Жан-Жак Руссо утверждал, что язык породили человеческие чувства: боль, страдание, радость, тревога. «Страсти,— писал Руссо,— вызывали первые звуки голоса. Язык первых людей был языком поэтов».

Красивые, поэтичные теории наука вынуждена была отставить после открытия академиком Павловым второй сигнальной системы — особого инструмента, предусмотренного природой только для человека и позволившего труду, создавшему человека, создать и звуковую речь. Язык был первоначально средством общения внутри малых обособленных коллективов. Чем больше было таких коллективов, тем больше было языков.

Сегодня на земном шаре этнографы насчитывают свыше двух тысяч этносов, а лингвисты — почти три тысячи языков. Расхождение между этнографами и лингвистами не имеет принципиального значения. Просто этнографы рассматривают коренное население Австралии или папуасов Новой Гвинеи как единые по происхождению группы людей, имеющие общую культуру и общий язык, допуская его деление на диалекты, как и самих людей — на племена и им подобные группы; лингвисты же считают, что у австралийцев и папуасов, вместе взятых, несколько сот языков.

Правы лингвисты, правы и этнографы. Придавая важное значение языку в формировании национальной культуры, этнографы рассматривают и процесс сложения общей культуры и быта у разноязычных народов на базе либо языка основного этноса, либо языка межнационального общения. Вот почему может случиться так, что на основе близкородственной группы языков у их носителей сформируются общие для всей группы специфические черты культуры и быта, отделяющие их от других групп и этносов. Несомненно, в далеком будущем произойдет слияние не только наций и народностей, но и языков: будет единый этнос — земляне и единый язык — землянский. Так будет когда-нибудь, а пока процесс идет, портретная галерея человечества оста-

ется и долго будет оставаться многоликой и многоязыкой.

Издавна в науке появилась потребность как-то объединять племена и народы. История знает разные субъективные принципы такого объединения: по уровню развития культуры, когда народы делили на дикие, полудикие, цивилизованные и культурные; по темпераменту — на холодные, вспыльчивые, мирные, флегматичные; по вероисповеданию — на христианские, мусульманские, буддийские, языческие. Существуют и объективные принципы для классификации народов: по антропологическим признакам; по роду хозяйственной деятельности (охотники, рыболовы, собиратели; пастушеские, земледельческие и индустриальные этносы); по месту обитания (горные, долинные, береговые и т. п.). Наиболее объективным является принцип распределения народов по географическим районам — народы Америки, народы Азии, народы Европы, народы Африки и т. д., а также в соответствии с политико-административной картой мира — народы СССР, народы Индии и т. п.

Но сколько бы мы ни дробили географические районы или антропологические типы, сколько бы мы ни добавляли подвидов хозяйственной деятельности, все равно в пределах выделенной таким образом группы окажутся этносы с различной культурой и различными языками. Иными словами, их объединение будет все-таки случайным, а не закономерным.

И тут мы вновь обращаемся к самому яркому выразителю национальных особенностей — к национальному языку. Нельзя ли через языковые семьи, объединяющие родственные по происхождению языки, прийти к какой-то системе в галерее портретов носителей этих языков? Если языки родственны, то можно ли считать родственными и народы, говорящие на них? Вопрос может показаться неожиданным. Ведь столько уже было сказано об этнической специфике языка. И все-таки можно ли считать родственными бразильцев и португальцев, говорящих на одном португальском языке, жителей США и англичан, которые пользуются практически одним языком? В данном случае языковое родство не является знаком этнического родства. Ведь нам хорошо известно по историческим материалам, какие различные по своему происхождению части этносов вошли в состав новых этнических общностей Нового Света.

И все-таки языковеды правы, когда, зная о таких примерах, утверждают, что подобное положение подтверждает правило: родство языков чаще всего свидетельствует и о родстве народов.

Родство языков, классификация — не может ли она помочь этнографам правильно расположить многие сотни этнических портретов? Может...

Этнографы, положив в основу классификации народов генеалогическую классификацию языковедов, создали этнолингвистическую карту мира. На этой карте родственные портретные группы этносов имеют общую цветовую гамму. Карта показывает распространение родственных народов, зоны их исторического формирования. Но на этой карте крошечными островками выделены области расселения народов, которые, как и их языки, не имеют ныне живущих родственников и чье происхождение — загадка.

Всмотримся в карту мира, и мы увидим на обширных просторах Евразии общую гамму цветов. Ею обозначены народы самой большой по численности языковой семьи мира — индоевропейской. Они населяют и Европу, и Южную Азию. Вместе с индоевропейцами Америки, Южной Африки, Австралии и Океании их численность превышает 2,2 млрд. человек. Новые этносы Северной Америки — американцы (жители США), англо-канадцы, франко-канадцы и славяно-канадцы; в Латинской Америке — бразильцы, аргентинцы, чилийцы, перуанцы, кубинцы и другие, возникшие в результате колонизации и говорящие на испанском или португальском языке; в Южной Африке — африканеры — потомки голландскоязычных буров; в Австралии и Океании — англо-австралийцы и англо-новозеландцы — все они порождение эпохи новой истории — истории, записанной кровью многочисленных народов, которых огнем и мечом с благословения христианской церкви приводил к закабалению нарождающийся капитализм.

Территория Европы (за исключением ее восточной и северо-восточной частей) является той зоной, где уже в новокаменный век обитали племена, бывшие предками индоевропейцев.

Тогда, много тысячелетий назад, они были охотниками и собирателями, рыболовами на реках и в морях. Чтобы прокормить возрастающее число соплеменников, им приходилось дено и ношно обходить огромные пространства в поисках добычи. В той Европе, которая се-

годня насчитывает около 0,5 млрд. человек и где маленькие и большие города притулились друг к другу, тогда на охотничьей тропе, которую и за месяц не обойти, редко можно было встретить соплеменника, а тем более иноплеменника. Люди не рисковали вторгаться на охотничью территорию иного племени, если их не вынуждал голод, ибо вторжение на чужую землю означало войну.

Предки индоевропейцев, не отделенные труднодоступными горами, или бурными речными потоками, или безбрежным морем от обитателей долин Нила и Тигра с Евфратом, доходили в поисках пищи, казалось, до самых далеких пределов Земли — до этих долин, расположенных на Африканском и Азиатском материках.

А в этих долинах и рядом с ними уже в новокаменную эпоху люди, своим физическим обликом не отличавшиеся от предков индоевропейцев, умели выращивать полезные растения и разводили домашний скот. Эти новые навыки и переняли древние европейцы. Теперь они могли прокормить больше соплеменников, и численность населения Европы стала расти.

И все же, когда в долине Нила возникло Древнее царство фараонов, а в долине Тигра и Евфрата — загадочное Шумерское царство, Европа оставалась «диким» краем Земли. Прошли еще десятки веков, прежде чем зародился греко-римский античный мир. За эти столетия древние индоевропейцы пережили немало крупных событий в своей истории. Самым выдающимся было отделение азиатской ветви индоевропейцев, ее передвижение то ли из районов Кавказа (здесь сегодня к индоевропейцам относятся армяне, а также осетины, курды и другие представители азиатской ветви), то ли из районов Средней Азии (здесь индоевропейским народом азиатской ветви являются таджики) в Переднюю Азию (современные ираноязычные народы — персы, афганцы и др.) и далее по Ваханскому коридору вдоль Гиндукуша на просторы Индостана.

В XII в. до н. э. в Южную Азию вторглись индоевропейцы ирано-индийской группы азиатской ветви, известные в истории Индии как арии, и оттеснили, частично ассимилировав, древнейшее дравидское и мундское население Индостана.

Сегодня на полуострове Индостан и острове Шри Ланка проживает свыше 170 млн. дравидов (среди них крупнейшими народами являются телугу, тамилы, ма-

лаяли, каннара) и около 10 млн. мунда, и все же подавляющее большинство населения — свыше 500 млн. — это индоарийцы, то есть индоевропейцы азиатской ветви, потомки тех пришельцев, которые первыми прошли Ваханским коридором из Европы в Азию. Много столетий спустя этим коридором в Индию устремились войска Александра Македонского, а еще через несколько столетий — тюрки, создавшие государство Великих Моголов, несколько веков спустя павшее под огнем орудий английских колонизаторов.

Приход ариев более тридцати веков назад в Индию был важнейшим событием в истории индоевропейцев, изменившим древнюю мозаику этнической карты мира. Но это событие было не единственным сюжетом на портрете человечества. В самой Европе от предков индоевропейцев остались следы в древнейшем слое языков. Есть две-три интересные, но малодоказательные гипотезы. По одной из них, например, в древних хеттах следует видеть искомым индоевропейцев, а в современных басках (их около 1 млн.) — обитателях горного района в Пиренеях, язык которых не входит ни в одну языковую семью, — прямых потомков первопоселенцев Европы. Несомненным остается лишь то, что под влиянием исторических событий народы Европы меняли не только язык, но и территорию обитания.

Считается, что первыми индоевропейскими племенами на территории Западной и Центральной Европы были кельтские и славянские, чересполосно с ними или много южнее и восточнее обитали романские и германские. Сначала произошла романизация бывшего кельтского населения, как последствие колонизации Западной Европы римлянами античного мира, затем романцы и германцы оттеснили славян на восток — в Восточную Европу (славянские земли доходили до современной Дании и включали районы Гамбурга). Появившись в пределах Восточной Европы, славяне вошли в тесный контакт с финно-угорскими и уральскими народами, которые из первоначальной зоны своего обитания в пределах Волжско-Камского бассейна и Урала заселили всю Среднерусскую возвышенность, районы Прибалтики, Карелии и европейского Севера. Финно-угорские народы вошли в исторический контакт со славянами, частично ассимилировались с их русской ветвью, частично отошли за Урал, в Западную Сибирь. Здесь, в Западной Сибири, финно-угры представлены сегодня хан-

тами и манси, уральцы — ненцами и селькупам, нганасанами и энцами. Эти народы составляют уральскую семью. Их дальнейшая этническая история проходила в тесных контактах с народами Сибири и Севера, которые по языку относятся к различным ветвям алтайских народов — тунгусо-маньчжурской, тюркской и монгольской, а также к палеоазиатам и кетам. Кеты, как и баски, — еще один «загадочный» народ мира: язык их не входит ни в одну семью языков. Живут они на берегах Енисея и его притоков, осваивая обширную территорию тайги и тундры, а всего их 1000 человек.

С XV в. н. э. индоевропейцы начали свое проникновение в новые, ранее не изведенные ими части мира: в Новый Свет (обе Америки), Африку, Австралию и Океанию. Приход европейцев стал началом длительной колонизации коренного населения. С того же периода началось освоение русскими и украинцами обширных просторов Севера и Сибири. Портретная галерея человечества менялась, дополнялась новыми красками, утрачивая, однако, кое-какие прежде характерные цвета и оттенки. В пору европейской колонизации Америки, Австралии и Океании исчезли с лица земли многие племена и народы океанического мира — тасманийцы, огнеземельцы и десятки таких, чьи даже имена не сохранила память поколений. Пали под натиском колонизаторов древние цивилизации Америки — ацтеков, майя и инков, мощные средневековые царства Африки южнее Сахары — Сонгайское, Зимбабве, Мали, Гана, город-государство Бенин. Потеряли основную часть населения и остались небольшими этническими группами австралийцы и гавайцы, рапануйцы и самоанцы, апачи и навахи, арауканы и тлинкиты, бушмены и азанде.

Возникли новые по языку индоевропейские этносы в Америке, Африке, Австралии и Океании, и нередко, как это произошло в Латинской Америке, новые этносы возникали в результате метисации пришельцев-европейцев с завоеванными индейцами и привезенными из Африки африканцами-неграми.

На дальних окраинах Евразийского континента, завершающихся миром Японских, Филиппинских и Индонезийских островов, на протяжении тысячелетий формировались крупнейшие этносы: китайцы (свыше 900 млн.), японцы (свыше 120 млн.), яванцы (свыше 70 млн.), вьетнамцы и корейцы (каждый свыше 50 млн.).

Здесь обитает также несколько сот больших и малых народов, к которым относятся монголы и тибетцы, уйгуры и мяо, ицзу и сиамцы, бирманцы и кхмеры, малайцы и айны, чжуаны и маньчжуры. Историческая экспансия китайцев сначала на юг Восточной Азии, за реку Янцзы, в области первоначального расселения и обитания монкхмерских, тибето-бирманских, чжуанских и малайских этносов, а в период XVIII—XIX вв.— на северо-запад (в область расселения и формирования тюркских народов) и на северо-восток (в зону расселения маньчжурских народов) несколько изменила этническое лицо Восточной и Юго-Восточной Азии, но не уничтожила своеобразной культурной и языковой картины. И по сей день именно Восточная и Юго-Восточная Азия дает пищу для многих головоломных задач, поставленных этнической историей.

Одни из них связаны все с теми же привычными вопросами: «Как?» и «Почему?» Как случилось, что именно в этой части Азии три народа: андаманцы (население Андаманских островов), айны (жители острова Хоккайдо) и даже японцы — а если добавить и буришей (обитателей горных районов Гиндукуша), то четыре — являются изолированными в языковом отношении? Почему, будучи сопричастными истории всей мировой цивилизации древнего и нового времени, те же японцы не имеют никаких генетических, языковых параллелей? Возможно ли стомиллионную японскую нацию зачислить по разряду «осколка» древнейшего народа, как это делают с басками или кетами, как это можно сделать с 50 тысячами буришей, 20 тысячами айнов или тысячей андаманцев?

Портрет народа — даже если установлено, например, что айны относятся по физическому и антропологическому типу к австралоидам, — не может сам по себе ответить на поставленные «как?» и «почему?», хотя он может подсказать путь поиска истины.

Впрочем, обратившись к историко-этнографическим загадкам, мы отошли от общей картины. На ней пестрым полотном выделяется Кавказ, зажатый на узкой полосе двумя морями — Черным и Каспийским, и практически однотонной лентой тянется от Забайкалья и Саяно-Алтая на востоке до Дунайской низменности на западе (сюда примыкает Анатолийское нагорье на юго-западе) обширная Великая Евразийская степь. На карте Европы и Азии — это два примечательных района, рож-

денные в одном случае препятствиями взаимоизолированных горных хребтов, в другом — отсутствием каких-либо серьезных преград на пути переселений, передвижений народов.

Европеидные (по антропологической классификации) народы, обитавшие с эпохи Древнеегипетского и Шумерского царств в Северной Африке и Малой Азии и принадлежавшие к одной языковой семье, получили по предложению лингвистов имена двух сыновей библейского Ноя — Сима и Хама и стали называться семито-хамитскими (к ним относятся современные арабы и берберы, жители Эфиопии, Сомали, Республики Чад и Израиля). Народы Кавказа, родственные по языку, были названы по предложению академика Н. Я. Марра яфетическими — по имени третьего сына Ноя — Яфета.

Кавказские, или яфетические, народы исторически формировались в пределах их современного обитания, а также в области Малой Азии, непосредственно примыкающей к Закавказью. Не лишено оснований предположение лингвистов и историков о яфетидоязычности населения древнего Ванского царства. Сложность географических условий Кавказа отразилась на этнической истории народов главным образом тем, что происходившее в прошлом дробление единых этносов закреплялось естественной изоляцией. Довольно часто возникали небольшие по численности этнические общности, способные защищать свою национальную самобытность лишь в противоборстве с соседями. Подобная ситуация объясняет чрезвычайную сложность национальных взаимоотношений в предреволюционные годы, слабость разобщенных народов перед нашествиями завоевателей, оставивших следы своего пребывания в тюркоизации прежних яфетидов (например, азербайджанцев). Даже среди крупных этносов Кавказа, формирование которых завершилось в сравнительно недавнем прошлом, до последнего времени заметны были этнографические особенности отдельных групп населения (например, в дореволюционной Грузии внутри грузинского этноса довольно четко выделялись этнографические группы хевсуров, кахетинцев, карталинов, пшавов и др.). Географический рубеж — Главный Кавказский хребет разделяет современных яфетидов на две основные группы: картвельскую (грузины) и дагестанскую (аварцы, лезгины, даргинцы, лакцы и др.), между которыми существуют еще две

ветви — нахская, или центральная (чеченцы, ингуши), и адыго-абхазская.

Хотя общая численность говорящих на кавказских, или яфетических, языках — около 5 млн. человек, кавказоязычными являются более двух десятков народов СССР.

Наличие на Кавказе представителей ираноязычных народов индоевропейской семьи связано с историей формирования самих индоевропейцев, присутствие же в Дагестане и примыкающих к нему районах, а также на Каспийском побережье в Азербайджане тюркоязычных этносов связано с историей западного продвижения тюрков — представителей алтайской языковой общности, которые либо ассимилировали прежнее население, либо оставили свои этнические группы на путях такого продвижения.

Алтайская языковая семья, делящаяся на три ветви — тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую, — одна из самых распространенных в пространственном протяжении семей Евразийского континента. Народы — носители алтайских языков распространились по всей Центральной и Средней Азии, занимают северную часть материковой Восточной Азии, Малую Азию, обитают в Западной Европе (гагаузы в Болгарии) и на большей территории Сибири и Дальнего Востока, доходя до берегов Тихого и Ледовитого океанов. Обширна область формирования алтайской языковой семьи, но она сконцентрирована вокруг Саяно-Алтая и примыкающих к нему районов: на западе — Минусинской котловины, на юге — центральноазиатских степей, на востоке — Маньчжурии и Приморья. Эти три зоны явились впоследствии, при распадении алтайской общности, зонами формирования тюркских этносов (Минусинская котловина и Саяно-Алтай), монгольских (Центральная Азия и Забайкалье) и тунгусо-маньчжурских (Приморье и Маньчжурия). Отсюда начиналось движение (по мере демографического роста и в результате хозяйственной необходимости) алтаеязычных народов на территории, удобные для обитания и относительно свободные или редконаселенные. Движение могло идти лишь в трех направлениях — на север, где пришельцев встречали труднодоступные районы тайги и тундры, на юг, где в случае преодоления пустынных и полупустынных районов и сопротивления многочисленного земледельческого китайского населения преградой становилась река Хуанхэ, и на

запад — по широкой ленте степей. Географическая обусловленность предопределила западный путь как наиболее благоприятный. По нему от века к веку и осуществлялось проникновение прежде всего тюркоязычных этносов в финно-угорские и индоевропейские этнические территории, а в XIII столетии — объединенных тюрко-монгольских групп. Северный и северо-западный путь был областью расселения преимущественно тунгусо-маньчжуров, а двигавшаяся здесь же часть тюркского и монгольского этносов (будущая этническая основа якутов и бурят) испытывала влияние как палеоазиатов — древних обитателей Сибири и Севера, так и тунгусов (эвенков).

В межэтнических столкновениях, когда этносы заимствовали друг у друга достижения труда и культуры, создавалось современное многоликое человечество. Оно прошло тернистым путем, оставляя на полях военных сражений и в битве с голодом, болезнями и стихиями сотни тысяч и сотни миллионов своих предков.

Сколь трудным был этот путь, показывает простая, опирающаяся на арифметические действия динамика численности населения мира за последние тысячелетия.

В ту пору, когда с исторической арены уходил первобытнообщинный строй — доклассовое общество — и в долине Нила еще только зарождалась новая земледельческая цивилизация, то есть в 5-м тысячелетии до н. э., население Земли насчитывало всего 30—50 млн. человек, причем большинство жило в Северной Африке и Малой Азии. Прошло 5 тысяч лет, и уже наибольший рост населения дает Европа.

К началу нашей эры в мире жило около 250 млн. человек, из них в Европе — свыше 60 млн., в Восточной Азии (включая Китай) — около 50 млн., в Южной и Малой Азии и в Африке — примерно столько же, а остальные — в других районах и частях света.

К 1000 г. н. э. численность населения выросла незначительно и достигла примерно 280—300 млн. человек. Первое тысячелетие нашей эры было на всех континентах Старого Света эпохой установления феодальных порядков. Феодализм утверждался в пору нашествия кочевников на исторические центры земледельческих цивилизаций. Эти нашествия подрывали жизненные силы прежде многомиллионных стран и задержали прирост численности земель.

Через полутысячелетие, в 1500 г., на земле уже жило 400—500 млн. человек, причем из них больше половины расселялось в Азии, где установилось относительное спокойствие.

Восточная Европа за эти пять веков (1000—1500) испытала татаро-монгольское иго, а в Западной Европе бубонная чума в XIV в. унесла более трети населения. Всего в 1500 г. насчитывалось в Европе около 90 млн., столько же в Африке, а в Америке — около 50 млн. жителей.

В странах Азии и Африки в течение многих веков чрезвычайно высокая детская смертность сводила на нет традиционную многодетность. Так, у народа мяо, жившего в южных районах Восточной Азии, из тысячи новорожденных до года доживало не более 200 человек. Бытовала даже поговорка: «Мать видит, как рождается ребенок, но не видит, как он пойдет».

Новое время породило колониализм и всемирный позор капитализма — работорговлю африканцами. Работорговля лишила африканские народы 100 млн. дееспособных людей и надолго затормозила прогрессивное развитие африканских этносов, оказавшихся к тому же, как и народы Азии, Австралии, Океании и доколумбовой Америки, под игом колонизаторов.

В XVIII в. прогресс, достигнутый Европой благодаря технической революции и созданию промышленности, новшества в сельском хозяйстве, позволил ей повысить материальное обеспечение населения, что способствовало увеличению числа многодетных семей, а успешная борьба с эпидемиями и детской смертностью привела к быстрому росту численности европейцев. Вместе с тем в XIX и особенно в XX в. именно Европа несла людские потери в войнах, что привело в определенные годы к превышению смертности над рождаемостью и общему снижению прироста населения.

После победы над фашизмом и милитаризмом началось освобождение бывших колоний и зависимых стран Азии и Африки. Подъем их благосостояния и широкая медицинская помощь, оказываемая другими странами, способствовали существенному снижению детской смертности и привели к колоссальному росту численности населения в этих районах, который назван угрожающе — «демографическим взрывом».

Многоликое человечество сегодня приблизилось по своей численности к 5 млрд. Нас, людей, в начале века

было более чем в 2 раза меньше, но мы успели сделать многое, овладев опытом прошлых веков и поколений. Произошел величайший скачок — образовались две различные мировые системы. Был покорен атом и открыта дверь во Вселенную. Нас, людей, теперь больше, и могущественны наши прогрессивные силы. А сколько еще успеем и сможем мы сделать, чтобы все народы на Земле жили и вольно и достойно!

Мир наших дней настойчиво зовет к единению человечества, к сплочению его сил и возможностей. У человечества много срочных совместных задач.

Но разве можно объединить тысячи разных лиц в одно пятимиллиардное лицо?

Разве можно многокрасочную мозаику превратить в одноцветное полотно?

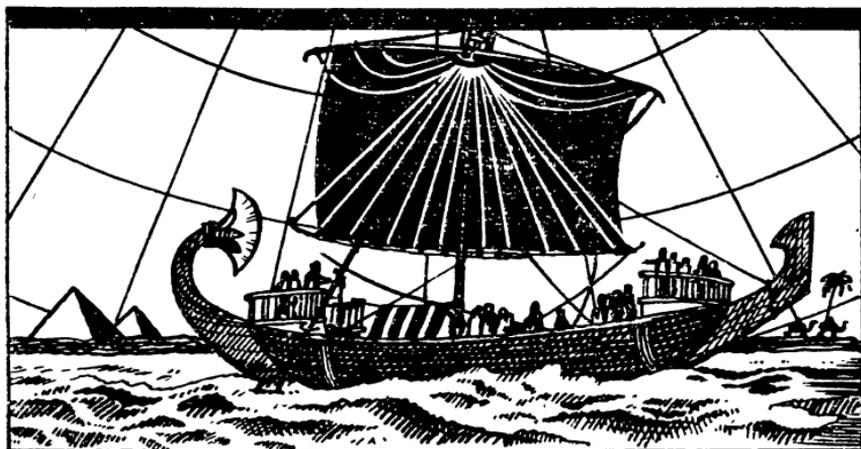
Мир и люди, его населяющие, тем и прекрасны, что они многолики и многоцветны. Но мир людей имеет одно имя — Человечество, и он един в этом имени.

Понять другие народы, живущие рядом или жившие когда-то прежде, и можно и нужно, чтобы понять смысл и единство мировой цивилизации, помнящей прошлое и творящей будущее.

Осознание человечеством единства приходит через познание конкретных этносов, через сопоставление культур, а значит, через достижения этнографической науки.

Этническая карта мира сегодня предстает не только многокрасочной мозаикой, в которой четко выделены родственные по цвету группы, но и исторически осмысленной, понятой с точки зрения современного уровня наших знаний. Этнография могла прийти к этому, лишь преодолев тысячелетние предубеждения и заблуждения, лишь совершив усилиями своих деятелей подвиг в познании людьми самих себя.

глава 1

ПЕРВЫЕ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ

Огромное пространство Старого Света от Атлантического до Тихоокеанского побережья, ограниченное примерно 50° северной широты и 20° южной, как свидетельствуют антропологи и археологи, было заселено нашими далекими предками еще более 100 тысяч лет назад.

Проходили тысячелетия, десятки тысячелетий, и в эпоху верхнего, или позднего, палеолита, как называют археологи последний период древнекаменного века, когда людям не были известны шлифованные орудия труда и керамика, завершился процесс формирования самого человека. В результате длительной биологической эволюции приспособления к окружающей среде возник человек современного вида — человек разумный, несущий основные признаки современного человечества. Это случилось на основной территории первоначального расселения наших предков примерно 40 тысяч лет назад. В ряде районов Старого Света (особенно приполярных) эпоха верхнего палеолита задержалась на 20—30 тысяч лет, и памятники ее датируются 13—8-м тысячелетиями до н. э.

Антропология и археология в эпоху верхнего палеолита находят по всему Старому Свету (исключая Ав-

стралию, Океанию, Японские острова) свидетельства пребывания человека. Человек разумный давным-давно начал свой поход за освоение новых земель. Около 20—25 тысяч лет назад он достиг Нового Света и Австралии, тогда же он появился на Японских островах и Курилах и только в начале нашей эры — на островах Полинезии и Микронезии.

Расселение человека по островам Полинезии и Микронезии происходило «совсем недавно» — тысячу или несколько сот лет назад. Оно было осуществлено людьми, располагавшими иными средствами и возможностями, чем первопроходцы Нового Света или Австралии и других островов Океании.

Человек начал осваивать Землю. Многие причины заставляли людей покидать родные просторы. Люди, понуждаемые голодом, природной стихией и набегами воинственных соседей, а много позднее и жаждой наживы, становились первыми землепроходцами. Не простое любопытство, не стремление познать мир толкали в прошлом людей в неведомые страны, к неведомым землям, а суровая жестокая необходимость искать и найти саму возможность жить и выжить.

Из всех местных и глобальных катаклизмов, изменивших географию планеты, особое значение в этнической истории имели два грандиозных события: подъем уровня Океана и термический максимум. Океан затопил сухопутные мосты, связывавшие континенты, отделил Америку от Чукотки, Индонезию от Индокитая, а термический максимум вызвал резкое увеличение потока солнечного тепла, выжег растительность, высушил водоемы и реки, образовав на обширных пространствах великие пустыни. По данным специальных наук, первое событие произошло 10—12, второе — 7—4 тысячелетия тому назад. И эти события тоже вынуждали нашего предка покидать родные края.

Человек эпохи верхнего палеолита обладал более совершенными орудиями труда, чем его более ранние предки, умел сравнительно легко добывать огонь, делать удобную одежду из шкур и растений, мог строить примитивные жилища, а не искать убежища лишь в естественных укрытиях — пещерах или дуплах деревьев. Легкое копье и лук со стрелой сделали доступной добычу и крупного и мелкого зверя, знание природы позволило увеличить сбор дикорастущих плодов, корней и трав. Но вслед за относительным достатком пропитания на-

чался рост численности племен охотников и собирателей, и прежняя племенная территория, где количество добываемой пищи всецело зависело от прихотей природы, не могла прокормить всех.

Отступил далеко на север ледник, и вслед за ним ушли крупные виды животных, бывшие главной добычей охотника. На некогда обширной территории племени охотники часто не находили добычи, так как из века в век уничтожалось животное царство, а оставшиеся звери по инстинкту самосохранения покидали опасные тропы. Жизненная необходимость заставляла охотников предпринимать походы вослед ушедшим крупным животным на север, а в иных местах — на юг, восток и запад. Человек пошел открывать новые земли, которые должны были дать пищу, а следовательно, и жизнь потомкам.

Чтобы прокормить тысячу человек с помощью продуктов земледелия и связанного с ним животноводства, достаточно (расчеты, конечно, примерные) 100 гектаров пашни и раза в три-четыре больше гектаров лугов; чтобы прокормить ту же тысячу продуктами кочевого скотоводства, уже надо несколько тысяч гектаров пастбищ, а чтобы добыть пищу для тысячи соплеменников, охотникам и собирателям нужна территория, равная таким современным государствам, как Франция или Испания. Во всяком случае охотничья тропа кета — представителя народности, населяющей сегодня Туруханский район Красноярского края, еще в начале века измерялась за один сезон 300 километрами.

В каком направлении в конце эпохи верхнего палеолита двинулись охотничьи племена Африки, Европы, Южной и Передней Азии и двинулись ли они с насиженных мест, где еще хватало пищи, — об этом нам мало что известно. Известно лишь, что к концу верхнего палеолита все эти области до их береговых океанических окраин были заселены и что в Передней Азии и Северной Африке раньше всего — в кратковременную, переходную от древнекаменного (палеолита) к новокаменному (неолиту) веку мезолитическую эпоху — возникло земледелие.

Какова же была ситуация в восточноазиатской и юго-восточноазиатской частях Старого Света? Еще в эпоху нижнего палеолита здесь, на просторах современной Монголии, в долинах Амура и Хуанхэ, на островах Индонезии и Индокитайском полуострове, появились древ-

нейшие предки Человека Разумного. В эпоху верхнего палеолита и мезолита представители монголоидной расы из Восточной и Центральной Азии и представители австралоидной расы из Юго-Восточной Азии встретились на путях своих передвижений в районах к югу от реки Янцзы.

Эта встреча изменила физический облик предков многих современных народов Восточной и Юго-Восточной Азии, привела к формированию малой расы — тихоокеанских монголоидов. Однако самым главным результатом такой встречи стало осознание монголоидными охотниками и собирателями невозможности продвижения в южном направлении, где территории были заняты австралоидами, а для австралоидов — движения на север.

И все же отдельные группы австралоидов проникли и на север вплоть до острова Хоккайдо, и даже на Тихоокеанское побережье Нового Света (древние австралоидные черепа найдены в Калифорнии).

Итак, монголоидным охотникам и собирателям из пределов Восточной Азии путь на юг был закрыт. Путь на запад преграждали горы безлюдного тогда Тибета, а по удобному проходу через Таримскую впадину из Средней Азии в северо-западные районы Восточной и Центральной Азии проникали многочисленные группы европеоидов, которые препятствовали монголоидному продвижению на запад. Восточные пределы кончались безбрежным океаном, и оставался один путь — на север, куда вослед отступающему леднику уходили крупные животные.

Древние монголоиды из пределов Восточной Азии начали беспримерный подвиг — освоение самых суровых, приарктических, таежных и арктических просторов Сибири и Севера и открытие Нового Света. Тогда, 30 тысяч лет назад, не было Охотского моря и существовала сухопутная связь между низовьями Амура, Сахалином, Японскими островами и Камчаткой. Тогда не было морей Берингова, Чукотского и Восточно-Сибирского, а была Берингия — тысячекилометровый сухопутный мост между Старым и Новым Светом.

На этом великом пути землепроходцы преодолевали тысячи невзгод и препятствий, на этом пути рождались и гибли десятки поколений, но потомки продолжали движение, начатое предками. Все ближе к северным широтам подходили костры первопроходцев, все решитель-

нее становились идущие по океаническому побережью люди. Дорога на север от долины Хуанхэ или степей Монголии до Берингии была дорогой в пять тысячелетий. Над северным краем Берингии нависали ледовые громады, зловещим было дыхание Ледовитого океана, и первопришельцы устремились по сухопутному мосту в Новый Свет в надежде на спасение. Никто не мог знать и никто не знал, что ожидает их впереди.

Советский ученый, первооткрыватель древнекаменных культур на Чукотке и Камчатке Николай Николаевич Диков так описывает приход первых людей в Америку:

«Первоначальное заселение Камчатки... должно было проходить из областей, лежащих где-то к юго-западу от Охотского моря, по суше. Медленное распространение людей оттуда на северо-восток — на Камчатку, Чукотку и далее по Берингии и привело их в Америку... Сначала была заселена Аляска. Несколько позднее, когда ненадолго образовался коридор между Лаврентьевским и Кордильерским ледниковыми щитами, люди проникли по нему и на юг Северной Америки. Возможно, что они распространились в этом направлении еще тогда, когда этот коридор не был сквозным. Таким образом, первым землепроходцам Америки пришлось преодолеть однажды узкую перемычку материкового льда. Короче говоря, мы возвращаемся к нашему парадоксальному предположению о проникновении человека в Америку тогда, когда вход в нее был весьма затруднен и людям приходилось преодолевать, возможно, и сам ледник. Северо-Американский ледник сыграл, согласно этой гипотезе, роль своего рода клапана. Оказавшись за его южной стороной, люди уже не могли, да и не хотели выбираться обратно на север. Они расселились на юг вплоть до Огненной Земли и, оказавшись в длительной изоляции, выработали свои совершенно оригинальные культуры...

В трудных условиях переселения в заледниковую Америку могли проникнуть, вероятнее всего, только незначительные группы людей. Это подтверждают исследования крови, на основании которых антрополог Г. Ф. Дебец пришел к заключению о происхождении коренного населения Америки от какой-то одной небольшой группы населения».

Такова гипотеза Н. Н. Дикова, которая в своих основных чертах совпадает с общепринятой точкой зре-

ния о первоначальном заселении Америки людьми с Азиатского континента.

Ни в Америке, ни в Австралии не было высших приматов, на основе которых самостоятельно мог бы возникнуть человек. Значит, люди здесь могли появиться с других материков, а точнее, с самого ближайшего и связанного сухопутными мостами Азиатского континента.

Подъем уровня Мирового океана отделил Новый Свет и Австралию от Азии, и они оказались практически в полной естественной изоляции. В Старом Свете на смену охоте, рыболовству пришло ручное земледелие и чуть позже скотоводство, что создало новые условия для жизни древних народов, позволило им лучше освоить ойкумену. В процессе освоения земель Старого Света происходило столкновение и смешение племен, образовывались новые этносы.

Открытая же первопроходцами Старого Света Америка оказалась на многие тысячелетия «закрытой», а Австралия превратилась в таинственную землю — «terra incognita».

Первопоселенцы Америки и их потомки освоили огромные просторы Нового Света, который во многом повторял географические зоны Старого Света, создававшие условия для самостоятельного перехода населения от присвоения продуктов природы к их производству. Здесь, на Американском континенте, росли дикорастущие сорта кукурузы, картофеля, томата и многих других корнеплодных и клубнеплодных растений. Здесь водились дикие лама и альпака, которых можно было одомашнить. Вот почему в Центральной и Южной Америке возникли не только самостоятельные очаги земледелия и животноводства, но и самобытные цивилизации, поразившие европейцев, открывших Новый Свет.

Иначе обстояло дело в Австралии. Группы пеших охотников и собирателей, пришедшие сюда задолго до подъема океана, оказались в абсолютной изоляции от своих прежних соседей и не могли установить связь с ними из-за отсутствия мореходных навыков.

«Заповедная» третичная флора и фауна Австралийского континента привели к закреплению в условиях возникшей изоляции первого хозяйственно-культурного типа — охотника и собирателя. Этот тип мог в конкретных австралийских условиях лишь усовершенствоваться, но не преобразоваться в более прогрессивный. Охот-

ники не могли стать скотоводами, так как не было животных, которых можно было приручить. Собиратели не могли стать мотыжными земледельцами при отсутствии более или менее оседлого образа жизни, при ограниченности дикорастущих сортов культурных растений.

Временная оседлость, когда фауна и флора были достаточно богаты и разнообразны, возможно, существовала в первое тысячелетие после обособления континента. Тогда же, если судить по данным археологии, росло население, существовали крупные коллективы людей типа племенных объединений. Однако древним австралийцам пришлось столкнуться с новой крупной катастрофой — термическим максимумом, который уничтожил 7—4 тысячи лет назад гигантских представителей древней фауны, нарушил флористическую картину, превратил цветущие равнины в пустыню с пересыхающими летом реками и озерами. Несомненно, что в процессе приспособления к новым условиям слишком значительными были людские потери.

В сложившихся условиях выжить могли лишь небольшие по численности группы людей, ибо для крупных не хватало добычи. Быт стал кочевым, обусловленным поисками пищи, и вся материальная культура приспособилась к нему. Разрушились племена, появился новый тип организации — локальная группа. Она стала основной социальной ячейкой. В духовной же сфере сохранились прежние, ставшие с течением веков для австралийцев новых поколений непонятными традиции и представления, которые нельзя было объяснить и сформировавшимся уровнем социально-экономического развития. На большей части земного шара человечество, объединяя усилия, шло по ступеням развития, а в Австралии аборигены были один на один с природой и даже не могли добиться объединения своих мелких локальных групп.

В пору открытия европейцами континента потомки первопроходцев Австралии предстали перед ними обществом с особой духовной культурой, усложненной напластованиями памяти прошлых поколений, и с примитивной, сугубо архаичной материальной жизнью.

На самом деле, австралийские аборигены, знавшие и бумеранг, и копьё с копьёметалкой (что с успехом заменяло лук со стрелой), пользовались вместе с тем весьма примитивными орудиями труда. Однако в местах их обитания на плоских гранитных стенах скал присутство-

вал необычный мир живописных сцен охоты и быта, портретов реальных и фантастических существ. Яркие краски, стремительные линии, реальность и условность уживались на этих вечных картинах. Образы, рожденные художником, не увязывались с бытием аборигенов, и очень многим хотелось приписать эти творения иным, даже «звездолетным» мастерам. Бывало так, что сами аборигены забывали о творении своих предков и приписывали рисунки таинственным иноплеменникам. Советский ученый Владимир Кабо, видный специалист по культуре и быту австралийцев, пишет в своем капитальном труде «Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии»: «В Кимберли наскальная живопись представлена двумя основными разновидностями. Первая и наиболее ранняя — изящные человеческие фигуры в натуральную величину, с необычными прическами, вооруженные копьями и бумерангами... Аборигены убеждены, что эти изображения сделаны народом карликов гиро-гиро, который населял эти места в прошлом... Мы знаем, однако, что для такого предположения нет никаких оснований... Австралийский художник берет из многообразной действительности то, что жизненно важно для него, для прошлых и грядущих поколений».

Австралийский художник изображал предков своих, животных и духов в магических целях, дабы получить их защиту от врагов и помощь на трудном жизненном пути. Образный мир искусства первопоселенцев Австралии по-настоящему прекрасен и задорен.

Термический максимум послужил причиной важных событий и в районах Старого Света, где он, однако, не привел к столь трагическим последствиям в культурном развитии, но тем не менее вызвал изменения этнической ситуации.

Вспомним замечательные фрески Тассили-н-Анджер, исследованные Анри Лотом. В безжизненной или почти безжизненной величайшей пустыне мира Сахаре было найдено несколько тысяч наскальных рисунков. Это вещественная память о тех, кто обитал на плодородных сахарских землях до испепеляющей жары, это автографы древних представителей семито-хамитских и банту-ских народов. В образах, запечатленных на поверхности скал, ученые различают сейчас четыре исторические эпохи — эпоху охотников на дикого буйвола, которую датируют 8—6-м тысячелетиями до н. э.; эпоху скотоводов — середина 4-го тысячелетия до н. э.; эпоху лоша-

ди — середина 2-го тысячелетия до н. э. и эпоху верблюда — начало нашей эры.

В результате термического максимума пересохла крупные реки, которые текли по Сахаре, высохли многочисленные озера, стал исчезать травяной покров и разнообразный животный мир покинул некогда благодатную землю. На фресках Тассили как бы запечатлены постепенные этапы изменения жизни на сахарских просторах, завершающиеся появлением верблюда, способного пересекать безводные пески. Уходили животные, уходила жизнь, и прежние обитатели Сахары двинулись на север, юг и восток. В последнем случае путь их лежал в Переднюю Азию.

Передвижение древнего населения Сахары на юг привело к своеобразному натиску кочевников-скотоводов на земледельческие бантуские народы, которые вынуждены были двинуться также на юг, в Тропическую Африку, и вытеснить или ассимилировать первопоселенцев — пигмеев, бушменов и готтентотов. Сегодня в южной половине Африки преимущественно обитают родственные по языку и культуре народы, объединяемые именем «банту»; они потомки тех племен, которые пришли в южные районы и принесли навыки тропического земледелия.

Не исключено, если принять гипотезу о древнем пребывании индоарийской (индоиранской) ветви носителей индоевропейских языков в Средней Азии, что появление индоарийцев в долине Ганга после XIII в. до н. э. было вызвано образованием пустыни Каракум. Изменение климата, исчезновение животных — объекта охоты, вторжение иноплеменников заставляли предков многих современных народов, то есть наших предков, становиться первопроходцами и вторгаться в уже освоенные, но чаще всего редкозаселенные районы мира.

Человек, отмеряя в тысячелетия километры и тысячи километров, постепенно познавал Землю, открывал ее, нередко давал жизнь безжизненным островам и атоллам, горным областям и заболоченным долинам, но он же своей хозяйственной деятельностью разрушал природные водоемы, изводил леса и пастбища, предоставляя простор ветрам и пескам.

Древнейшие первопроходцы шли пешком, у них еще не было ни коня, ни верблюда, ни яка, ни оленя. У них не было надежного средства, чтобы преодолеть водную преграду. Они буквально ногами мерили землю и за

тысячи лет преодолевали расстояния, которые современный воздушный лайнер покрывает за несколько минут или часов. У наших предков в запасе было огромное время, отмеренное историей. В этом их временном измерении не ощущалось резких климатических перемен, так как люди постепенно, от поколения к поколению привыкали к новым условиям.

Когда же по сухопутью были отмерены многие тысячи километров, когда произошел революционный переход от присваивающего к производящему хозяйству, перед человечеством встала задача освоить новые просторы, освоить те области, которые были прежде недоступны и находились в безбрежных даях океанов, за горными цепями, за широкими лентами бурных рек, за бесконечной вереницей барханов.

Жизнь на огромных островах Индонезии, некогда бывших частью Азиатского материка, в приморских районах Восточной Азии породила великолепных строителей катамаранов — лодок, способных преодолевать океанические просторы, и великолепных мореплавателей, рискнувших на этих лодках выйти навстречу неизвестному.

Каду путешествует

Каду родился на острове Улле (Улен), принадлежащем к Каролинским островам и отдаленном от группы островов Аур по крайней мере на 1500 английских миль к западу. Он с Эдоком и двумя другими дикарями оставил Улле на снабженной парусом лодке, намереваясь заняться рыбной ловлей у одного отдаленного острова; жестокий шторм занес этих несчастных в неизвестные места; они целых 8 месяцев блуждали по морю и наконец в самом жалком положении привалили к острову Аур. Самое замечательное в этом путешествии то, что оно совершено против северо-восточного пассата и поэтому должно обратить на себя особое внимание тех, кто полагает, что заселение островов Южного моря шло от запада к востоку. Каду рассказывал, что они все время шли под парусами, как только позволял ветер, и лавировали против северо-восточного пассата, полагая, что находятся под ветром своего острова; поэтому понятно, что они этим способом прибыли к Ауру. Время они исчисляли по луне, завязывая при каждом новолунии узел на предназначенной для того веревке. Так как мо-

ре изобилует рыбой, а у них имелись нужные для рыбной ловли снасти, то они менее страдали от голода, чем от жажды; хотя они не упускали ни одного случая собрать про запас дождевую воду, однако часто терпели недостаток в пресной воде. В таких случаях посылали Каду, как искусного водолаза, с кокосовой скорлупой, имевшей малое отверстие, на глубину моря, где вода менее солона; но если это средство и смягчало нужду в воде, то, вероятно, было причиной крайнего истощения людей.

Когда они увидели остров Аур, то вид берега уже не радовал их: до такой степени притупились их чувства. Давно уже не имели они паруса, лодка была предоставлена на произвол ветра и валов, и они спокойно ожидали смерти, когда жители Аура поспешили на нескольких лодках на помощь несчастным и перетащили умирающих на берег...

Так описал историю вынужденного плавания микронезийца Каду и его товарищей к островам Полинезии выдающийся русский путешественник Отто Евстафьевич Коцебу в отчете о своем кругосветном плавании на бриге «Рюрик» в 1815—1818 гг. Несколькими страницами ниже он замечал: «Удивительно, каким образом дикари проплывают 56 миль против пассата к такому пункту, как Мяди, который видим едва на расстоянии 6 миль. Поскольку они лавируют, то на переход тратят два дня и одну ночь, направляя свой курс только по видимым простым глазом звездам; такого искусства не достигли и европейцы».

Да, первооткрывателями Океании, ее бесчисленных островов были полинезийские мореходы, искусством которых восторгались знаменитые путешественники XVIII и XIX вв., открывшие необычную островную культуру в безбрежных просторах Тихого океана.

На ближайшей к Австралии группе островов, включающей и Новую Гвинею, обитают меланезийцы и папуасы — представители австралоидной расы; на вулканических и коралловых островах Микронезии первопоселенцами были микронезийцы. Это их предкам обязаны острова современным растительным и животным миром: все, что растет здесь, что живет здесь, привезено или выращено первопроходцами и их потомками. Большую часть Океании занимает Полинезия. Полине-

зийские острова протянулись в океане с севера на юг почти на 8 тысяч километров, с запада на восток — на 6 тысяч километров. Среди них самые большие острова Полинезии — Новая Зеландия и Гавайские и самый удаленный на запад в направлении к берегам Южной Америки — «загадочный» Рапануи, или остров Пасхи, где береговую линию охраняют огромные каменные идолы-моаи с длинными ушами.

Полинезийцы и микронезийцы принадлежат к полинезийско-микронезийской антропологической группе, переходной между монголоидной и экваториальной расами, но ближе стоящей к монголоидам. Полинезийцы, микронезийцы и меланезийцы принадлежат к одной малайско-полинезийской языковой семье.

Значит, если меланезийцы отличаются от полинезийцев и микронезийцев антропологически, то, возможно, их предки — аборигены материковых островов Меланезии — были когда-то в языковом отношении ассимилированы малайе-полинезийцами, начавшими в 1-м тысячелетии н. э. осваивать Океанию.

Огромны расстояния между островами Полинезии, но поразительна языковая близость между гавайцами на севере, маори Новой Зеландии на юге и рапануйцами — жителями острова Пасхи на юго-западе. Подобная близость может объясняться только тем, что полинезийская колонизация островов началась в исторически недавнем прошлом (не ранее 1000—1200 лет назад) и носила не случайный, а целенаправленный характер.

Не единицы и десятки Каду, оказавшиеся во власти стихии волн, были выброшены к необитаемым прежде островам, а десятки и сотни предков полинезийцев на совершенных даже для современности лодках-долбленках с балансиром, лодках-катамаранах покидали родину в надежде найти новые земли. Они, ориентируясь по звездам, достигали островов, приносили свою культуру и указывали путь тем, кто шел за ними следом.

В Океании до европейской колонизации культура достигла высокого уровня развития, хотя полинезийцы и микронезийцы не знали металла и вынуждены были оставить известное им до освоения Океании керамическое производство: на островах не было природного материала. Необычная на европейский взгляд социальная и духовная жизнь островитян, их своеобразный быт воспринимались как свидетельство крайней отсталости, дикости. Поэтому открытие исполинских статуй на ост-

рове Пасхи, таинственного иероглифического письма рапануйцев давало пищу для построения гипотез не о местной, а привнесенной извне «высокоразвитыми существами» океанийской цивилизации.

Сторонниками внеазиатского происхождения культуры острова Пасхи сознательно игнорировались очевидные антропологические и языковые связи полинезийцев с Юго-Восточной Азией, которая теми же европейцами рассматривалась как область обитания «примитивных» народов.

Несмотря на замечания великих мореплавателей о мореходных способностях народов Океании, островитянам отказывали в праве считать себя первооткрывателями островов. Предполагалось, что их предки пришли сюда в то время, когда Азию и Америку соединял сухопутный мост — материк Пацифида. Только когда было доказано, что этот мост мог существовать лишь за много миллионов лет до появления человечества, вновь начались поиски «высокоразвитых существ». Сторонники этих поисков выдвинули идею связи острова Пасхи с цивилизациями Южной Америки через океан.

Первопроходцы, первооткрыватели, пионеры, пускавшиеся в тысячекилометровый путь, — такими были наши далекие предки; их воле и упорству в борьбе с природой мы обязаны своим существованием, своим уровнем цивилизации.

Они были самыми первыми. Проходили века, и вновь появлялись первооткрыватели. Они открывали забытые страны и их население — потомков самых первых землепроходцев.

В наш век, который давно опоясал Землю радио- и телелучами, перекрыл трассами воздушных и морских лайнеров, нет больше на Земле «белых пятен», таинственных неведомых земель, но есть еще загадочные племена и народы. Накопленные знания, расширяя наши представления, помогают решать одни задачи и ставят другие. Углубляется в землю рабочий инструмент археолога, и где-нибудь на давно покинутой территории обнаруживаются развалины городов и храмов. Кто их создатели? Кто потомки этих создателей?

Лингвисты больше узнают о языковом разнообразии мира и больше ставят вопросов о родстве языков и народов. Они обнаруживают новые данные, которые не позволяют по старинке объявить язык, не укладывающийся в генеалогическую схему, либо древним, ли-

бо изолированным. Ведь говорящие на нем—наши современники и живут в соседстве с нами.

Полтора века существует в науке «кетская проблема». Кеты—древние обитатели Туруханского края Сибири. Многим этот народ, наверное, известен лишь по наслышке или по трудам таких видных исследователей, как М. А. Кастрен и Г. Ф. Миллер. Они называли их енисейскими остяками, но правильно называть так, как они сами называют себя,—кеты, от слова «кет», что на языке этого народа означает «человек».

Откуда пришли предки кетов, чей язык не имеет близких параллелей с языками соседних народов, чей быт кажется нам не приспособленным к суровым условиям Севера?

На самом деле, представьте себе кета-охотника, который уходит на промысел туруханской белки с начала зимы и до начала декабря, повязывая голову ситцевым платком (на вопрос: «Почему без зимней шапки?»—обычный ответ: «В шапке беличий шорох не услышу»), в распашной верхней оленьей парке (распашную одежду обычно носят на юге Азии, на севере традиционной является глухая одежда типа кухлянки или малицы). Иными словами, кет-охотник выглядит в приполярной тайге экстравагантно, как южанин. Когда нам однажды пришлось вскрыть древние кетские могилы, чтобы собрать первую в мире коллекцию кетских черепов, мы обнаружили неожиданно глубокие захоронения. Обычно в условиях вечной мерзлоты народы Сибири хоронят либо на поверхности на оленьих санках, либо на специальных помостах, либо в землю, но копают не глубже чем на полметра. Древние могилы кетов были на глубине до двух метров от поверхности земли. Все собственно кетские жилища сооружаются на поверхности, тогда как многие северные народы предпочитают выкапывать землянки и полуземлянки.

Сказанное свидетельствует о том, что кеты, несомненно, пришлое население на нашем Туруханском Севере, причем материальная культура дает основание искать их древнюю прародину значительно южнее современного района обитания. В то же время топонимика современных мест их обитания, да и само название Енисея—кетские. Следовательно, хотя кеты и пришли на Туруханский Север и расселились на огромных просторах (северная группа кетов от южной обитает

на расстоянии до двух тысяч километров), они были первопроходцами в этих местах.

Еще в XIX в. Кастрен считал, что предки кетов обитали в Минусинской котловине, откуда их вытеснили кочевые тюркские народы Саяно-Алтая. Кочевникам в связи с ростом населения и ростом поголовья скота нужны были новые пастбища. Тюркские народы Сибири выходили на степные просторы Алтая, Средней Азии и вступали в соприкосновение с таежными охотниками и оленеводами. По-разному кончались такие встречи — то войной, то миром. Привыкшие к просторам южных степей, отдельные тюркские племена, которые дали современным якутам язык и навыки коневодства, проникали до берегов Ледовитого океана. В своем движении они восприняли культуру таежных оленеводов, охотников и рыболовов.

Справедливо говорят антропологи, что, за очень редким исключением, вызванным особыми обстоятельствами жесткой естественной изоляции, нет сегодня на Земле народа, который представлял бы чистую расовую однородность. Антропологи любят приводить пример из этнической истории Саяно-Алтая, где столетиями длились процессы расово-этнических смешений различных антропологических типов европеоидов и монголоидов.

Для истории формирования наших сибирских народов — бурят и якутов выдающееся значение имела состоявшаяся где-то тысячелетие назад встреча курыкан и тюрков в таежных просторах Прибайкалья. Об этой встрече первопроходцев с пришельцами поведала уникальная находка в антропологической байкальской серии, петроглифы — рисунки на скалах, археологические памятники и письменные источники...

Воины идут вслед за солнцем

...Дует несильный восточный ветер. Степенно раскачиваются верхушки прямоствольных кедров. На жесткие листья осин выпадает роса. Прозрачны летние вечера в Прибайкалье. Каким бы ни был жарким день, как бы ни источала зной терпкая и влажная в таежных зарослях земля, ветер за много километров доносит холодное сумеречное дыхание Байкала. Разгоряченное тело чуть знобит, дышится легко и свободно.

Трещат сучья в разгорающемся костре. Отблески

его освещают широкую поляну, вывороченную землю и очертания могильника. Тревожное зрелище — деревянные колоды, скелеты, оружие: пики, луки, стрелы, ножи. Тут же останки боевых коней. Кто эти всадники?

Во всех могилах ни одной безделушки, ни одной обыденной вещи, только оружие.

Пятьдесят костяков обнаружили археологи в большом могильнике. Пятьдесят сердец перестало биться в прибайкальских просторах где-то на рубеже I и II тысячелетий н. э. Кто эти воины? Какая дорога войны привела их сюда?

И лишь один воин захоронен по-особому. Останки его лежат под небольшой конической юртой, сложенной из плит гнейса. Так хоронили древних обитателей Прибайкалья — предков якутов и бурят — курыканов. Но этот воин покоится в общем могильнике, там, где остальные его спутники по военной дороге похоронены по обрядам древних тюрок. Кто этот воин?

Его лук и колчан отделаны серебряными пластинами с орнаментом, напоминающим облака. Рядом с доспехами — скелет коня. Еще сохранились остатки богатой сбруи с мелкими круглыми золотыми бляхами. Хозяин коня и оружия смотрит из могилы пустыми глазами, а белые длинные фаланги пальцев еще продолжают сжимать древко стрелы.

Закончились археологические раскопки. Военные доспехи остались в местном музее, а останки воинов прибыли в Ленинград, в отдел антропологии Института этнографии АН СССР.

Исследуя останки воинов, антропологи пытаются дать ответ, к какому антропологическому типу могли они относиться, предками каких народов могли быть.

Тот, кому принадлежало оружие, отделанное серебром, имеет такой же облик, как и другие воины. Лишь одна деталь привлекает пристальное внимание: позвонок со стороны грудной клетки (почти у ключицы) поражен стрелой. Наконечник стрелы торчит в позвонке. Но странно и невероятно — не эта стрела принесла воину смерть!

Антропологи вновь исследуют поврежденные временем кости, советуются с анатомами. Вывод один: с наконечником стрелы, торчащим в позвонке, человек жил месяцы или годы, пока смерть вновь не настигла его — в грудной части скелета торчал наконечник копья.

Так кто же этот воин, дважды встретивший смерть?

Стрела летит к низко бегущим облакам, а тонкий пронзительный свист, сопровождающий ее полет, растекается над притихшей степью. Причудливо изрезанные ветром каменные утесы громоздятся на гребне горы. Она высится на западной стороне долины и делит ее на две части: чужую — горную, с высоченными кедрами, бурными речными потоками и свою — степную, ровную, покрытую густой травой. Зеленая по весне трава в засушливое лето быстро желтеет, но сохраняет питательные соки.

Черные войлочные кибитки на четырех колесах, большие круглые юрты разбросаны в излучине Великой реки. С раннего утра и кибитки и юрты покрывает серой пеленой пыль, поднятая стадами овец и верблюдов, табунами лошадей и мелькающими то здесь, то там группами всадников. Порывистый ветер подхватывает пыль с выбитых пастбищ и пригоршнями бросает в лицо. Пыль и яркое степное солнце заставляют прищуривать глаза.

Посвист сигнальной стрелы будит лагерь. Над видимым южным краем степи поднимается дым, и вскоре вспыхивает, соперничая с солнцем, яркое пламя. Сигнал предупреждения об опасности бежит по степи от одного костра к другому. Ближние караулы седлают коней. Раннее утро лагерь встречает поднятым по тревоге.

В лагере три сотни юрт, шесть сотен кибиток, две тысячи всадников, но еще больше детей и женщин, стариков и старух. Скот топчет траву, осушает мелкие водоемы. Люди снимаются с обжитого места и вслед за стадами переходят на новые земли.

Племя кочует. Впереди скачут его всадники. Какая сила преградит им путь? Слабые отступают, мужественные сопротивляются, сильные теснят слабых.

Три сотни юрт, шестьсот кибиток у племени, но уже много месяцев оно вынуждено, покинув родные просторы, уходить все дальше и дальше на север. С юга движутся полчища кыргызов.

Тревога гонит прочь беспокойный сон. Неужели опять в путь? За последние месяцы люди не успевают хоронить убитых. Тени их идут следом. Женщины льют

слезы, а дети торопятся стать взрослыми, чтобы с натянутым луком верхом на низкорослых лохматых скакунах мчаться по степи навстречу врагам.

Поколения рождаются для войны, которая длится десятилетиями. Суровая безысходная судьба!

Тревога будит племя. Только белая юрта стоит с наглухо затянутым пологом. Стражники стоят у входа. Стражники стерегут сон правителя — кагана. Племя смотрит на сигнальные костры и каганский шатер. Племя ждет.

Не разбирая дороги, мчится всадник. Он осадил скакуна перед белой юртой и легко соскочил на землю. Неестественная сутулость безобразит рослого воина. Голова низко опущена, а плечи высоко подняты. Он смотрит исподлобья, в его черных глазах пыльные слезинки. Большими руками он трет глаза и размашистым шагом идет к юрте. Широкая грудь, широкая спина. Как это не вяжется со склоненной головой. Кажется, что человек что-то ищет на земле. Вот-вот он поднимет голову... но воин идет согбенным.

Полог белой юрты откидывается, и каган выходит навстречу. Ни приветствий, ни поклонов. Воин смотрит на встревоженное лицо повелителя и улыбается.

— Что скажешь, Секал? — нетерпеливо бросает каган.

Секал — от этого имени, словно от пощечины, заливаются краской запыленные, обожженные солнцем и ветром щеки. Улыбка исчезает. Воин еще ниже склоняет голову.

— Идет Кибикаган! — говорит воин и отходит прочь. Ему больше нечего добавить.

Секал! Даже каган забыл его настоящее имя. Все забыли, а прошел всего месяц. Воин идет за юрту, а следом за ним медленно бредет его конь.

Обидное имя, но теперь все знают только его.

Пять лун, пять месяцев назад он, первый военачальник кагана, возвращался с донесением пограничной стражи. С ним был небольшой отряд. Они ехали по степи и ничего не опасались. Они даже не успели изготавиться к бою, когда туча стрел обрушилась на их отряд. Каганский военачальник резко повернул коня, чтобы встать лицом к врагу, и в тот же миг почувствовал сильный удар в грудь. Опустив поводья, он поднял руку к горлу и схватился за древко стрелы. Дернул стрелу, сломал древко и ощутил тонкие струйки крови.

Нестерпимая боль. Голова поникла. Конь, почуяв неладное, прибавил ходу. Воин больше ничего не помнил.

Очнувшись, он подумал, что вернулся из страны мертвых. Он начал новую жизнь, у него появилось и новое имя. Месяц, как военачальник опять среди своих воинов, в своем племени. Глаза его постоянно слезятся, а голова всегда опущена на грудь: наконечник стрелы так и остался в теле. Воин вынужден теперь смотреть исподлобья, и никто не называет его иначе как Секал — «согбенный».

Месяц назад Секал вернулся к жизни, а в прошлом осталось не только имя, но и несбывшиеся желания.

Из юрты послышался тихий голос. Секал вздрогнул, схватил повод коня, вскочил в седло и с ходу взял в галоп. От юрты донесся хриплый зов кагана:

— Секал!

И за ним голос девушки, дважды повторивший его имя:

— Секал! Секал!

Всадника как будто подхлестнули, он резко ударил скакуна. Девичий голос—голос из его прошлой жизни.

Девушка в ярком халате, красной шапочке с широкими полями долго смотрела вслед удаляющемуся всаднику. В ее глазах мелькнула и пропала грусть. Шум литавр, радостный гомон отвлек ее внимание.

К лагерю приближалось племя Кибби-кагана — большого друга ее отца. Девушка радовалась встрече и восторженно смотрела на подходившие отряды.

— Аза, — позвал каган девушку, — уйди в юрту.

Красива дочь кагана Аза. Она не похожа на своих сверстниц. Ее мать была курыканкой, дочь предводителя народа, бывшего северным соседом тюрок. Желая положить конец многолетним распрям, курыканы предложили заключить союз, связав его женитьбой кагана на курыканской принцессе. Принцесса долго тосковала по своей родине, где было озеро, похожее на море. Ничто не веселило ее, печаль иссушила душу. После ее смерти у кагана осталась дочь и грустная песня о судьбе принцессы:

Родина мною покинута.
Дом мой отныне в степи.
Будто бы сердце вынули —
Больше не бьется в груди...
Гуси летят на просторе
На север, в покинутый край...

Песня печали и горя,
Следом спеши, улетай.

Похоронив жену, каган сохранил к ней любовь. И, оставаясь наедине с маленькой Азой, пел ей песню матери на непонятном для девочки языке.

Властный и жестокий, каган для Азы оставался добрым отцом. Для других у него не было места в сердце, но к Секалу он был явно расположен. Каган сам приблизил к себе смелого, статного и красивого воина. Никто в племени не знал, откуда появился Секал. Старики говорили, что его четырехлетним нашли отряды, ходившие походом на север. Но еще два года назад была жива женщина, которую Секал считал своей матерью. Как бы там ни было, воина храбрее и искуснее Секала каган найти не мог. Секал приглянулся повелителю еще и тем, что очертаниями лица напоминал мать Азы. Много думал о будущей судьбе Азы и Секала каган, видя их привязанность друг к другу, а теперь...

Было отчего задуматься кагану. Вот уже месяц, как Аза, радостно встречавшая прежде приход юноши, избегает встречи с ним, боясь его уродства. Каган помнит, что еще год назад Киби-каган просил руки дочери, но получил отказ. Аза была предназначена тому, кого она сама избрала. Что же делать сейчас?

Каган с трудом разыскал в степи удаляющуюся точку — ускакавшего Секала — и вздохнул.

Весь день Секал провел в степи, вдали от своих юрт и кибиток. Он был так далеко, что даже печальные звуки труб и плачущие голоса, внезапно сменившие радостный шум литавр, не достигали его.

Солнце скатилось за причудливый гребень горы. Секал направил коня в сторону лагеря. Чем ближе он подъезжал к нему, тем тревожнее становилось на душе. С трудом приподнимая голову, воин вглядывался вдаль. Свет костров выхватывал очертания юрт и скачущих всадников. Что случилось в племени?

Утром, когда Секал умчался в степь, с юга подошли люди Киби-кагана. Отчетливо различив передних, встречавшие медленно приглушили литавры, опустили знамена. Из рядов кибинцев вырвался всадник и, высоко подняв сломанное копьё — символ смерти, поскакал к белой юрте. Всадник держал копьё Киби-кагана!

Воины потеряли своего военачальника, племя осталось без кагана, отец Азы потерял друга. Два племени

соединила смерть. Вожди и старейшины племени кибинцев привели своих людей, чтобы жить одной ордой, чтобы их повелителем стал отец Азы, их военачальником — бесстрашный Секал. Горе пришедших разделили все.

Кибикаган был родом из южных степей. Обычай этого тюркского племени были иными, нежели у племени, породившего отца Азы. Кибикагана хоронили так, как принято на его родине. Воины соорудили огромный костер. Затем другой, третий... Всю степь меж юрт и кибиток покрыли костры. Тело Кибикагана положили в выдолбленную колоду и поставили на кучу хвороста.

Мерцающий луч луны, вышедшей из-за тучи, упал на безжизненное лицо Кибикагана, и в тот же миг поднесенный факел запалил костер. Пламя взметнулось и скрыло мертвое тело. Гигантский огненный язык рванулся к луне и тучам. Запрокинув головы, женщины с распущенными волосами запели протяжные песни.

Секал подъехал к лагерю. Увиденное было непонятно и тревожно.

Он осторожно тронул стражника, пристально смотревшего на костры.

— Что это за люди? — Секал показал на всадников, круживших у костров.

— Люди Кибикагана, Кибикаган умер! — Стражник показал на гигантский костер.

Крики отчаяния раздавались в степи. Воины, подхлестывая коней, кружились вокруг костра, криками возвещая о постигшем их горе. Они рассекали лица, грудь, руки ударами острых ножей. Становилось нестерпимо жутко, горло перехватывал густой комок. Секал превозмог себя и, направив коня через дым костров, вновь умчался прочь от людей. Вернулся он лишь на рассвете.

Три дня кибинцы справляли тризну. На четвертый собрали пепел умершего в глиняный сосуд, выехали за пределы лагеря, выкопали небольшую яму. В нее опустили урну, засыпали ее землей, устроили вокруг оградку из ровных каменных плит. В центре оградки водрузили каменное изваяние. На темно-сером граните высечены усы, прямой нос, впалые глаза и руки, скрещенные на поясе. Камень был не очень похож на Улогуту, врага Кибикагана, но изображал именно его. Улогуту был самым сильным врагом, убитым покойным в пос-

ледней битве. От каменного Улогуту в разные стороны отходили большие и маленькие камни — враги, убитые Киби-каганом в боях и походах.

Орда снимала лагерь. Молодые воины, проезжая мимо каменного Улогуту, натягивали луки, и стрелы царапали твердыми наконечниками изваяние. Воины тренировали глаза и руки, ведь никто не знал, как долго продлится их дорога войны.

В ту ночь, когда горели костры, отец Азы так и не смог дожидаться Секала, и большой совет старшин двух племен прошел без него. С тех пор два племени соединились в одну орду и на плечи согбенного воина пала забота о всех тех, кто доверился ему и встал под его защиту.

Секал не знал всего, о чем до утра говорили самые мудрые вожди кибинцев с его повелителем. Правда, ему казалось, что каган как-то по-особому присматривается к нему, но спрашивать о чем-либо не хотелось. Перед смертью Киби-каган просил передать отцу Азы совет — уйти дальше на север и в землях союзных кырыканов найти мир для обоих племен и поддержку от могущественных кыргызов.

Прошло много месяцев с тех пор, как орда покинула долину Великой реки. Горы остались позади. Пройдя сначала на север, воины затем повернули на запад. Там за большой водой должны быть пастбища, богатые травами, и свободные, незаселенные земли!

Секал все время впереди орды. Он редко видит кагана, он совсем не видит Азы. Только один раз за время похода, проезжая мимо кибиток, он услышал ее тихий и печальный голос. Она звала, но Секал, боясь проявления жалости к себе, даже не оглянулся.

Зима отстала в горах. Люди шли на запад, радостно встречая весну. Уже давно их не преследуют отряды кыргызов. Они одни в этих просторах. Видимо, чужие племена боятся воинов Секала: их много и они самые сильные в этих краях.

День ото дня Аза становится старше, ей пора заводить семью. Кагана — а он помнит, что говорили ему вожди кибинцев, — мучают мысли о ее будущем.

Однажды поздно вечером каган вошел в шатер Секала.

— Ты не забыл моего обещания?

— А ты, каган?

— Я помню. Но почему ты не бываешь в моем шатре? Ты чем-то недоволен?

— Нет, каган! Я доволен своими воинами, твоей дружбой. Разве ты не понимаешь, почему я не бываю у тебя?

Молчание. Снова начинает разговор каган:

— Так не хочешь ли ты вернуть мое слово?

Секал вздрагивает и исподлобья смотрит на кагана.

— Нет, каган, тебе я не верну слова. Я верну его Азе, а она пусть вернет его тебе.

Секал резко поднимается и тяжело шагает по кошмам и коврам. Каган вздохнул и горестно покачал головой:

— Она, как и ты, не хочет его вернуть. Но теперь сдержать слово невозможно.

Секал остановился в недоумении.

— Но почему же?

— Сядь и слушай! — каган пристально посмотрел на своего военачальника. — В ту ночь, когда ты метался по степи, самые мудрые и старые вожди кибинцев, которые просили взять их воинов под твое начало, сказали мне то, о чем не знали ни ты, ни я. О чем знал один лишь Киби-каган. Он поведал им тайну перед самой кончиной. Он не зря просил руки Азы. Ты не должен был на него обижаться, но я не знал правды, не знал ее и ты. Маленьким мальчиком тебя привезли с северных границ наши воины. Ты не очень похож на соплеменников, и ты замечал это. Это замечал и я, но не придавал значения. Послушай, Кунчи, — каган назвал Секала его прежним именем, — ты курыканец. Больше того, твоя мать была сестрой моей жены! Кунчи, ведь ты брат Азы!

— Брат Азы? — Секал закрыл лицо руками. Каган молчал. — Брат Азы? Но почему ты ничего не сказал раньше?

— Завтра, Кунчи, ты уйдешь с передовым отрядом дальше всех нас. Мы будем идти следом. Мы встретимся только в месте, что находится за три дневных перехода от большой воды. Там земли твоего племени, племени курыканов. Мы идем туда, но никто не знает, что мы идем с миром. Там твой родной край! Вожди не советовали говорить тебе правду, пока мы еще в походе. Они боялись, что, зная правду, ты забудешь о племени, которое только воспитало тебя. Но я верю тебе, Кунчи! Ты понял меня?

— Да, каган! Спасибо за прошлое имя, каган. Но не называй меня так. Для меня это имя из другой жизни. Зови меня, как все, как зовет Аза. Спасибо за правду, каган. Твое племя— мое племя; я выполню свой долг, ведь я не только курыканец, но и брат Азы, а она твоя дочь!

Секал опустился на ковер. Каган тихо вышел из шатра.

Передовой отряд далеко ушел вперед. У большой воды Секал дал отдых воинам. Он отошел от костров, чтобы оглядеться вокруг. Столько воды он никогда не видел. Озеро, окруженное горами, огромно, как степь. Секал один на его берегу. Воины сгрудились в расщелине, поставили шатер и разложили костер. Становится сумеречно. Над водой стелются белесые волны тумана. Набежавший ветер пахнул холодом и донес запах конского пота, горелого мяса и дым костра. Секал ежится и тихо свистит. Конь, где-то рядом щипавший траву, уткнулся мордой в плечо хозяина. Секал треплет его по холке.

Нет, никогда он не думал прийти в эту страну, оказавшуюся его родиной. Страну, которая должна стать последней на его дороге войны. Долго ли будут люди, не понимая друг друга, при встрече вместо приветствия обнажать мечи?

Сегодня был трудный день. Из трех сотен воинов—лучших воинов передового отряда орды—осталось немногим больше сотни. Остальные полегли там, на подступах к озеру, сраженные мечами и стрелами неожиданно появившихся наездников, не менее ловких, чем его воины.

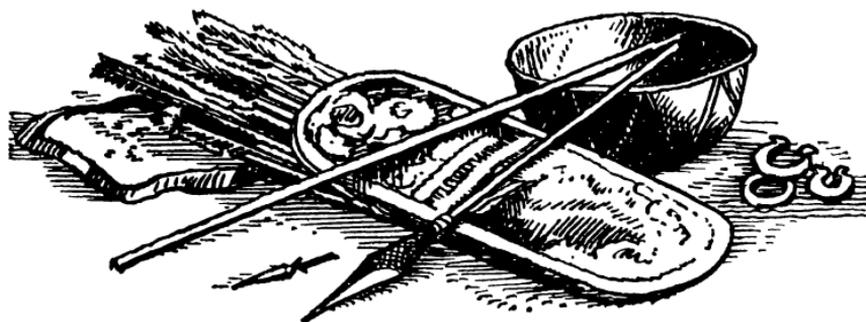
Неужели нападавшие были его сородичами?

Секал вскочил на коня и поехал к костру. Через два дня сюда придет орда, а он с отрядом должен на рассвете идти дальше. Он не может здесь ждать своих. Он должен, хотя бы один, уйти за три дневных перехода от озера. Еще три дня, а там Секал подождет своих и сможет увидеть сестру.

Рассвет застает всадников в пути. Секал опасается незнакомой местности, но первый день заканчивается благополучно.

Наступает второй.

К полудню всадники обогнули близко подступившую к долине тайгу. Секал ехал впереди. В густой траве кони шли легкой рысцой. Пели неизвестные жителям

степеней птицы. Их пение заглушали мерный топот копыт, стук длинных луков и мечей.

Было необычайно спокойно. Хотелось петь о том, что видишь. Петь самим сердцем, когда из горла вылетают не слова, а только мелодия. Кто-то запел.

Секал резко осадил коня, развернулся и с трудом посмотрел на певца, осмелившегося нарушить тишину.

Секал знал голоса своих воинов и безошибочно послал стрелу.

На мгновение наступила тишина. Только на мгновение. Град стрел вылетел из тайги. Казалось, стреляли деревья.

Не видя врага, Секал устремился прочь от леса, дальше в долину. Он не испугался. Он только хотел вызвать врага на бой в открытом месте.

Секал мчался, увлекая своих воинов. Вот стрелы уже не достигают их. Воины остановились, но как мало их осталось! А из лесу на таких же низкорослых лошадаках появились всадники. Сколько их? Секал прикидывал: сотня, две сотни. Расстояние сокращалось. Из лесу мчались новые и новые отряды.

Через несколько часов бой затих.

С рассветом в долине показались первые отряды самой орды. Подхлестываемые жаждой мести, ее воины помчались дальше. Они не остановились над Секалом. Пронзенный копьем, он лежал на спине, крепко сжимая стрелу, и смотрел открытыми глазами в небо.

К вечеру, когда подъехали кибитки, в долину, где был разбит лагерь, вернулись воины, умчавшиеся вперед. Кибитки остановились на поляне, окруженной с трех сторон мрачным густым лесом. Зазвучал плач женщин и тут же затих...

На опушку из лесу выезжали серой массой чужие воины. Они уже подняли свои луки, и в этот миг ввысь взметнулся сильный голос Азы. Она шла, распустив волосы, к лесу и пела песню на незнакомом ей языке, песню своей матери. Чужие воины опустили луки, убрали мечи в ножны. Воины кагана замерли, готовые к битве. А девушка шла к лесу и пела о покинутой родине...

Из рядов врагов выехал седовласый всадник. Он соскочил с коня, снял лук и колчан, отстегнул пояс с мечом и положил оружие на траву. Высоко подняв правую руку, седой воин пошел навстречу Азе.

Так и шли, приближаясь друг к другу, воин и де-

вушка. А когда расстояние между ними сократилось до двух шагов, над лесом зазвучала песня на два голоса. Отзвучала последняя нота, и старый воин склонился перед Азой в поклоне. Он или узнал, или признал в ней дочь курыканской принцессы.

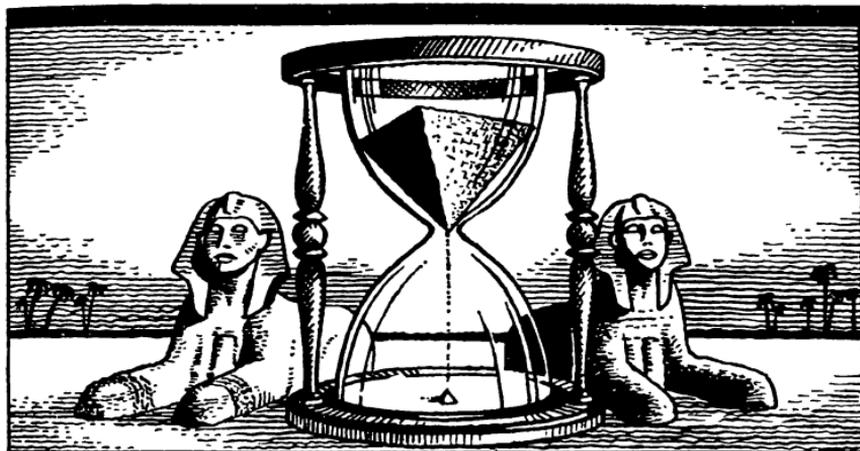
Песня из глубины лет вызвала воспоминания и установила кровопролитие. Вожди курыканов дали приют тюркам. Здесь, на поле битвы, стали побратимами люди, чьи воины еще в полдень были врагами.

Курыканские воины высоко подняли колоду с телом Секала — своего сородича, военачальника тюрков — и медленно понесли к могильной яме. Орда закончила долгий путь войны. Она похоронила своих воинов по своим обычаям. Но над могилой Секала, как над могилами курыканских бойцов, Аза сложила коническую юрту из тонких каменных плит...

С той поры как человечество освоило всю ойкумену — территорию, населенную людьми, его ветви вступили в длительные исторические контакты между собой, что позволяет каждому из нас считать себя потомком первопроходцев.

На долгих и длинных дорогах истории встречи племен и народов нередко приводили к рождению нового единства — нового этноса, как это произошло у сородичей Секала. Но бывало и так, что в столкновениях этносов погибал какой-то один из них или даже оба, обескровленные во взаимных битвах и неспособные противостоять нашествию иных народов или стихиям природы. И все же стремление расширить просторы обитания, даже если встречались природные или социальные препятствия, было неистребимым, и наши предки, появившись в разных районах Земли, положили начало истории человечества — его географической главы и тем самым неизбежно открыли его другую, этнографическую главу. Люди стали накапливать знания о самих себе и себе подобных. Так начинался сбор первичных этнографических знаний, начиналась этнография.

глава 2

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Старинная легенда, попавшая вместе с другими в Библию, гласит, что всевышний очень разгневался на людей, которые дерзнули построить башню до неба. Вавилонская башня от божьего гнева разрушилась, а люди были разбросаны по всему свету. Дабы дерзкие не смогли вновь соединить свои усилия и попытаться повторить неугодное, всевышний воздвиг меж ними языковой барьер.

Создатели легенды о Вавилонской башне жили в реальном разноязычном мире и стремились как-то объяснить такой факт.

Различия в языке, в цвете кожи, в образе жизни люди подмечали с древности и пытались найти этому объяснение — или сверхъестественное, или близкое к истине, реальное. История сохранила редкие свидетельства древних авторов, поражающие не только глубиной суждения об иных землях и населяющих их племенах, но и удивительной прозорливостью в толковании пройденных человечеством исторических этапов.

В высказываниях древних с истиной соседствовала, конечно, выдумка, фантазия, а то и откровенное осуждение «нынешнего века» и противопоставление его «веку

минувшему», изображаемому как век счастья и свободы, как золотой век.

О золотом веке, якобы существовавшем прежде, когда люди имели вдоволь пищи и досуга, говорит в поэме «Труды и дни» древнегреческий поэт и философ Гесиод (VIII—VII вв. до н. э.). С ним спорит, ему возражает древнеримский поэт и философ Тит Лукреций Кар (I в. до н. э.), предвосхитивший в своей замечательной поэме «О природе вещей» многие современные взгляды на историю человеческого общества, на постепенную смену эпох, принятую в археологии.

О прошлом человечества спорили, как на ристалище, через века поэт Древней Греции и поэт Древнего Рима.

Обиженный судьями, несправедливо разрешившими его земельную тяжбу с братом, Гесиод написал поэму «Труды и дни», где мудрое прошлое нарек золотым веком, а современный ему мир — наихудшим из поколений — железным поколением.

О прошлом Гесиод писал так:

Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечно живущие боги, владельцы жилищ олимпийских...
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили,
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собою хлебодарные земли. Они же
Сколько хотелось трудились, спокойно собирая богатство.

А вот что он поведал о днях своей современности:

Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда, и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им...
...Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаниями, ложно кляняся.
Следом за каждым из смертных бесчестных пойдет неотвязно
Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным.

Приведенные строфы не столько воспевают золотой век (так характеризует литературная традиция поэму Гесиода), сколько осуждают современный для поэта мир. И все же золотого века в прошлом не было — так утверждал, так рассуждал и писал римский поэт Тит Лукреций Кар спустя семь столетий.

Вот что было в прошлом у человека и человечества:

Долго, в течение многих кругов обращения солнца,
Жизнь проводил человек, скитаясь, как дикие звери.

Твердой рукою никто не работал изогнутым плугом,
И не умели тогда ни возделывать поля железом,
Ни насаждать молодые ростки, ни с деревьев высоких
Острым серпом отрезать отсохшие старые ветви...
...Люди еще не умели с огнем обращаться, и шкуры,
Снятые с диких зверей, не служили одеждой их телу;
В рошах, в лесах или в горных они обитали пещерах
И укрывали в кустах свои заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди или ветра порывы...
...Шкура одеждой сперва, а потом уже ткани служили.
Ткань появилась поздней, уже после открытия железа,
Ибо нельзя без него для тканья изготовить орудий...

Тит Лукреций Кар блистательными строфами изложил жизнь первобытного человека, насыщенную постоянной борьбой за существование, жизнь, в начале которой человек не знал огня, питался сырым мясом, применял каменные орудия, но затем научился добывать огонь, выплавлять бронзу и в конце концов железо, разумно посадил полезные растения на специальных участках земли — будущих полях и приручил добродушных животных, ставших его верными спутниками. Не праздности предавался человек той тяжелой эпохи, а постоянным трудом добывал средства для существования.

О прошлом античные авторы не только спорили. Они пытались понять прошлое и рассказать о давно прошедшем современникам, поведать о других народах и странах. Первые сведения о жизни и труде древних людей попали в исторические и географические трактаты.

«Хеопс (египетский фараон, около 2800 г. до н. э. — *Р. И.*) поверг страну во всевозможные бедствия; во-первых, он запер все святилища и запретил им приносить жертвы, а потом заставил всех египтян работать на него. Одним было приказано из каменоломен, находившихся в горах Аравии, таскать камни до самого Нила; другим, после того как камни были переправлены на судах через реку, повелел он таскать их к так называемой Ливийской горе. Работало постоянно по десять мириад (мириада — 10 тыс. — *Р. И.*); каждая мириада — по три месяца. Времени же прошло, пока народ томился над постройкой дороги, по которой таскали камни, десять лет; дело это, — замечает великий древнегреческий историк Геродот, собравший и опубликовавший сведения о египетской пирамиде Хеопса еще в V в. до н. э., — как мне кажется, только немногим было легче сооружения самой пирамиды. На постройку этой дороги и подземных помещений в том холме, на котором находятся пирамиды, ушло десять лет; эти помещения он сделал се-

бе как усыпальницу на острове, проведя канал из Нила. Сооружение же самой пирамиды длилось двадцать лет...» И, как бы предвидя через два с половиной тысячелетия немое восхищение громоздкостью сооружения и желание приписать его космическим пришельцам, мудрый Геродот сообщил: «Сделана же эта пирамида следующим образом: она ступенчатая; ступени эти одни называют уступами, другие — маленькими алтарями. Как только ей был придан такой вид, то машинами, сделанными из коротких бревен, стали поднимать оставшиеся камни; поднимали сначала с земли на первую ступень. Потом камни перекладывали на вторую машину, стоящую на этой первой ступени; с нее же на вторую ступень камень тащили с помощью другой машины. Машин было столько, сколько было ступеней...»

Да, в обществе, предшествующем царству фараонов, в ту эпоху, когда существовали родовая организация и первобытнообщинный строй, не было праздного золотого века, но было равенство между людьми, и, обладая примитивными орудиями труда, в борьбе за свое существование люди объединялись в родственные коллективы для совместной работы, и каждый был зависим от своих сородичей. Тогда не могло быть пирамиды для одного и подневольного труда для всех. Эпоха доклассового общества — самая длительная в прожитом человечеством времени: она охватывает почти миллион лет, и если считать первым классовым обществом на земле Древнее царство Египта, то пора существования классового строя будет измеряться всего в пять тысяч лет до Великого Октября, начавшего новую безграничную во времени эпоху бесклассового общества. Пять тысяч лет — песчинка в прожитом миллионолетии, и память древних как протест устанавливаемому имущественному неравенству возвращалась на заре классовой эпохи к первобытнообщинным отношениям.

«Те люди,— говорится о предках в древнеиндийском сказании о боге ветра,— делали все как хотели и были счастливы. Не было у них ни закона, ни беззакония и не было между этими людьми никаких различий... от рождения они были одинаково красивыми и долголетними, не разделялись на знатных и низких, были счастливы и не знали печали».

Вторит этому описанию прошлого чжоуский памятник «Записки об обрядах и установлениях» из Восточной Азии: «Когда господствовала великая справедли-

вость... старики имели опору на закате своих дней, возмужавшие имели себе применение, юные подростки, вдовы, сирые, одинокие и больные имели пропитание, мужчины получали свою долю, а женщины находили себе пристанище. Люди скорее готовы были бросить богатство на земле, но не стали бы прятать его у себя, скорее вообще не напрягали бы свои силы, чем стали бы использовать их для своей собственной пользы. По этой причине не возникало злых умыслов, не было воровства и разбоя, двери не запирались...»

Да, Гесиод со своим золотым веком в прошлом был не одинок, но он не обратил внимания на то, на что обращали его современники или потомки,— на иное общественное устройство в прошлом у своего народа или соседей.

Соседей! К ним интерес был на заре классового общества особый. Они в Египте фараонов или в царском Двуречье, древнем Урарту рассматривались нередко как объект для нападения, как источник рабов.

В конце VII в. до н. э., когда Ассирия готовилась к очередным завоеваниям на востоке, ее внимание особенно привлекало положение дел в царстве Урарту. Ассирийцы засылали многочисленных лазутчиков. Они собирали шпионские донесения и доставляли их в своеобразное разведывательное управление, во главе которого стоял обычно царевич. Шпионские донесения сводились воедино, проверялись, и выдержки из них докладывались царю. В этих донесениях, дошедших на глиняных дощечках до наших дней, появлялись и различные сообщения о других народах и странах. Царевич Синахериб докладывал ассирийскому царю Саргону: «Набули, начальник укрепленной крепости Халсу, мне сообщил следующее: «Относительно стражи пограничных крепостей: я послал за сведениями о царе страны Урарту, и сообщили следующее: «Когда он пошел в страну Гамир, его войско было целиком перебито, трое его вельмож вместе с их войсками были убиты, а он сам убежал и пробрался в свою страну. Его лагерь еще не был атакован». Таковы сообщения Набули. Его брат из Мусасира и его сын отправились, чтобы приветствовать царя страны Урарту. Гонец из страны хубушкийцев отправился его же приветствовать. Вся страна пограничных крепостей сообщила подобное же. Письмо Набули принес из Табала домоправитель Ахат-абиша, я его посылаю к царю, моему господину».

Пока в подобных сообщениях только названия стран, народов, но они подлинны, они реальны, чем отличаются от многократных описаний дальних земель и существ, их населяющих, в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Хотя о Гомере древнегреческий географ Страбон и писал как об основоположнике географии, не следует забывать, что его география была фантастической. Период создания гомеровских поэм (IX—VIII вв. до н. э.) приходится на время, когда сведения древних греков не выходили за пределы бассейна Эгейского моря. В поэмах достаточно подробно дается описание хозяйства и общественного строя греков героического периода, материалы же о близких и дальних странах — сказочно-фантастические. По представлениям Гомера, за пределами бассейна Эгейского моря обитали волшебники, чудища-циклопы, лотофаги, блаженные феакийцы.

Когда же Греция вышла из тесных рамок Эгейского моря и начала в VII—VI вв. до н. э. активную колонизацию на западе, востоке, севере и юге, то уже к V в. до н. э. были собраны различные историко-этнографические сведения о народах Средиземноморья, Ирана, Месопотамии, Кавказа, Причерноморья и даже более дальних стран.

К этому периоду относится деятельность Геродота, названного по справедливости отцом истории. Представитель дорийской знати Геродот родился около 484 г. до н. э. в городе Галикарнасе малоазийской провинции Греции. Проведя несколько лет на государственной службе на острове Самос, Геродот по призыву своих сограждан вернулся в Галикарнас и помог изгнать неугодного им правителя Лигдамида. Галикарнасцы оказались неблагодарными и, завидуя мудрости Геродота, вынудили его покинуть родину. Больше он никогда не возвращался в Галикарнас. Геродот поставил целью своей жизни рассказать об истории и быте всех известных к тому времени стран и народов.

Геродот хотел все увидеть собственными глазами, хотел сам услышать рассказы очевидцев и вторую половину жизни — более трех десятилетий — провел в путешествиях и странствиях. В те годы Геродот побывал в Передней Азии, Южной Италии, Греции, Фракии, Македонии. На судах он доходил до Керченского пролива, высаживался на берег и оставил подробные записи о Северном Причерноморье, которое тогда играло важную роль в экономической жизни Греции, поставляя ей

продовольствие, сырье, рабов и потребляя изделия греческих ремесленников. По сухопутью Геродот обошел весь Египет. В 445 г. до н. э. Геродот — в Афинах и вместе с афинянами в 444 г. отправился в Южную Италию, где около 425 г. до н. э. умер.

Геродот оставил подробные записки, получившие название «Истории». В них нашли отражение многие точные наблюдения жизни народов им посещенных стран, их обычаев. Велика ценность труда Геродота, особенно для истории нашей Родины, в тех его разделах, где речь идет о Скифии и скифах, населявших Северное Причерноморье.

В геродотовских записях даны любопытные детали быта и обычаев скифов, одному из обычаев посвящен рассказ о скифском царе Скиле.

«Царствуя над скифами, Скил вовсе не любил скифского образа жизни, так как вследствие полученного им воспитания питал гораздо более склонности к эллинским обычаям, а потому поступал следующим образом: когда ему случалось приходиться с большою свитою скифов в город борисфенитов (жителей Ольвии.— *Р. И.*), он оставлял свиту в предместье, а сам входил в город, приказывал запирать ворота, затем снимал с себя скифское платье и надевал эллинское; в этом платье он ходил по площади, не сопровождаемый ни телохранителем, ни каким-либо другим... во всем жил по-эллински и приносил жертвы богам по эллинскому обычаю. Пробыв в городе месяц или более, он снова надевал скифское платье и удалялся. Такие посещения повторялись часто: он даже выстроил себе дом в Борисфене и поселил в нем жену-туземку... он возымел сильное желание быть посвященным в таинства Диониса-Вакха... Когда Скил был посвящен в таинства Вакха, один из борисфенитов с насмешкою сказал скифам: «Вы, скифы, смеетесь над нами, что мы устраиваем вакхические празднества и что в нас вселяется бог, а вот теперь этот бог вселился и в вашего царя; если вы мне не верите, то следуйте за мной и я покажу вам». Начальники скифские последовали за борисфенитом... Когда показался Скил с процессией и скифы увидели его в вакхическом исступлении, они пришли в сильное негодование... Когда после этого Скил возвратился домой, скифы взбунтовались против него, поставив царем его брата Октамасада... Скил... спасается бегством во Фракию. Октамасад, узнав об этом, пошел войною на Фракию. Когда он при-

близился к Истру, против него выступили фракийцы; пред самым началом битвы Ситалк послал к Октамасаду глашатая со следующим предложением: «К чему нам испытывать друг друга? Ты сын моей сестры, и в руках у тебя мой брат; выдай мне его, а я передам тебе твоего Скила...» Октамасад принял его предложение и, выдав Ситалку своего дядю по матери, получил брата Скила. Ситалк, взяв брата, удалился, а Октамасад тут же велел отрубить голову Скилу. Так оберегают скифы свои обычаи и так сурово карают тех, кто заимствует чужие».

Расширяется горизонт знаний, расширяются пределы населенного мира. Перед древнегреческими читателями предстают племена и народы, обладающие своеобразной культурой, своими традициями, поражающими или восхищающими летописца.

В античные времена, когда на смену доклассовому обществу пришло классовое, разные народы по-разному открывали окружающий мир и от века к веку расширяли его пределы. И все же не простое любопытство, а жестокая необходимость хозяйственного развития создавала условия для непосредственного общения разных племен и народов, для формирования истинных представлений о языковых, бытовых и культурных различиях. Земледельцы долин Нила и Хуанхэ, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, районов Средиземноморья и Причерноморья, некогда плодородных равнин в Сахаре и Каракумах, в Центральной Америке и Андском нагорье, на Индонезийском архипелаге и в Юго-Восточной Азии либо применяли труд рабов-иноплеменников и были вынуждены для пополнения рабочей силы отправляться в дальние и близкие походы, либо переживали бурный (для этого времени) рост численности населения и постоянно вытесняли своих сородичей из прежних мест обитания на неизведанные, но заселенные кем-то земли.

«Они кочуют вслед за скотом, за травой и водой» — эта классическая фраза из древнего текста определяла хозяйственный уклад скотоводов Центральной Азии и Аравийского полуострова, вторгавшихся неукротимой лавиной в поисках новых пастбищ, новых водоемов в земледельческие области. И может быть, только последователи древнейшего вида занятий человека — охотники и собиратели, уходившие в поисках диких животных — объекта охоты — в самые отдаленные и трудно-

доступные зоны, чаще всего не приближались к другим людям, а удалялись от них.

Ойкумена — заселенная людьми часть земного шара — уже с древних времен представляла арену длительных или скоротечных процессов общения между племенами и народами как важнейшего условия социально-экономического прогресса человечества. А где было общение, там возникала необходимость накопления этнографических знаний.

Средиземноморские державы устремлялись в поисках новых земель и богатств преимущественно на восток или север, а с севера и востока в Средиземноморье вторгались в поисках торговых партнеров или просто наживы племена и народы, именуемые в античных записях «варварами». Нет, слово «варвар» не имело ни у древних греков, ни у древних римлян того презрительного оттенка, который ему дали последующие эпохи. Оно просто означало всякого чужеземца — не эллина и не римлянина.

В долинах Ганга и Хуанхэ не индийца, не ханьца точно так же называли «варваром».

Известия о других народах и странах доходили до древнейших центров цивилизации. Чтобы узнать соседей, отправлялись в разные стороны света не только военные экспедиции, но и своеобразные торгово-дипломатические миссии.

Стремясь найти поддержку у других стран против постоянного нашествия кочевников-гуннов, ханьский император отправил из долины Хуанхэ на запад около 135 г. до н. э. своего начальника дворцового караула Чжан Цяня со свитой, наказав ему достигнуть царства Юэчжи (в Туркестане) и установить с ним союзные отношения.

Вот как изложено сообщение о миссии Чжан Цяня в «Исторических записках» ханьского историка Сыма Цяня: «Император... узнал от пленных гуннов, что они разбили войска правителя Юэчжи и сделали из его черепа сосуд для питья. Юэчжи хотели отомстить гуннам, но у них не было союзников. Ханьский император давно думал уничтожить гуннов и, узнав об этом, решил завязать сношения с Юэчжи... Чжан Цянь изъявил свое желание и был отправлен в Юэчжи вместе с покорившимся в свое время гунном Тэньи. Они вышли из пределов Шэньси и были захвачены гуннами. Когда их привели к вождю гуннов, тот сказал: «Юэчжи расположе-

но от нас на севере, почему же император Хань посылает туда послов? Что бы сказал император Хань, если бы я захотел отправить послов в Юэ, что расположено к югу от Хань?» Чжан Цянь со своим спутником прожил у гуннов почти десять лет. Вождь гуннов женил Чжан Цяня на своей соплеменнице, которая родила ему сына. Однако Чжан Цянь не потерял своего посольского бунчука и, воспользовавшись предоставленной ему свободой у гуннов, бежал вместе со своими спутниками в сторону Юэчжи. Через несколько десятков дней пути на запад они прибыли в Давань (царство Коканд в Средней Азии на месте современной Ферганы). Даваньский правитель давно был наслышан о богатствах Хань и желал завязать с ним сношения, но не мог. Увидев Чжан Цяня, он обрадовался и спросил, как можно достигнуть его желания (установить отношения с Хань). Чжан Цянь ответил: «Будучи отправленным с посольством от императора Хань, я был задержан гуннами и теперь бежал от них. Государь, прикажи вожакам проводить меня; и если я сверх ожидания возвращусь в отечество, то дом Хань пошлет тебе несметное количество даров». Даваньский правитель поверил этому и приказал проводить Чжан Цяня...»

В своем донесении государю о путешествии Чжан Цянь писал: «Давань лежит от гуннов на запад, почти за 10 000 ли (ли — около полукилометра) к западу от столицы (Хань). Даваньцы ведут оседлую жизнь, занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу. Есть у них виноградное вино. Много добрых коней — аргамаков. Эти лошади имеют кровавый пот и происходят от дикой породы лошадей. Есть города и дома. В Давани есть до семидесяти больших и малых городов, население исчисляется в несколько сот тысяч. Оружие у даваньцев — луки со стрелами и копья. Искусны в конной стрельбе...» Согласно донесению Чжан Цяня, император получил сведения о том, что Давань, Дася (Бактрия) и Аньси (Персия) — это большие государства, в которых много разных вещей. Там ведут оседлую жизнь и в художественных ремеслах во многом сходны с Хань. Эти страны имеют слабое войско и дорожат ханьскими вещами.

Не правда ли, точные, интересные наблюдения, но наблюдения не жаждущего знаний, а типичного представителя своего времени и своего монарха — восточно-азиатский вариант агентурных донесений Саргону. Особенно сближается с ними фраза о посольстве Чжан Ця-

ня: «В донесении говорилось, что от Шэньду (Индия) на север лежат владения Большой Юэчжи и Канцзюй (владение в районе от современных Ташкента до Хорезма), которые имеют сильное войско и его можно нанять. Так что если их удастся склонить на свою сторону как подданных, то можно распространить ханьские владения почти на 10 000 ли!»

«Если удастся...» Алчные аппетиты древних монархов ничуть не уступали планам империалистов XX в., но, хотя они не осуществлялись ни в древние, ни в более поздние времена, в тайных архивах и в памяти современников-очевидцев и летописцев оседали какие-то сведения о других народах и странах — первые реальные, а не фантастические этнографические сообщения. Именно они помогли в XIX и XX вв. понять, как началось узнавание этнографического облика Земли самими живущими на ней людьми.

В античную эпоху стремление познать окружающий мир достигло наибольшего расцвета у древних римлян, которые, будучи рачительными наследниками древнегреческой культуры, оставили наибольшее число ценных для современной науки данных.

В 148 г. до н. э. Македония стала римской провинцией, в 146 г. до н. э. в результате Третьей пунической войны был разгромлен Карфаген — главный противник Рима. Древнеримская держава становится ведущей в Европе, Северной Африке и Малой Азии. Римские легионеры появились на туманных островах Альбиона — современной Англии. Они стояли военными лагерями в Галлии, вели длительные войны с германскими племенами.

В 100 г. до н. э. родился Гай Юлий Цезарь. Он был не только выдающимся политическим деятелем Римской империи, но и автором двух исторических трудов: «Записки о Галльской войне» и «Гражданская война». В период, когда власть в Риме принадлежала трем лицам — триумvirату, правление римскими владениями было разделено между Цезарем, Помпеем и Крассом. Цезарь правил Галлией, Помпей — Римом и Испанией, Красс — Сирией. В то время классовая дифференциация в Южной Галлии была значительно большей, чем в Северной, где племена, опиравшиеся на помощь германских племен и их вождя Ариовиста, сопротивлялись Риму. Начав войну с Ариовистом, Цезарь выступал от имени всех галлов, хотя опирался, по существу, толь-

ко на галльскую знать. Дважды войска Цезаря переходили Рейн и в конце концов разгромили Ариовисту. Северная Галлия также была подчинена Риму, и легионы Цезаря появились в Британии. Объяснению политических целей и их оправданию служат «Записки о Галльской войне», содержащие важные сведения очевидца о жизни галльских, германских и британских племен. По сей день эти сведения используются этнографами для решения проблем первобытной и этнической историй.

10 января 49 г. до н. э. Цезарь переходит реку Рубикон, отделявшую Галлию от Италии, и начинает гражданскую войну с Помпеем. Она увенчалась установлением диктатуры Юлия Цезаря в Римской империи. Своеобразным оправдательным документом для истории служат его записки «Гражданская война», которые носят сугубо политический, полемический характер. В 44 г. до н. э. Цезарь был убит, но смерть его не привела к возрождению аристократической республики — она уже изжила себя. В Риме была установлена военная диктатура рабовладельцев в форме принципата.

В I и II вв. н. э. Римская империя достигает своего наибольшего могущества, владения ее простираются значительно дальше, чем прежде, что способствует появлению историко-географических сочинений, получающих значительный общественный резонанс. Почти вслед за записками Цезаря появляется гигантский труд Страбона «География», состоящий из 17 книг, в которых описано или упомянуто достаточно достоверно о восьмистах народах, населявших территорию, ограниченную на северо-западе Британскими островами, на северо-востоке Балтийским морем, на юго-востоке Индией, на юго-западе Северной Африкой. Страбон родился около 63 г. до н. э. и умер в 24 г. н. э. Он принадлежал к той древнегреческой аристократии, которая после завоевания Греции Римом сохранила свои привилегии и активно сотрудничала с римской администрацией. Подобно историку II в. до н. э. Полибию — автору «Всеобщей истории», Страбон способствовал обогащению римской культурной традиции достижениями древних греков.

В многоотомном и многотрудном сочинении Страбона «География» не только даны исторически верные детали культуры и быта многих народов, но и затрагиваются проблемы происхождения отдельных из них и делается попытка критического анализа прежних свидетельств.

Любопытны в этой связи ставшие знаменитыми сообщения о женском обществе воинственных амазонок. Вот что пишет о них Страбон: «Как говорят, в горах над Албанией (район Кавказа) обитают амазонки... утверждают вместе с тем, что амазонки живут в соседстве с гаргарейцами в северных предгорьях тех частей Кавказских гор, которые называются Керавнийскими... (10 месяцев в году) амазонки употребляют только для себя, выполняя отдельные работы, как пахота, садоводство, уход за скотом и в особенности за лошадьми; наиболее сильные из амазонок занимаются главным образом охотой верхом на лошадях и военными упражнениями. С детства у всех них выжигают правую грудь, чтобы свободно пользоваться правой рукой при всяком занятии, и прежде всего при метании копья. У них в ходу также лук, боевой топор и легкий щит; из шкур зверей они изготавливают шлемы, плащи и пояса. Весной у них есть два особых месяца, когда они поднимаются на соседнюю гору, отделяющую их от гаргарейцев. По некоему стародавнему обычаю и гаргарейцы также восходят на эту гору, чтобы, совершив вместе с женщинами жертвоприношение, сойтись с ними для деторождения; сходятся они тайком и в темноте, кто с кем попало; сделав женщин беременными, гаргарейцы отпускают их домой. Всех новорожденных женского пола амазонки оставляют у себя, младенцев же мужского рода приносят на воспитание гаргарейцам. Каждый гаргареец принимает любого принесенного ему младенца, считая его по поведению своим сыном».

Тут же Страбон дает весьма важные примечания:

«Со сказанием об амазонках произошло нечто странное. Дело в том, что во всех остальных сказаниях мифические и исторические элементы разграничены. Ведь старина, вымысел и чудесное называются мифами, история же — будь то древняя или новая — требует истины, а чудесному в ней нет места, или оно встречается редко. Что же касается амазонок, то о них всегда — и раньше, и теперь — были в ходу одни и те же сказания, сплошь чудесные и невероятные. Кто, например, поверит, что когда-нибудь войско, город или племя могло состоять из одних женщин без мужчин?.. В самом деле, это допущение равносильно тому, если сказать, что тогдашние мужчины были женщинами, а женщины — мужчинами. Более того, такие же сказания об амазонках распространены и теперь, и наша склонность верить

больше древним сказаниям, чем современным, еще более усиливает упомянутую странность».

Самое любопытное в истории накопления этнографических знаний заключается в том, что сведения Страбона об амазонках, оцененные древнегреческим географом скептически, многократно приводились в наше время для доказательства существования эпохи господства женщин — матриархата.

Не мог в своем сочинении Страбон обойти вниманием и скифов, о которых писал Геродот, названный Страбоном первым географом мира. «На Иберийской равнине,— пишет Страбон,— обитает население, более склонное к земледелию и миру, которое одевается на армянский и мидийский лад; горную страну, напротив, занимают простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются; однако они занимаются также и земледелием. В случае каких-нибудь тревожных обстоятельств они выставляют много тысяч воинов как из своей среды, так из числа скифов и сарматов».

В копилку этнографических знаний внес вклад Плиний Старший (23—79 гг. н. э.), автор «Естественной истории». В ее 37 томов вошли многие данные по географии, этнографии, истории, космографии, биологии, медицине, минералогии, искусству и другим отраслям знаний из Геродота, Страбона, Цезаря и других ранних авторов.

Особое место в истории этнографических знаний занимают труды Корнелия Тацита. Только за последние десятилетия литературное наследие этого политика, философа и историка переиздано на разных языках. Его «Германию» изучал и использовал в своих историко-этнографических исследованиях о древних германцах Фридрих Энгельс.

Современник жестокой диктатуры римских рабовладельцев так называемого периода принципата, Тацит родился в 55 г. н. э. и скончался около 117 г. Он был, по выражению Пушкина, «бичом тиранов». Литературное творчество Тацита чаще всего называют обвинительной речью человека, не удовлетворенного положением дел в государстве и возмущенного монаршей несправедливостью по отношению к близким ему людям. Тацит был заметной фигурой в римском государственном аппарате — наместником одной из галльских областей Рима. Когда императором Домицианом была несправед-

диво задета честь его тестя — наместника Британии Юлия Агриколы, он разразился блистательным панегириком «Юлий Агрикола».

«Истории» (описание истории Римской империи от смерти Нерона до смерти Домициана, очевидцем многих событий был сам Тацит), «Анналы» (18 книг исторического содержания, и в частности о германском походе племянника Тиберия) и «О происхождении, местожительстве и нравах германских племен, или Германия» — таковы главные исторические и этнографические труды Тацита. Несомненно, им было написано больше, но и из этих главных трудов не все дошло до наших дней. Очень мало сохранилось от «Историй»; из 18 книг «Анналов» уцелели первые четыре, начало пятой, часть шестой и книги с одиннадцатой по шестнадцатую. Зато пережили свой век и своего создателя и панегирик тестю, и небольшая по объему, но удивительно емкая по содержанию «Германия».

В сочинении «Юлий Агрикола», посвященном жизнеописанию знаменитого римского полководца и его походам на Британские острова, в главах с десятой по четырнадцатую дан очерк географии и этнографии Британии по различным письменным источникам и, главное, по рассказам многократно бывавшего там Агриколы.

«Кто населял Британию в древнейшие времена, исконные ли ее уроженцы или прибывшие сюда чужестранцы, как обычно у варваров, — никому не известно. Внешность же у британцев самая разнообразная, и отсюда обилие всевозможных догадок... Взвесив все это, можно считать вероятным, что в целом именно галлы заняли и заселили ближайший к ним остров. Из-за приверженности к тем же религиозным верованиям здесь можно увидеть такие же священнодействия, как и у галлов; да и языки тех и других мало чем отличаются...»

Эта краткая и точная справка Тацита звучит как вступление к современной этнографической статье о древней Британии.

Панегирик в честь Агриколы был не только проявлением родственных чувств Тацита, но и строгим документальным описанием военных возможностей островитян, их нравов и обычаев. Во всех своих сочинениях Тацит оставался расчетливым римлянином, недовольным действиями тех или иных власть предержащих, но стремившимся к укреплению Римской империи.

Современные историки и этнографы, обращаясь к знаменитой «Германии», вели длительную дискуссию о ее достоверности и самом смысле написания. Выказывалось мнение, что Тацит написал сатиру на нравы Рима (противопоставляя положительных германцев развращенным римлянам). Обращалось внимание на особое отношение Тацита к Траяну, избранному Цезарем. И «Германия» рассматривалась как прокламационный памфлет, призывающий двинуть легионы через Рейн на германцев. В обоих случаях считалось маловероятным, что Тацит, описывая «происхождение, местожительство и нравы германских племен», дает истинную картину. Забыта была при этом и сама личность выдающегося римлянина, и его социальное положение.

Нет, Тацит не мог создавать иллюзорную картину. Поскольку для Рима германские племена были актуальной проблемой, знание подлинных обстоятельств которой означало жизнь или смерть империи, «Германия» Тацита, по меткому замечанию советского историка И. В. Гревса, — «этуд делового характера».

Источниками для «Германии» послужили личные наблюдения Тацита, бывшего наместником в соседней с Рейном области, рассказы отца и Агриколы, ходивших войной на германцев, а также сочинения Юлия Цезаря, Страбона, Плиния Старшего. Последний долго служил в рейнской армии и написал о войнах с германцами 20 книг, которые не дошли до наших дней, но которыми мог пользоваться и пользовался Тацит.

«Германия» — небольшое, в 40 книжных страниц, сочинение — имеет две части: общую, состоящую из 27 глав, где дается описание общественного устройства, быта и культуры германцев, и специальную — из 19 глав, которые посвящены анализу конкретных культурно-бытовых особенностей отдельных племен, живущих вдоль правого берега Рейна на восток и северо-восток вплоть до устья Эльбы, Датского полуострова и Балтийского моря.

В седьмой главе общей части мы читаем у Тацита следующее: «Царей они выбирают из наиболее знатных, вождей — из наиболее доблестных. Но и цари не обладают у них безграничным и безраздельным могуществом, и вожди начальствуют над ними, скорее увлекая примером и вызывая их восхищение, если они решительны, если выдаются достоинствами, если сражаются всегда впереди, чем наделенные подлинной властью».

Впрочем, ни карать смертью, ни налагать оковы, ни даже подвергать бичеванию не дозволено никому, кроме жрецов, да и они делают это как бы в наказание и не по распоряжению вождя, а якобы по повелению бога, который, как они верят, присутствует среди сражающихся. И они берут с собою в битву некоторые извлеченные из священных рощ изображения и святыни; но больше всего побуждает их к храбрости то, что конные отряды и боевые клинья состояются у них не по прихоти обстоятельств и не представляют собою случайных скопищ, но состоят из связанных семейными узами и кровным родством; к тому же их близкие находятся рядом с ними, так что им слышны вопли женщин и плач младенцев, и для каждого эти свидетели — самое святое, что у него есть, и их похвала дороже всякой другой; к матерям, к женам несут они свои раны, и те не страшатся считать и осматривать их, и они же доставляют им, дерущимся с неприятелем, пищу и ободрение».

Поразительна осведомленность и наблюдательность Тацита. Почти две тысячи лет назад своим сочинением он закладывал фундамент будущей этнографической науки. Тацит рассуждает о происхождении германских племен и называет их «туземной расой», сохраняющей чистоту запрещением смешения с другими; описывает брачные церемонии и воспитание детей, наследственное право и кровную месть, общинные формы хозяйствования и пережитки родовой организации. «Германия» построена по традиционным канонам современного этнографического описания отдельных народов. И, как многие современные монографии часто заканчиваются описанием похоронной церемонии, «Германия» Корнелия Тацита в общей части заканчивается погребальным обрядом и культом умерших.

Римские географы и историки, философы и поэты были, как уже говорилось, рачительными наследниками древнегреческой культуры. Знания о мире, о народах, населяющих землю в древней Европе и в древней Азии, были и поразительно точными, и фантастически-сказочными, но эти знания, различая людей по цвету кожи, языку и культуре, не разделяли человеческий род на представителей «высших» и «низших» рас. В сочинениях древних авторов нет расистских суждений.

Расизм — порождение эпохи загнивающего капитализма и империализма, поэтому он был на вооружении у гитлеризма, поэтому его проповедуют фашисты раз-

ных мастей. К счастью для человечества, расизм не имел глубоких исторических корней в мировой цивилизации, к чести человечества подлинные этнографические знания о различных народах и их предках всегда пробивались сквозь мрак и невежество столетий, тормозивших прогресс на разных частях планеты.

В IV—V вв. н. э. в Европе Римская империя, в Восточной Азии двумя веками раньше Ханьская империя приходят к упадку в условиях жесточайшего социально-экономического кризиса. Некогда могучие государства, занимавшие огромные территории, распадаются на мелкие разрозненные феодальные уделы, а на бывших окраинах формируются мощные, но недолговременные военно-политические конгломераты.

Мир вступил в феодальную эпоху, в раннее средневековье, отмеченное для Западной Европы союзом господствующих классов с христианской религией, распространением ислама и буддизма в Азии.

Общий упадок экономической и культурной жизни, при всемогуществе церкви, в Западной Европе привел к утрате интереса к этнографическим знаниям, были даже забыты и утрачены прежние сведения о народах. Несколько веков в Западной Европе невежественные монахи огнем и мечом пытались подавить искры разума, раздувая пламя инквизиторских костров. Христианская церковь, благословляя крестовые походы к «гробу господнему», пыталась и утверждала в сознании широкой верующей массы церковный расизм, освящая физическое истребление «нехристей», язычников. В средние века на Евразийском континенте народы были обособлены друг от друга прежде всего по религиозному признаку: если христиане уничтожали «нехристей», и прежде всего последователей Мухаммеда, то мусульмане уничтожали «неверных», и прежде всего последователей Христа. И те и другие считали за людей только единоверцев. Религии являлись опорой господствующих феодальных классов, и носившие религиозную окраску крестовые походы совершались во имя корыстных целей этих классов.

Отцы церкви и средневековые схоласты относительно других народов (нехристианских или немусульманских) придерживались единого взгляда, что все язычники — дети дьявола, исчадия ада. Средневековые географы и хронисты Западной Европы в своих сочинениях сообщали о собакоголовых людях, о людях однобедренных, тененогих — прикрывающихся ступнями от

солнца, фанезийцах, закутывающихся в огромные уши, как в одеяла, и т. д. Христианская церковь всерьез обсуждала проблему, были ли эти чудища потомками самого Адама или его побочных ветвей, появились ли они до всемирного потопа или после.

Конечно, во всей этой фантастической белиберде попадались отдельные крупницы истины, однако никому уже не приходило в голову попытаться найти общее между «дикарями» и цивилизованными народами, как об этом писал древний поэт Лукреций Кар.

Только в Византии да в Танской империи Восточной Азии, возникшей на месте раздробленных раннефеодальных царств, сохранялись традиции античной эпохи в культуре и имел место сбор достоверных знаний о соседних народах и странах. Здесь продолжалось накопление этнографических сведений, прерванное в Западной Европе. В VI в. Прокопий Кесарийский, в X в. византийский император Константин Багрянородный поместили в своих сочинениях ценные сведения о славянских племенах, о Руси и варягах.

В 864 г. глава неудавшегося посольства в Аннам (современный Вьетнам) Фань Чо преподнес как оправдательный документ танскому императору сочинение, озаглавленное «Книга о варварах» («Маньшу»). В ней Фань Чо дал подробное описание культуры и быта населения царства Южное Чжао, которое на протяжении шести веков успешно отстаивало свою независимость в борьбе с Танской и последующей Сунской империями Восточной Азии.

В мрачный период европейского средневековья исключительную роль в накоплении этнографических знаний сыграли ученые и писатели, путешественники и географы IX—XIV вв., жившие в разных областях Арабского халифата. Арабские авторы Ибн-Фадлан, Ибн-Баттута, Ибн-аль-Асир и другие в своих сочинениях запечатлели картины быта и жизни многих народов Восточной Европы, ее волжских и приуральских просторов, культуру и быт народов Средней Азии.

На Ближнем Востоке, в Восточном Средиземноморье, противоборство крестоносцев с мусульманскими войсками довольно часто заканчивалось в пользу последних. В XII в. исламизированные турки-сельджуки и египтяне начали успешные наступления на небольшие христианские государства, основанные крестоносцами в Северной Африке и на Средиземноморском побережье Малой

Азии. Западная Европа устала от крестовых походов и не спешила на помощь своим ближневосточным единоверцам. Может быть, с целью побудить папу римского и французского короля Людовика IX (Святого) на более решительные действия в первой половине XIII в. в ближневосточных христианских царствах распространилась и довольно быстро достигла Западной Европы легенда о великом восточном христианском царе Иоанне, который якобы поднял меч против мусульман и идет на запад, дабы оказать помощь своим «братьям во Христе».

Возникновение легенды было связано с несторианским христианством и правителем центральноазиатского народа керейтов Ван-ханом.

Отколовшееся от восточнохристианской (византийской) церкви еще в V в. н. э. несторианское вероучение, выступавшее за демократизацию православия и изменение его догматических установок, распространилось далеко на восток, достигнув берегов Хуанхэ и центральноазиатских степей. В первой половине XI в. несторианство распространилось среди ряда монгольских племен, в том числе среди керейтов, создавших в XII в. довольно мощное военно-политическое объединение. Во второй половине XII в. во главе керейтов стоял Ван-хан. Этому историческому лицу «выпала честь» быть легендарным «царем Иоанном», которому приписали все события, свершившиеся в степях Средней и Центральной Азии в самое разное время.

Ортодоксальная церковь осудила отделившиеся от нее секты, в том числе и несторианство, как еретические, но предписывала поддерживать отношения с ними на Ближнем Востоке, где они оказывались союзниками крестоносцев против мусульман. Такая двойственная линия объяснялась исключительно политическими мотивами.

Как выяснено историками, возникновение этой легенды предопределилось двумя обстоятельствами — фактом проникновения несторианского христианства в среду центральноазиатских племен и народов и разгромом монголоязычными киданями в 1141 г. в районе севернее современного Самарканда многотысячного войска последнего правителя сельджукской мусульманской империи Санджара. Кидани, самоназвание которых было «каракитай», на Западе отождествлялись с керейтами, и их военная победа была приписана также керейтам.

1145 г. датируется первая известная запись легенды «О царе Иоанне», принадлежащая баварскому епископу.

Легенда обростала фантастическими подробностями и приобрела в конце концов такой сюжет, который должен был заставить западнохристианскую церковь предпринять какие-либо политические шаги. Так, в легенде говорилось, что после разгрома мусульман в Средней Азии царь — священник Иоанн двинул войска на запад на помощь ближневосточным христианам. Войска царя Иоанна дошли до реки Тигр, но, не имея судов, не смогли переправиться через нее. Требуется еще одно, но уже совместное усилие христиан Запада и Востока, и мусульмане будут уничтожены.

Возможно, что и папский и французский дворы отнесли к легенде с недоверием, однако успешные завоевательные походы явных немусульман — монголов, объединенных Чингисханом в 1194 г., вынудили их отправить посольства в монгольскую столицу. Доминиканским и францисканским монахам, отправлявшимся в дальние восточные земли — в степи Центральной Азии и главную ставку великого монгольского хана — Каракорум, предписывалось собрать на тот или иной случай надежные сведения о монголах. Доминиканские монахи, хотя и достигли главной ставки, но не проявили должного уважения к обычаям монголов и не были допущены к великому хану. Напротив, францисканцы показали завидную дипломатическую гибкость, исполнили обряд «очищения огнем» и общались с самим великим ханом и ханами — владельцами областей монгольской державы. История сохранила не только имена этих францисканцев, но и их подробные отчеты об увиденном и услышанном.

В истории накопления этнографических знаний особое место принадлежит Плано Карпини и Гильому Рубруку. Первый был посланцем папы Иннокентия IV, второй — Людовика IX. Папская миссия Карпини покинула Лион в 1245 г., достигла в 1246 г. Каракорума и вернулась в Лион в 1247 г. Посольство Рубрука отплыло в 1252 г. в Константинополь, затем пересекло Черное море и высадилось на Южном берегу Крыма. Рубрук со своими спутниками далее двинулись на восток, они побывали в ставке Батыя на Волге и, получив от него проводников, прибыли через два года в Каракорум. Вернулся Рубрук в свой монастырь в 1256 г. Его отчет внес существенный вклад в подлинные знания об истории и

географии народов восточных стран. Воспитанные на церковной схоластике, на самых невероятных представлениях о мире и народах мира, Карпини и Рубрук попытались преодолеть и преодолели многовековое невежество.

Гильом Рубрук писал: «Я осведомлялся о чудовищных людях, о которых рассказывали Исидор и Солин [«энциклопедисты» раннего средневековья — римлянин Гай Солин (III в. н. э.) и епископ Исидор Севильский (VI—VII вв.)]. Татары говорили мне, что никогда не видели подобного; потому мы сильно недоумеваем, правда ли это».

Родившееся сомнение питало и красочный рассказ о виденном Марко Поло — венецианского купца, побывавшего во многих странах Азии. Марко Поло был на службе у Хубилая, монгольского правителя Китая, и достаточно много путешествовал по этой стране Восточной Азии. По возвращении на родину Марко Поло по ложному доносу был заключен в гинуэзскую тюрьму; там он в 1296—1299 гг. продиктовал свои рассказы о виденном и необычном. «Книга» Марко Поло — во многом результат личных наблюдений и впечатлений автора, хотя в ней содержатся и такие полученные из вторых рук сведения, которые легко можно отнести к фантастическим, легендарным преувеличениям и несуразностям.

Более шести с половиной веков живет «Книга» Марко Поло как обстоятельное исследование географии и этнографии, созданное в Европе, возрождавшейся из средневековой тьмы. По описаниям Марко Поло составлялись географические карты, а само сочинение было постоянным спутником великого Колумба в его плаваниях. Марко Поло дал верные описания быта и обычаев монголов, что полностью подтверждается замечательным «Сборником летописей» персидского историка Рашид ад-Дина (1247—1318) и собственно монгольским сочинением «Сокровенное сказание», созданным в том же XIII в.

Но Марко Поло не представлял себе землю как шар; он не мог отказаться от традиционных представлений, когда речь шла об отдаленных народах, которых ни он сам, ни его информаторы не видели. Так, на страницах «Книги» Марко Поло появились псоголовцы, страна тьмы и другие наивные сообщения. О Руси Марко Поло писал: «Россия большая страна на севере. Живут тут христиане греческого исповедания. Тут много царей

(Русь раздроблена на уделы.— *Р. И.*) и свой собственный язык; народ простодушный и очень красивый; мужчины и женщины белы и белокуры. На границе тут много трудных проходов и крепостей. Дани они никому не платят, только немного царю Запада; а он татарин и называется Тактактай [золотоордынский хан Тохтогу (1290—1312)], ему они платят дань и никому больше. Страна эта не торговая, но много у них дорогих мехов высокой ценности; у них есть и соболя, и горностаи, и белки, и эрколины, и множество славных лисиц, лучших в свете. Много у них серебряных руд; добывают они много серебра... Хочу сказать о России кое-что, что я забыл. Знайте, по истинной правде, самый сильный холод в свете в России; трудно от него укрыться. Страна большая, до самого моря-океана; и на этом море у них несколько островов, где водятся кречеты и соколы-пигримы, все это вывозится по разным странам света. От России, скажу вам, до Норвегии путь недолог, и если бы не холод, так можно было бы туда скоро пойти, а от великого холода нелегко туда ходить».

В XV в. в Европе, освободившейся от мрака средневековья, к дальним странам — вожделенному источнику богатств — было обращено внимание отживающей феодальной монархии и нарождающейся буржуазии. Настал год, которому суждено было стать началом эры великих географических открытий, годом, окончательно перевернувшим все представления о планете Земля и ее населении.

В 1492 г. Христофор Колумб открыл не только новую часть света — Америку, но и невиданные, неизвестные еще Европе и всему Старому Свету народы.

Без малого три века — от открытия Америки Колумбом в 1492 г. до последнего путешествия знаменитого капитана Джемса Кука (1776—1779) — происходил переворот в этнографических знаниях. В пору великих географических открытий мир, люди узнавали себя, но еще не познавали. Происходило невиданное дотоле накопление фактического материала о быте и нравах различных, и прежде всего культурно отсталых, народов.

В начале XVI в., когда вся Европа была охвачена «протестантскими ересями», от Ватикана отпадали одна страна за другой и папский двор лишился денежных поступлений, католическая церковь особое внимание обратила на Америку. Католические миссионеры направ-

лялись во все вновь завоеванные земли для обращения индейцев в христианство.

Три силы, преследовавшие собственные интересы, утверждались в Новом Свете — завоеватели-конкистадоры, испанский король и католическая церковь. Снаряжая и благословляя испанских идальго на завоевание новых земель, испанский король рассчитывал пополнить свою казну; посылая миссионеров, на это же надеялась церковь; ну а сами идальго мечтали разбогатеть и поживиться. Первое время полновластными хозяевами были конкистадоры. Они владели землей, распоряжались жизнью и смертью индейца, его имуществом, его семьей. Индейцы, обращенные в рабов, гибли тысячами. Капитализм начинал свой путь с возрождения рабства, разрушенного еще в конце античной эпохи.

В 1530 г. рабство индейцев было формально отменено, но конкистадоры не считались с его отменой. В 1543 г. королевская власть объявила всех индейцев свободными, а их хозяев — «опекунами», ответственными за сбор дани и приобщение индейцев к христианской вере.

Три силы в течение многих лет соперничали в тирании индейцев, и неудивительно, что между католическими миссионерами и хозяевами-помещиками были постоянные противоречия. Монахи обвиняли конкистадоров в хищническом обращении с индейцами, а конкистадоры монахов — в нехристианском обращении с индейцами при строительстве монастырей и алчной плате за приобщение к вере Христа. Среди монахов, преимущественно францисканцев (известных особой системой подготовки к миссионерской деятельности, требующей определенных знаний условий будущей работы, изучения языка местной паствы), все же было значительно больше образованных людей, чем среди конкистадоров. Монахи писали реляция королевскому двору, главе церкви. В этих реляциях часто были удивительно точные строки о традиционной культуре и быте коренных жителей Нового Света, о страшных преступлениях конкистадоров против индейского населения.

Именно из-под пера монахов во второй половине XVI в. вышли сочинения о Новом Свете, являющиеся по сей день ценнейшими источниками по культуре и истории уничтоженных великих цивилизаций Центральной Америки — ацтеков и майя.

Францисканцы Бернардино Сахагун (1500—1590) и

Диего де Ланда (1524—1579) принадлежат к числу наиболее знаменитых авторов тех лет, давших в своих сочинениях подробные этнографические и исторические сведения о народах Америки. Первый во «Всеобщей истории Новой Испании» описал правила и гимны ацтекской религии, второй в «Сообщении о делах в Юкатане» изложил основные моменты жизни майя и их культуру.

Жизнь и злодеяния Диего де Ланды

Диего де Ланда, человек незаурядных способностей, стал одновременно и одним из главных разрушителей древней культуры майя, и летописцем ее.

С последнего портрета, который должен был отразить смирение и вдохновение верного служителя воинства Христа, Диего де Ланда, возведенный после смерти чуть ли не в ранг святых, смотрит на мир сквозь покаянно опущенные веки. Длинное, аскетически худое лицо, на котором выделяется высокий прямой нос, изрезано глубокими складками, подчеркивающими упорство и волю. Открытый, высокий, без единой морщины лоб окаймляют густые короткой стрижки волосы, оставленные после тонзуры. На Диего де Ланде мантия епископа, поверх которой — золотой с драгоценными камнями парадный крест. Опущенные долу глаза, прикрытые веками, создают образ покаяния и величия.

Почивший, как сказано в жизнеописании, в «ореоле святости» в 1579 г. в городе Мериде на полуострове Юкатан, Диего де Ланда оставил надолго в памяти своих современников совсем иной образ...

Случилось это меньше чем через год после высшего духовного совета (капитула) францисканцев Юкатана и Гватемалы, который объединил Юкатан и Гватемалу в единую церковную провинцию. 13 ноября 1561 г. на этом капитуле главой (провинциалом) новой провинции был избран Диего де Ланда. Сбылись потаенные честолюбивые мечты отпрыска знатного, но разорившегося дворянского рода Кальдеронов, чей замок венчала небольшую возвышенность в Сифуэнтес де Алькарриа в Центральной Испании.

Еще шло заседание капитула, еще не прозвучала заранее и тщательно подготовленная речь нового провинциала о божеской благодати, сошедшей на языческую индейскую землю, о правах и доле священнослужите-

лей быть добрыми и настойчивыми пастырями, о вреде, который наносят конкистадоры церковной пастве, наживаясь на безмерной эксплуатации индейцев, когда тихо вошедший в залу настоятель монастыря в Мани остановился у кресла Ланды и что-то начал шептать ему на ухо.

Спустя много лет Диего де Ланда даже самому себе боялся признаться в тяжести содеянного им, как только он услышал сообщение настоятеля монастыря в Мани. Через много лет провинциал напишет записки, чтобы оправдать себя, но не расскажет всей правды. Может быть, на смертном одре, боясь страшного суда, он и произнесет слова покаяния, сошлетя на помутнение разума, но последняя исповедь будет похоронена в веках.

От полудня 15 ноября 1561 г. до полночного часа 12 июля 1562 г. жестокая складка в уголках губ обезобразила лицо провинциала де Ланды, и много месяцев ненависть застилала ему глаза, не давая возможности остановиться и оглядеться в ужасе перед совершенным по его приказу, превышавшему данную ему власть. Эти месяцы проявили совсем другого Диего де Ланду, не того, который смиренно переступил порог францисканского монастыря Сан Хуан де Лос Рейес в Толедо в 1541 г., и не того молодого миссионера, который в августе 1549 г. оказался на Юкатанском берегу и сразу же проявил способности человека, умеющего найти путь к знатым индейцам, выучившего их язык, обучающего их детей. В эти месяцы был другой Ланда. Не тот, который в 1553 г., став настоятелем монастыря Сан-Антони в Исамале, возглавил борьбу церкви против местных испанских помещиков, выступая «защитником индейцев», и добился присылки королевских чиновников из Испании, попытавшихся умерить алчность конкистадоров и способствовавших укреплению позиций церкви. Диего де Ланда, проявлявший рвение в христианизации индейцев и получении стабильного дохода для церковной казны, не пользовался благосклонностью испанских помещиков, но находил поддержку у городского судьи — алькальда города Мерида.

И вот этот Диего де Ланда в течение восьми месяцев действовал как палач и инквизитор против индейцев, которых еще недавно он лицемерно защищал.

Не успел настоятель монастыря в Мани закончить фразу, как провинциал вскочил, воздел руки кверху и,

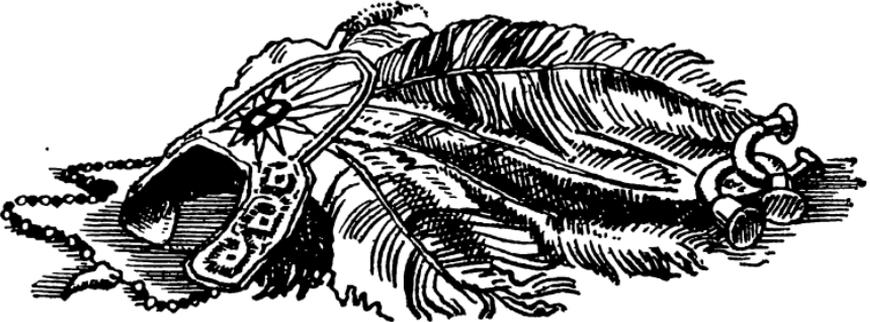
к удивлению собравшихся, знавших вкрадчивый голос Ланды, заговорил, срываясь местами на крик:

«Братья, мы вели упорную борьбу с пороками индейцев, которыми были идолопоклонство, публичные оргии, купля и продажа рабов для испанцев, препятствующих нашему смиренному и возвышенному делу. Братья, нам всегда причиняли неприятности и испанцы и индейские жрецы, которые потеряли свою службу и доходы от нее. Мы во многом преуспели, братья! По нашему распоряжению всем индейцам, познавшим божью благодать, было сообщено, чтобы они не жили в лесных чащобах, а жили в хороших селениях. Здесь их было легче просвещать и монахи не испытывали в своей деятельности затруднений. Индейцы всегда давали милостыню на пасхальные и другие праздники, на нужды церкви через двух старых индейцев, назначенных для этого. Вместе с тем они давали необходимое братьям, когда те ходили их посещать, а также приготавливали украшения для церквей.

Братья!— Тут голос Ланды приобрел злоеущий оттенок.— Хотя эти люди были просвещены, а их юноши преуспели в учении, старый индеец — служка монастыря в Мани вчера в чаще леса наткнулся на пещеру. Даже у этого бывшего язычника застыла кровь в жилах. В пещере лежала божья тварь — олень с рассеченной грудью и вырванным сердцем, стояли языческие идолы, обмазанные оленьей кровью. Наша паства, братья, вновь поддалась внушению демона и преступает христианские законы. Эти люди совращены жрецами-идолопоклонниками и испанскими сеньорами, обиженными на наши требования справедливости. Наш долг, братья, все расследовать, изгнать бесовское наваждение, не то скоро вновь индейцы возвратятся к почитанию идолов и жертвоприношениям, причем не только курениями, но и человеческой кровью.

Я покидаю капитул, братья, чтобы расследовать дела монастыря в Мани и сообщить вам».

Если бы члены капитула знали, к чему приведет это расследование, они, наверное, задержали бы своего провинциала и предложили обратиться к епископу, но случаи возвращения к идолопоклонству были тогда нередки и обычно после увещевания индейцы возвращались в лоно церкви. При всем усердии монахов мало кто из индейцев видел различия между своей и христианской религиями.

Путь из Мериды был недолгим. Однако кавалькада прибыла в Мани поздно вечером. Обычно звездное в это время года небо было покрыто зловещими, черными тучами, из которых вот-вот низвергнется ливень. Где-то вдали у самого края низменности как будто сверкнула молния. Почти не видно мерцания светильников в селениях, окружающих монастырь.

Налетел со свистом порыв ветра, застучали о землю первые дождевые капли. Но ничто и никто уже не мог остановить Диего де Ланду. Что же задумал он в такой поздний вечер? В его кавалькаде было несколько солдат, данных главным алькальдом.

Распахнулись ворота монастыря, и, зябко кутаясь в сутаны, вышла процессия с зажженными факелами. Впереди быстрым шагом шел сам провинциал.

Стоило взглянуть на его лицо, когда падал свет факела, чтобы испытать ужас. Вприпрыжку рядом с ним торопился служка-индеец. Кажется, он показывал путь. Настоятель шел чуть сзади провинциала, а далее шли солдаты и монахи, монахи и солдаты.

Вот и первые строения деревни — глинобитные сооружения, покрытые высокой соломенной крышей.

— Здесь! — прошептал служка и показал на третий дом от края.

Провинциал выхватил из рук монаха факел и толкнул дверь в первую, гостевую половину дома. Здесь никого. Было позднее время, и индейцы уже устроились в задней комнате, за продольной внутренней стеной, где люди спали на циновках. Спящие просыпались со страхом и забивались в дальние углы, боясь поднять глаза на неожиданно появившуюся фигуру провинциала с горящим факелом. Он был похож на порождение ада.

— Он! — почти крикнул служка, указывая на рослого молодого мужчину, порывисто вскочившего с лежанки и ухватившего на всякий случай толстую дубину.

— Взять! — отрывисто бросил провинциал, и двое солдат схватили мужчину.

Казалось, никто спросонья не понимал, что случилось. Все в доме были растеряны и беспомощны. Солдаты поволокли схваченного к выходу.

— Падре! — Мужчина повернулся к провинциалу. — Это ведь я, На Чан-чель.

Лишь мельком взглянул на говорившего Ланда и быстро вышел из дому. Он торопился к следующему, к следующей жертве, и ему не хотелось вспоминать, что

На Чан-чель был лучшим и первым учеником еще в то время, когда Ланда начинал свой путь на Юкатане.

К полудню следующего дня в подземелье монастыря сидело уже сорок мужчин. Их объявили зачинщиками «апостасии» — отступничества от христианства. Ланда многократно спускался в подземелье и пытался выявить у узников всех тех, кто принимал участие в богопротивных жертвоприношениях. Сбитые с толку люди не понимали, чего от них хотят. Однако стоило назвать кого-нибудь, кто в последние дни ходил в лес, где была пещера, за ягодами или сучьями, как его тоже хватили и помещали в застенки монастыря.

Когда число узников перевалило за три сотни, уже нельзя было словом заставить их проговориться, назвать какое-то имя. Из близких деревень люди стали убежать в лес, в дальние горы.

Прошло больше двух недель. Капитул не дождался возвращения провинциала, и самые разноречивые слухи встревожили духовенство. Никто не мог поверить, что провинциал, как сообщали испанские помещики, начал инквизицию — расследование, которое может осуществить только человек, облеченный саном епископа.

А из Мериды алькальд по просьбе Ланды высылал новых солдат, и вскоре по всей округе Мани было схвачено 6330 человек, обвиненных Ландой в вероотступничестве. Добываясь удобных ему признаний, Ланда санкционировал применение самых изощренных пыток. Капитул послал двух настоятелей монастырей из Гватемалы проверить упорно распространившиеся слухи.

Когда они прибыли в Мани, то увидели еще более страшную картину и узнали, что без епископального разрешения провинциал начал инквизицию и в соседней провинции Сотуте.

Они нашли провинциала в дальней камере западного крыла монастыря. Священнослужители были наслышаны об инквизиции, но им никогда самим не приходилось присутствовать при пытках, учиняемых ею. Провинциал был всецело поглощен происходившим и наблюдал за жертвой с каким-то сладострастием. Он даже не заметил посланцев капитула.

— Воском, горячим воском по спине! — командовал провинциал, и палач окачивал спину подвешенного за руки к потолку На Чан-челя. Страшная боль исказила лицо индейца, но крик не вырвался из его уст.

— Говори, кто вскрыл грудь оленя, говори, кто вну-

шал тебе мысль о вероотступничестве!— истерически кричал Ланда, тыкая пытаемого раскаленным прутом в голые пятки.

В камере стоял густой запах горелого мяса. Посланцы капитула, ужаснувшиеся увиденным, воскликнули разом:

— Брат провинциал, остановитесь! Ваш сан не позволяет вести такой допрос. Брат провинциал, вы...

Диего де Ланда, казалось, очнулся от исступления, бросил железный прут и посмотрел на говоривших. По знаку Ланды палач снял жертву с прута и опустил на пол.

— Братья,— вкрадчиво начал провинциал,— я здесь не по своей воле, а единственно по воле нашего господ. Я вами назначен духовным главой провинции...

Он помолчал и вдруг резко крикнул:

— Мне нельзя ждать, когда распорядится епископ брат Франсиско Тораль, не ведающий наших условий и могущий допустить безудержное распространение ереси. Я делаю так, как велит мне мой долг перед святой церковью, и пусть бог будет мне судьей!

Он повернулся к палачу и дал знак продолжить пытку. Палач вставил в рот На Чан-челя рог и вылил в него из сосуда горячую воду. Затем вскочил на несчастного и стал топтать его. Из рта истязуемого, из ушей и носа потекла вода пополам с кровью. В ужасе, многократно крестясь, посланцы капитула выскочили из подземелья во двор монастыря. Ланда не задерживал их. Он склонился, прислушиваясь к неясному шепоту На Чан-челя. На Чан-чель с последним дыханием как будто произнес: «Боже!» — и затих. На мертвом лице вдруг появилась и застыла улыбка. Провинциал отшатнулся и рухнул в кресло. Он просидел в беспамятстве несколько часов.

Монахи осторожно вынесли Ланду во двор. Когда провинциал очнулся, он удалился в свои покои и не появлялся на людях три дня. Служки подавали ему еду через окошко в двери. А по всей провинции продолжалась охота за отступниками, во всех монастырях сидели заключенные, их было много сотен.

Через три дня провинциал вышел на монастырский двор и продолжал инквизиторское расследование. Казалось, теперь уже ничто и никто не остановит его. Сто пятьдесят семь индейцев — мужчин и женщин — не выдержали пыток и скончались в монастырях. Более че-

тырех тысяч остались навек калеками, но провинциал готовил самое страшное.

Члены капитула и испанские сеньоры, много месяцев наблюдавшие почти сатанинскую ретивость провинциала во имя Христа, знали о рожоте, который будоражил индейские селения и мог превратиться в восстание. Кто-то предлагал послать известие епископу, но опасался главного алькальда, бывшего заодно с Ландой, и самого Ланду.

В монастырь Мани не только упрятали отступников и на погосте схоронили умерщвленных пытками, но и свезли языческие идолы, манускрипты на оленьей коже, сосуды с рисунками, каменные алтари. Это были неповторимые образцы древней культуры майя.

После 10 июля 1562 г. по дороге в Мани можно было встретить знатных испанцев и знатных индейцев. А 11 июля показалась и кавалькада главного алькальда. Они ехали в Мани по приглашению Диего де Ланды, который обещал им невиданное еще в Новом Свете зрелище — торжественное аутодафе, знаменующее завершение борьбы с ересью.

На широкой площади перед монастырем были разложены огромные кучи хвороста, сучьев, соломы. На 12 июля 1562 г. Диего де Ланда, возмнивший о своем всесилии, представлявший самому себе рукой providения, назначил аутодафе.

Для самых знатных перед монастырем соорудили нечто вроде помоста с легким тростниковым козырьком от непогоды или жаркого солнца. Было много солдат и еще больше — нахмуренных, но не робких индейцев из разных селений. Были почти все настоятели монастырей провинции и соседних провинций. Почти все, так как те двое, что приезжали в конце прошлого года от капитула, отсутствовали. Может быть, они остались в своем приходе, может быть, отправились к епископу сообщить о дальнейших действиях Ланды, превышающих его права по сану.

В пять часов пополудни на помосте в окружении пышной свиты испанской и индейской знати появился главный алькальд. Затем распахнулись монастырские ворота и вышел провинциал в парадном одеянии. Он вознес к небу молитвы и затем дал знак. Из разных мест монастыря на площадь монахи вынесли пять тысяч языческих идолов, 13 каменных алтарей, 22 маленьких камня с изображениями, 27 свитков рукописей майя на олень-

ей коже и 197 сосудов с рисунками, изображавшими богов и божеств майя. К эшафотам, выстроенным во всех концах площади, подвели несколько десятков индейцев в колпаках позора.

Поднявшись на помост, Диего де Ланда вновь прошептал молитву и вновь подал знак. Вспыхнули костры. В них полетели языческие идолы, алтари и рукописи, сосуды и рисунчатые камни. Огонь пожирал камень, пожирал бесценные рукописные сокровища и разрушал творения талантливых рук человека. Солнце зашло, но от пламени десятков костров было жарко, как днем.

И снова Ланда подал знак. К несчастным, собравшимся у эшафота, подскочили палачи с бичами и ножами. Кого-то они остригали наголо, кого-то били до крови бичами, кого-то просто толкали в костер или привязывали к столбу. У столбов возникали кучи хвороста, и взметнувшийся огонь поглощал привязанных к нему.

И в четвертый раз провинциал подал знак, не обращая внимания на гневные выкрики в толпе, на странный испуганный шепот на помосте среди знати.

Факелы, словно лучом солнца, озарили страшное зрелище. На погосте сотни людей, одетых в шутовские наряды — сан-бенито, под присмотром монахов разрывали могилы, где покоились погибшие под пытками. Они вытаскивали их тела, которых уже коснулся тлен, и несли к площади. Трупное зловоние достигло помоста.

А к кострам несли все новые и новые трупы. В ужасе люди шарахались от жуткой процессии и призывали бога.

Алькальд дернул Ланду за сутану, но тот даже не обернулся. Он вперился в труп, освещенный ближайшим костром, и узнал На Чан-челя, который, как и тогда в подземелье, сохранил улыбку. Казалось, до провинциала в ту минуту, когда тело На Чан-челя бросали в костер, вновь долетело слово «Боже!». Трупы, семьдесят трупов бросили в огонь костров. Аутодафе совершилось.

Провинциал не отвечал на призывы алькальда. Догорали костры, а он все стоял, вцепившись в столб помоста, и смотрел вниз, и видел улыбку На Чан-челя. Наспех он простился с гостями и умчался в свой первый приход, в монастырь Сан-Антонио.

Раскаивался ли Диего де Ланда в содеянном, проведя в добровольном заточении месяц? Возможно, но не настолько, чтобы добровольно сложить сан. Во всяком

случае, когда наслышанный о незаконном палачестве Ланды и боявшийся восстания индейцев епископ Франсиско Тораль прибыл в Мериду и 12 августа того же года низложил Диего де Ланду с поста провинциала, тот не собирался сдаваться.

Главный алькальд и бывший провинциал были отозваны в Испанию. В 1564 г. Диего де Ланда выехал в Мадрид, рассчитывая оправдаться перед Советом по делам Индии. Совет предъявил обвинение в узурпации Ландой полномочий епископа и инквизитора. Оправдания Диего де Ланды первоначально не были признаны удовлетворительными, и решением короля провинциалу Кастилии было поручено провести расследование и учинить правосудие. Семь высших духовных сановников в Толедо оправдали действия Ланды «в случае с аутодафе и другими мерами наказания индейцев». Так пишет сам Диего де Ланда в сочинении «Сообщение о делах в Юкатане», которое было закончено в 1566 г., во время вынужденного пребывания в Испании в ожидании дальнейшей судьбы. Именно в нем есть лицемерные строки, скрывающие правду о деятельности с ноября 1561 по июль 1562 г. Об этом периоде он пишет так: «Братья провели расследование, попросили помощи у главного алькальда и схватили многих. Их подвергли суду, и было устроено аутодафе, на котором многие попали на эшафот и были одеты в позорные колпаки, острижены и подвергнуты бичеванию, а другие одеты в санбенито на определенное время. Некоторые от огорчения повесились, обманутые демоном, но в общем все проявили много раскаяния и желания стать добрыми христианами».

У лжи Ланды оказались короткие ноги. Доминго Родригес, иезуит, разоблачил провинциала и дал более правдивую картину гибели десятков людей, тысяч искалеченных пытками, уничтожения редких и последних образцов высокой культуры майя.

Совесть, которая, видимо, где-то в самых дальних закоулках фанатически религиозной души еще теплилась, во многих случаях водила пером Ланды, писавшего «Сообщение о делах в Юкатане». Эти записки не предназначались для печати. Ланда в них оправдывался перед самим собой и пытался восстановить ту культуру майя, в уничтожении памятников которой он сыграл роковую роль.

Над своими записками Ланда работал с 1553 г. Он

закончил их в 1566 г. В 1573 г. Ланда, оправданный отцами церкви и возведенный в сан епископа, возвратился в Мериду. С собой он увез и свои записки. После смерти Ланды в 1579 г. их положили в архив францисканского монастыря в Мериде. С них была сделана копия и отправлена в Испанию. Копия записок Ланды была обнаружена и опубликована в более или менее полном виде лишь в 1864 г., хотя фрагменты из нее или подлинника, исчезнувшего в 1820 г., после изгнания монахов из монастыря в Мериде, появились во многих других сочинениях.

«Сообщение о делах в Юкатане», по выражению советского ученого, переводчика труда Ланды и специалиста по культуре майя Ю. В. Кнорозова, — «основной источник по истории и этнографии индейцев майя во времена испанского завоевания. Ланду недаром называли «первоначальным историком» Юкатана. В его работе нашли отражение все стороны жизни древних майя».

Такова справедливая и объективная оценка письменного наследия Диего де Ланды, чья деятельность достаточно ярко характеризует методы церковников, шедших вослед конкистадорам и купцам в новые земли, открываемые в эпоху Великих географических открытий.

К истокам этнографических знаний относится и сочинение иезуита Жозефа Лафито (1670—1740) «Обычаи американских дикарей в сравнении с обычаями первобытного времени». Миссионер среди ирокезов и гурунов, тщательно изучавший их культуру и быт, знавший лично другого миссионера, Гарнье, прожившего среди индейцев 60 лет и овладевшего многими индейскими языками и диалектами, Лафито создал труд, в котором попытался сопоставить жизнь ирокезов и гурунов с жизнью древних греков и римлян. Хотя Лафито и предполагал, что на крайнем юге Америки живут люди без голов, с глазами на животе (трудно монаху отказаться от прежних представлений), что гуруны и ирокезы — прямые потомки греков и римлян античности, но его труд был огромным шагом вперед.

Теперь уже оставалось недолго ждать, чтобы новые факты, нуждающиеся в систематизации, были систематизированы, чтобы наряду с известным словом «география» — «описание земли» появилось и слово «этногра-

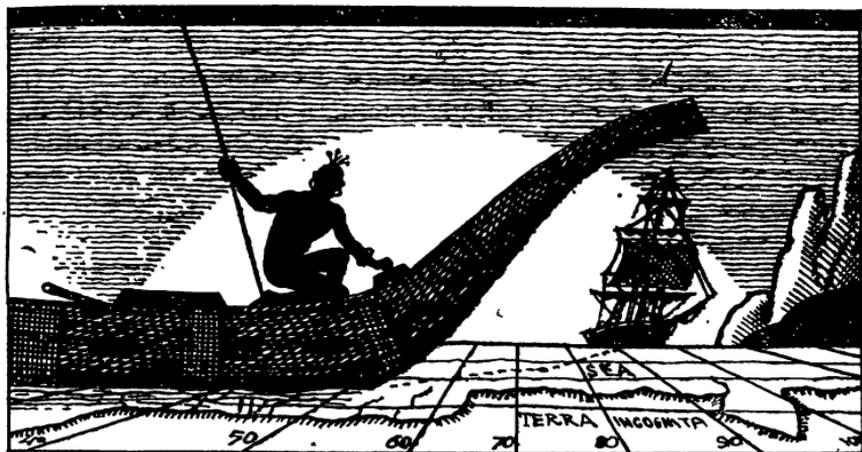
фия» — «описание народов». И слово «этнография» появилось в немецких сочинениях в 1775 г., хотя авторы его еще не знали, что ему, этому слову, суждено стать названием новой науки.

Во второй половине XVIII и в XIX в. географические открытия все больше и больше соберут материала о новых и неизведанных странах, о народах, населяющих их. Еще будут встречи Европы или Азии с иным миром, разными финалами закончатся они, но главное уже произошло: границы обитаемого мира стали невиданно огромными, этнографическая наука, начавшаяся с первых упоминаний о иных народах в Древнем Египте, набирала силы, чтобы в XIX в. заявить о себе в полный голос.

Предстоящее столетие продолжило неразрывную связь изучения Земли, богатой растительным и животным миром, разнообразной по рельефу и ландшафту, с изучением людей, населивших материки и острова, освоивших плодородные долины, горные склоны и бескрайние пространства степей и таежных лесов. География шла в своих исканиях рука об руку с этнографией. Великие путешественники и первопроходцы открывали не только неведомые страны, но и невиданное еще для них население этих стран. В наступающем XIX в. обогащение географических знаний означало и расширение этнографического познания мира. Недаром чаще всего в недрах географии зарождалась новая отрасль науки о человечестве и его культуре — этнография.

Паруса, наполненные ветрами кругосветных странствий, вели в XIX в. корабли путешественников и ученых к новым географическим и этнографическим открытиям.

глава 3

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ — ГУМАНИСТЫ — УЧЕНЫЕ

Многие прошлые поколения обогатили географию Земли, добавив к ней знания географии человека. В XVIII в. население вновь открытых материков и стран не только вызывало удивление образованного европейца, но и рождало наивные представления о подобии многообразия людей многообразию растительного и животного мира. Собранные этнографические и антропологические данные знаменитый Карл Линней (1707—1778) применил в своей классификации растений и явлений природы, выделив человеческий род с шестью разновидностями: 1) дикий человек; 2) монструозный, то есть диковинный, человек; 3) американский — красноватый, холерик, покрытый татуировкой, управляемый обычаями человек; 4) европейский — белый, мясистый, сангвиник, покрытый плотно прилегающим платьем, управляемый законами человек; 5) азиатский — желтоватый, крепкостроенный, с черными прямыми волосами, меланхолик, упрямый, жестокий, скупой, любящий роскошь, носящий широкие платья, управляемый верованиями человек; 6) африканский — червый, с дряблой и бархатной кожей, спутанными волосами, флегматик, ленивый

и равнодушный, мазанный жиром, управляемый произволом человек.

Для Европы классификация Линнея была квинтэссенцией антропологических знаний в XVIII в. И все-таки для «царя природы» уподобление цветам или хищникам было противоестественно и неверно. Однако для понимания несуразности такой классификации, для признания человека хотя и вышедшим из животного мира, но являющимся особым общественным видом в XVIII в. недоставало знаний. Такие знания не могли дать купцы, монахи и воины, обогащавшие память прошлых поколений. Такие знания могли принести лишь те, кого можно было назвать и путешественниками и учеными.

В XVIII и особенно в XIX в. создается новая книга познания людей людьми, в которую большая часть золотых страниц вписана подвигом «России верных сынов». Это не означает, что Западная Европа в конце XVIII и в XIX в., а США в XIX в. потеряли интерес к иным народам и странам, напротив, они подарили миру и науке многие важные открытия в географии и этнографии. Это не значит также, что Россия прежде не интересовалась своими «близкими соседями»,— Афанасий Никитин ходил за три моря и достиг Индии, а русские казаки в своих «скасках» описывали жизнь народов Сибири. Однако в XVIII и XIX вв. именно Россия внесла вклад в создание этнографической науки. Торопясь со времен петровских реформ приобщиться к опыту мировой культуры, Россия от века к веку сторицей отдавала ей приобретенное.

Историческая истина требует начать разговор с де-тища Петра I— Кунсткамеры. Ей суждено было более двух веков быть центром русской и советской этнографии...

...Истекают последние годы XVII в. Российский царь Петр I вновь отправляется за границу набираться опыта и знаний, чтобы, заимствуя передовое, вырвать огромную страну из культурной и экономической отсталости. Он собирается проводить и проводит реформы, убеждая и принуждая, «не останавливаясь,— как писал В. И. Ленин,— перед варварскими средствами борьбы против варварства».

Где-то, на каких-то дорогах курьер доставляет царю обстоятельное письмо великого немецкого математика и философа Готфрида Лейбница. Петр однажды попросил Лейбница дать совет, как устроить специальные ка-

бинеты для показа живой и мертвой природы, какие приобретать коллекции для целей просвещения. «Иностранные вещи,— писал в ответ на просьбу Лейбниц,— которые следует приобрести,— это разнообразные книги и инструменты, курьезности и редкости... Кабинет должен содержать все значительные вещи, редкие образы, созданные природой и искусством...»

Возможно, советы Лейбница оказались кстати. Во всяком случае в Московский Кремль в конце XVII — начале XVIII в. поступили приобретенные российским царем или полученные в дар диковинные вещи и инструменты, а в Московскую аптекарскую канцелярию — купленные за границей медицинские препараты. Над Невой уже вставала новая столица, и в 1714 г. Петр I распорядился доставить из Москвы все свои личные коллекции и собрания Аптекарской канцелярии.

В Летнем дворце коллекциям отвели специальное помещение и назвали его на заграничный манер Кунсткамерой. Вскоре первым коллекциям, включавшим и всевозможные предметы из Америки, Индии и других стран Востока, стало тесно в царских апартаментах.

В 1718 г. царь конфисковал особняк опального боярина Александра Кикина и приказал разместить Кунсткамеру в нем. Тогда же в предвидении роста коллекционных собраний на Стрелке Васильевского острова заложили огромное по тем временам новое здание. Закончено его строительство было уже после смерти Петра — в 1728 г., и в нем разместились Кунсткамера — первый русский научно-познавательный музей, библиотека и мастерские Петербургской Академии наук.

Так, начав свой путь с личных коллекций Петра I, петербургская Кунсткамера стала колыбелью русской науки. Здание ее сохранилось до наших дней, в нем и сейчас самый крупный в мире этнографический музей — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого и научные кабинеты Ленинградского отделения Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР.

Прошло более двух столетий, но и сегодня ленинградцы и гости Ленинграда называют этот музей Кунсткамерой.

Включение Кунсткамеры в Академию наук привело к постоянному накоплению коллекций, этому обязаны были способствовать уже первые академические экспедиции, отправлявшиеся в Сибирь и на Дальний Восток

вплоть до Камчатки; пополнялась Кунсткамера также за счет личных пожертвований ученых.

В начале 40-х годов XVIII в. в составе музея были собственно Кунсткамера с входившим в нее Физическим кабинетом, Натуркамера с анатомическим театром, Мюнцкабинет (собрание монет, медалей и подобных изделий) и Императорский кабинет (личные вещи Петра I, его восковая фигура и т. д.).

Этнографические коллекции рассказывали о жизни, культуре, быте народов всех, за исключением Австралии, населенных континентов.

Следует заметить, что у Кунсткамеры поначалу было слишком мало рачительных хозяев.

К 60-м годам XVIII в. дела в первом русском музее оказались так запущены, что это вызвало возмущение передовых людей того времени. В 1767 г. молодой профессор С. Г. Гмелин подал рапорт президенту Академии: «Весьма сожалею, что такой кабинет, который, может быть, больше значит, чем все знатные вещи на свете, поныне от неразумного смотрения в такое худое состояние пришел, что едва оный исправить возможно будет».

Рапорт был принят во внимание. Канцелярия Академии 9 августа 1767 г. распорядилась: «Из кунсткамерских вещей все, что до животного царства принадлежит, включая анатомические, препоручить г-ну профессору Палласу, так чтобы расположение оных, каким образом в лучший порядок привести и сохранить, прямо и единственно от него зависело; те же люди, которые при тех же вещах находятся, должны непосредственно от него зависеть, поелику принадлежат к тому делу, притом должен он принять вещи по каталогу, находящемуся в библиотеке, слича оный с тем, который у себя будет хранить, и другой, который ему придется из комиссии... на том же основании анатомические вещи препоручить г-ну Вольфу, а травы г-ну Гмелину... порядочное содержание разного звания моделей, математических и прочих инструментов, китайского, камчадальского и прочих разных народов платья и других достопамятных и курьезных вещей... подбиблиотекарю Осипу Петрову».

За исключением Петрова, проработавшего немного, каждый из вновь назначенных оказался крупнейшим специалистом в своей области. Все трое стали действительными членами Академии наук. Большая экспедици-

онная деятельность Палласа и Гмелина широко известна, их труды по изучению природы и культуры России вошли в золотой фонд русской науки. О замечательных работах Вольфа по механизму наследственности и постоянству видов Фридрих Энгельс сказал, что они гениально предвосхитили на целый век теорию Дарвина.

Назначение видных ученых ответственными за отдельные собрания Кунсткамеры не решило всех возникших перед музеем проблем, особенно в связи с поступлениями коллекций от академических экспедиций, начавших в 1768 г. работу по составлению физико-топографического описания России.

Но наступил 1771 г., и на специально учрежденный пост «надсмотрителя» Кунсткамеры был назначен воспитанник Ломоносова Семен Кириллович Котельников.

Котельников оказался именно тем человеком, который мог направить работу Кунсткамеры, мог навести порядок в хранении и показе коллекций. К концу XVIII в. стараниями Котельникова и ученых — хранителей отделов Кунсткамера становится крупнейшим научным центром в мире. По распоряжению Котельникова для «великолепия Кунсткамеры» срочно были изготовлены в начале 1780 г. «для разного куриозного платья азиатского несколько манекенов с натуральными к тому платью лицами и прочим прибором».

Для упорядочения посещений музея Академия ввела специальные (но бесплатные) билеты, которые выдавались в ее конторе, а в «Санкт-Петербургских ведомостях» было опубликовано сообщение о порядке работы Кунсткамеры. Она открывалась для посетителей два раза в неделю, по вторникам и четвергам, с 9 до 11 часов до полудня и с 2 до 6 после него. Единовременно по билетам в залы пускали только 50 человек. Такое правило сохранялось вплоть до начала XIX в.

Слава Кунсткамеры далеко перешагнула границы России, и многие из россиян или иностранцев считали за честь способствовать пополнению ее коллекций...

Дар экспедиции Кука

...Потеряв на открытых ею Сандвичевых островах своего начальника, корабли экспедиции Кука под командой капитана Кларка 18 апреля 1779 г. взяли курс к Камчатке. Попытка пробиться сквозь льды у южного конца Берингова пролива окончилась неудачей. В трю-

мах осталось немного соленой свинины и ничтожное количество пресной воды. Появившаяся на горизонте земля вызвала радость. Но ее берега были неприветливы.

Река Авача прорезала стену скал и вливалась в Авачинскую губу — затейливую гавань-ковш. Губу от ветров укрывали сопки, они сходились у Петропавловских ворот и как будто замыкали бухту. Стенки ворот образовывались отвесной семьей утесов, вырастающих прямо из воды. На склонах сопки на берегу бухты росли одинокие большие деревья, редкий кустарник и густая высокая трава.

На прибрежной полосе стояло восемь деревянных строений. В них размещалась пограничная стража — соток казаков под командой сержанта. Это было юго-восточное побережье Камчатки, самой дальней точки континентальной части Российской Империи.

Находившаяся на отшибе малонаселенная Петропавловская гавань впервые видела корабли под британским флагом — «Резолюшн» и «Дискавери».

В Большерецк к главному командиру Камчатки майору Бэму был послан нарочный с известием о прибытии двух хорошо вооруженных английских кораблей. Бэм решил вести переговоры.

Русская делегация прибыла на корабль. Англичане оказали ей самый сердечный прием и рассказали о своем бедственном положении: пришли они с Сандвичевых островов — так англичане называли Гавайские острова, — у них нет продовольствия, корабли нуждаются в ремонте, начальник экспедиции Джеймс Кук погиб, а капитан Кларк болен.

Бэм приказал отправить 250 пудов ржаной муки и 20 голов рогатого скота. Семь месяцев корабли экспедиции Кука стояли в Авачинской губе, производя необходимый ремонт. Настало время отплытия.

Капитан Кларк пригласил Бэма на корабль, а когда командир Камчатки покидал его, прогремел двадцать один пушечный залп — салют наций. С корабля несли подарок английских мореплавателей — коллекцию гавайских вещей.

На прощальном обеде Кларк сказал:

— Я не нахожу слов, чтобы выразить свою благодарность вашему превосходительству и всем русским за щедрую помощь и гостеприимство! Я прошу принять от нас в подарок коллекцию, собранную на Сандвичевых островах, где трагически оборвалась жизнь капитана

Кука. Вы понимаете, как нам дороги эти предметы, но мы передаем их вам в знак признательности за помощь его экспедиции!

С Камчатки в Якутск, из Якутска по санному пути на Тобольск и далее через Москву в Петербург отправили гавайскую коллекцию Кука. В ней были опахала и шишаки из разноцветных перьев, оружие, мантии и накидки, нагрудники и другие принадлежности мужского костюма, в том числе короткий плащ из птичьих перьев самого правителя Гавайских островов Камеамеа I.

Через всю Россию пропутешествовала эта коллекция, найдя постоянное прибежище на Стрелке Васильевского острова в Кунсткамере Петербургской Академии наук. С гавайскими вещами Европа познакомилась впервые именно на берегах Невы, ибо корабли экспедиции Кука прибыли в Лондон лишь спустя полгода после того, как посылку Бэма доставили в Петербург.

В России конца XVIII — начала XIX в. Академия, играя ведущую роль, уже не является единственным научным учреждением. Растет Московский университет, возникают новые университеты; русский флот выходит на широкие океанские просторы, разворачивает свою уникальную исследовательскую работу Российско-Американская компания.

Посланная Екатериной II «секретная» морская экспедиция И. Биллингса и Г. Сарычева обогатила науку не только географическими данными, но и предметами быта народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки. В 1794 г. эта коллекция из личного собрания Екатерины II поступает в Кунсткамеру. С тех пор каждая экспедиция, отправляющаяся по стране или за ее пределы, по суше или по морю, считает своим долгом или имеет предписание привозить в Кунсткамеру «произведения других народов и трех царств природы».

В 1803 г. уходят в первое кругосветное плавание на кораблях «Надежда» и «Нева» И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский и по возвращении, согласно инструкции, преподносят в дар Кунсткамере коллекцию с описью, озаглавленной «Каталог искусственным вещам и одежде разных европейских, азиатских и американских народов». На шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 гг. совершает кругосветное путешествие капитан В. М. Голов-

нин. И вновь Кунсткамера принимает щедрый дар из предметов культуры и быта индейцев Америки.

В 1819 г. отправляется в путь знаменитая Антарктическая экспедиция Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева. В 1828 г. в Кунсткамеру передаются богатейшие собрания этой экспедиции.

Под командованием Ф. П. Литке в 1826—1829 гг. военный шлюп «Сенявин» совершает очередное кругосветное путешествие, во время которого было собрано большое количество коллекций по естественной истории и этнографии. Все эти коллекции поступили в распоряжение Академии наук.

Заходят в бухты и гавани обеих Америк суда Российско-Американской компании, и управители ее считают своим долгом посылать в Кунсткамеру всякие диковинные вещи. Сама Академия установила новый институт членов-корреспондентов, которыми избирались деятели разных стран с тем расчетом, чтобы они способствовали пополнению академической библиотеки книгами и Кунсткамеры предметами из своего местопребывания.

Коллекциям стало столь тесно, что многие из них годами оставались нераспакованными. Ящики и тюки загромождали подступ к шкафам и витринам. Несколько комнат, выделенных музеем в бывшем дворце царицы Прасковьи Федоровны, где располагалась Канцелярия Академии и ее службы, не могли удовлетворить потребности в новых залах и новых хранилищах. В Петербург приходят посылки от дипломатических и торговых миссий из разных стран мира. Диковинные вещи, произведенные руками человека на всех континентах, флора и фауна со всех концов света, минералогические и геологические коллекции, дающие картину недр земли, представлены теперь в академическом музее.

Оставалось совсем немного: пользуясь приобретенными экспонатами, начать просвещение русского общества. Ведь такую цель преследовал Петр I, создавая «палату редкостей». Казалось, в осуществлении этой цели над входом в первый зал Кунсткамеры была помещена выдержка из Наказа Екатерины II: «Хотите предупредить преступление? Сделайте, чтобы просвещение распространялось между людьми!» Эту надпись мог видеть посетитель Кунсткамеры в первые дни и первые годы XIX в. Он же в 1802 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» в объявлении о порядке работы Кунстка-

меры мог прочитать, что «ливрейные слуги и чернь совсем не будут впускаемы».

Чем было вызвано такое примечание к объявлению? Безусловно, желанием оградить простолюдинов, мастеровой люд Петербурга от просвещения. Самодержавные правители России не скупилась на либеральные высказывания, особенно в расчете на симпатии прогрессивной Европы, но внутри страны они оставались крепостниками, больше всего боявшимися грамотного мужика как угрозы крепостным порядкам.

Смерть Котельникова в 1797 г., уход княгини Екатерины Романовны Дашковой, высокообразованной и прогрессивной общественной деятельницы тогдашней России, с поста президента-директора Петербургской Академии усугубили трудности, переживаемые Кунсткамерой. Три года она фактически была без надсмотрителя, пока академическому начальству не пришла мысль пригласить на этот пост академика Николая Яковлевича Озерецковского. В трудные годы пришел к руководству Кунсткамерой этот энергичный и талантливый ученый. Во время аудиенции у Александра I по случаю его восшествия на престол Озерецковский вместе с другими академиками подал прошение о насущных нуждах Кунсткамеры. Российские академики надеялись, что их прошение будет принято.

Новый самодержавный правитель, слышавший просвещенным монархом, обещал положительно решить просьбы Академии, но шли годы, и все оставалось по-прежнему. И если что менялось, то только благодаря усилиям самого надсмотрителя Кунсткамеры — Озерецковского.

Казалось бы, дела Кунсткамеры заставляли надсмотрителя быть все время в ее стенах, но Николай Яковлевич совершал и ближние и дальние поездки за новыми природными экспонатами. Его хватало на все: и на поездки, и на занятия с любителями науки в Кунсткамере, и на постоянное пополнение ее сокровищ, на привлечение к ее работе новых академиков, на переустройство и перепланировку музейных залов. По настоянию надсмотрителя унтер-библиотекарь Осип Беляев опубликовал в 1800 г. новый, расширенный путеводитель-каталог по Кунсткамере. Единственно, на что не хватило энергии Николая Яковлевича, это отменить распоряжение Академии о запрете посещения музея «ливрейным слугам и черни». Только однажды, 4 июля 1803 г.,

вопреки прежним уведомлениям Академии Озерецковский сообщил через «Санкт-Петербургские ведомости», что с 4 июля целую неделю Кунсткамеру можно будет посещать «беспрепятственно без билетов».

Много успел сделать за четверть века Озерецковский, так и не дождавшийся монаршего внимания, но получавший постоянную поддержку просвещенной России. Это по его настоянию великие мореплаватели в своих кругосветных странствиях помнили о нуждах академического музея, это по его просьбе дипломатические и торговые миссии приносили дары от других народов и стран. Благодаря его настойчивости Академия издает некоторые свои труды на русском языке, что способствует широкому знакомству русской общественности с делами Академии и ее учреждений.

В те дни, когда нависла угроза вторжения Наполеона в столицу и ценнейшие коллекции Кунсткамеры были подготовлены к эвакуации в Петрозаводск, Озерецковский окончательно понял, что прежняя Кунсткамера как комплексное собрание научных материалов изжила себя. Он полагал, что ее богатства смогут послужить основой для создания музеев по различным отраслям знаний и что в Кунсткамере должны сотрудничать несколько ученых и ее коллекции должны быть распределены между ними сообразно их знаниям и интересам. Эти мысли приходили к нему еще в тот далекий 1804 г., когда ключи от Минералогического кабинета были переданы другу и соратнику, чудесному знатоку камня и минералов академику Севергину. Василий Михайлович Севергин навел такой порядок в кабинете, так умело показывал достоинства его коллекций, как мог делать только ученый, специалист, влюбленный в свое дело.

11 ноября 1818 г. под главенством академика Х. Д. Френа выделяется в Кунсткамере собрание восточных медалей, рукописей и книг под названием Восточного кабинета, который сразу же получил второе, ставшее более распространенным наименование — Азиатский музей. В 1824 г. под надзор ботаника К. А. Триниуса передаются из Натуркамеры все ботанические коллекции и книги по ботанике, которые образуют ботанический отдел, 10 ноября 1825 г. учреждается Египетский кабинет, или Египетский музей, под который специально расписываются египетским орнаментом комнаты в первом этаже восточного крыла Кунсткамеры. Смотрителем Египетского музея стал академик Грефе.

Уже после смерти Озерецковского, с 1831 по 1836 г., решались судьба Кунсткамеры и будущее родившихся в ее недрах научных центров. С запозданием идеи академика Озерецковского воплощались в жизнь. То здание, которое сегодня с Таможенного переуллка и со стороны Менделеевской линии обрамляет белоколонный дворец — главный корпус Академии наук, начало строиться в 1826 г. и было закончено в 1831 г.; в нем предполагалось разместить академическую типографию, но первым туда въехал зоологический отдел — Зоологический музей Кунсткамеры, который с того же 1831 г. возглавил академик Ф. Ф. Брандт. В 1835 г. в этот же корпус, получивший название музейного флигеля, переехал ботанический отдел, а также отдел сравнительной анатомии, вошедший в состав Зоологического музея на правах подотдела. В старом здании оставались отделы (музеи) азиатский, египетский, этнографический и кабинет Петра I.

Окончательное разделение Кунсткамеры или, точнее, выделение из ее недр семи самостоятельных академических учреждений произошло в 1836 г., когда в «Уставе и штатах Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук» были записаны в качестве самостоятельных учреждений: Минералогический музей, Ботанический музей, Зоологический и Зоотомический музей, Азиатский музей, Нумизматический музей, Египетский музей и Этнографический музей. В штатах музеев предусматривались как научные, так и научно-технические сотрудники. Разместившись в двух соседних зданиях, все семь новых музеев в том же 1836 г. открыли свои экспозиции для посетителей.

Вышедшие из недр Кунсткамеры семь новых академических музеев либо положили начало современным академическим институтам нашей страны, либо вошли важной составной частью в музеи, существующие и поныне. Минералогический музей стал основой современного Минералогического музея АН СССР (Москва). Ботанический музей — важная часть музейных собраний Ботанического института АН СССР. На базе Зоологического музея возник Зоологический институт АН СССР и его музей. После передачи вещевых коллекций Азиатского музея Этнографическому на базе оставшихся рукописных и книжных собраний возник Институт востоковедения АН СССР. Коллекции Нумизматического музея вошли в состав соответствующих коллекций Госу-

дарственного Эрмитажа и Этнографического музея. Также между Эрмитажем и Этнографическим музеем были поделены коллекции Египетского музея. Кабинет Петра I — основа современной Петровской галереи Государственного Эрмитажа. На базе Этнографического музея возникли Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого АН СССР и Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

Музей антропологии и этнографии явился наследником не только первых вещевых этнографических коллекций, но и самого здания Кунсткамеры. Среди его коллекций уникальные собрания, присланные в прежнюю Кунсткамеру из дальних русских колоний в Америке посланцем Академии Ильей Гавриловичем Вознесенским. Его собирательская деятельность не только обогатила музей, но и способствовала распространению этнографических знаний в нашей стране, утверждению этнографии как науки во второй половине XIX в.

Жизнь и подвиг Ильи Вознесенского

Отставной унтер-офицер Гаврила Вознесенский находился на иждивении Академии по инвалидности. В его распоряжение была выделена небольшая полутемная каморка в главном здании Академии, где в 1816 г. 19 июля родился сын, названный по желанию матери Ильей. В семье Вознесенских всегда жили впроголодь. Не хватало денег ни на хлеб, ни на одежду. Мать перешивала на мужа и болезненного сына добротные пожитки, платяем господ — смотрителей отделов Кунсткамеры, где в дни свободного допуска публики Гаврила Вознесенский помогал сторожам.

Какие-то гроши появлялись в семье, когда мать Ильи хлопотала по хозяйству в доме самого господина президента графа С. Уварова. Так продолжалось недолго. От постоянного недоедания, надорвав здоровье, жена Гаврилы тихо скончалась поздней осенью 1821 г. Не зная, как жить дальше, отставной унтер-офицер пошел с сыном к надсмотрителю Озерецковскому, рассчитывая на его милость и помощь.

Шуплый, бледный, лобастый пятилетний (!) Илья чем-то приглянулся надсмотрителю, и тот определил его наборным учеником в академическую типографию.

— Пусть там пообвыкнет к азбуке. Быть может, грамоте научится, — заметил Николай Яковлевич Озе-

рецовский отцу, растерявшемуся от столь неожиданно-го решения судьбы сына.

Шесть лет Илья проработал в наборных учениках и проявил редкие способности в овладении грамотой не только русской, но и немецкой (многие издания Академии печатались на немецком языке). Свободное время, которого было очень мало, Илья проводил в зоологическом отделе Кунсткамеры, помогая служителю разбирать коллекции, чистить чучела. У него никогда не было никаких игрушек, но детские годы были детскими годами, и он приходил в зоологический отдел, как приходят в страну сказочного царства, населенную невиданными заморскими птицами и хищниками. Впечатлительный ум схватывал все многообразие природного мира, и Илья мог безошибочно различать его виды и классы.

Может быть, Озерецковский успел до своей кончины сказать графу Уварову об исключительных способностях наборного ученика? Во всяком случае с разрешения президента Академии в 1827 г. Илья Вознесенский был переведен учеником в Зоологический музей к тогдашнему консерватору Кунсткамеры Эдуарду Петровичу Менетрие.

Ни копейки жалованья Илья не получал, но был на довольствии и радовался открывшейся возможности все время пребывать в мире своей сказки. Усердие мальчугана нравилось Менетрие, и он в конце 1829 г. взял его с собой в закавказскую экспедицию.

Почти год Илья взбирался на скалы, влезал в расщелины, собирая травы и различных насекомых. Сам засушивал или консервировал их. Коллекция, собранная в Закавказье, была очень интересна, и академик А. А. Штраух, ознакомившись с ней, отметил умелую предварительную классификацию насекомых, сделанную четырнадцатилетним Ильей.

Пребывание на Кавказе пошло на пользу. Юноша окреп и вырос. Но вскоре случилось несчастье. Отец умер, не оставив никаких сбережений. В мрачной и холодной камерке нельзя было найти и масла для свечей.

У Ильи ничего и никого не было, кроме Академии и ее служителей. Только на их помощь мог рассчитывать сирота.

— Ваше превосходительство!— Эдуард Петрович вторично попытался задержать академика А. Купфера, стремительно шагавшего по коридору музейного флиге-

ля, но все было напрасно. Академик резко махнул рукой и скрылся в кабинете.

Менетрие придержал дверь и без разрешения вошел следом. Купфер резко обернулся.

— В чем дело, господин консерватор? Я занят.

— Ваше превосходительство,— в третий раз начал Эдуард Петрович,— простите мою доuku, но я прошу вашего содействия назначению жалованья Илье Вознесенскому, изрядно поработавшему в экспедиции и оставшемуся сиротой безо всяких средств.

Купфер кивнул и, взяв со стола лист бумаги, протянул его Менетрие.

— Читайте!

Это было за подписью академика А. Купфера представление в Комитет правления Академии наук: «В уважение того, что означенный Илья, Гаврилов сын, Вознесенский служил с усердием и исправностью в течение всего времени и что он старался, сколько от него лично зависит, содействовать успеху нашего предприятия, то я, согласившись предварительно с г. Менетрие, прошу Комитет правления императорской Академии наук наградить означенного Илью Вознесенского назначением ему жалованья, соответственного занимаемой им должности».

Так в конце 1831 г. Илья получил первое в своей жизни жалованье, а в 1834 г. его назначили на место помощника препаратора. Он тогда еще не знал, какой будет его дальнейшая судьба, однако жизнь уже готовила ему испытания.

При выделении семи академических музеев из Кунсткамеры во главе каждого из них в соответствии с уставом был поставлен академик, который выполнял свои обязанности безвозмездно и должен был, отвечая за научную ценность коллекции и не осуществляя самостоятельных перемен в музее, заботиться о пополнении собрания, для чего подавал обоснованные доклады конференции Академии. В 1836 г. во главе Ботанического музея стоял академик Триниус, во главе Зоологического — академик Брандт. Хранитель Зоологического музея Егор Шрадер был одновременно и хранителем Этнографического музея, который до избрания в 1844 г. директором его академика А. М. Шегрена не имел своего руководителя и заботу о котором проявлял по просьбе Егора Шрадера тот же академик Брандт.

Приняв музеи, академики стали разбирать коллек-

ции Кунсткамеры, чтобы распределить их между новыми собраниями. Оказалось, что обильные поступления от различных неакадемических организаций и частных лиц были в значительной степени беспорядочными. По отдельным районам мира имелось много как вещевых, так и зооботанических собраний, причем попадалось несколько экземпляров одних и тех же экспонатов, по другим — либо вообще отсутствовали какие-либо предметы, гербарии, чучела, либо коллекции были неполными.

Как ни удивительно, но такое же положение было и с коллекциями по Америке, поступившими от кругосветных путешествий и Российско-Американской компании.

— Так не должно более продолжаться, — убеждал Федор Федорович Брандт своего друга и соседа по музейному флигелю академика Карла Антоновича Триниуса. — Из Америк, равно как и с наших камчатских и чукотских земель, коллекции следует собирать планово, с умом и наиболее полно. Дары мореплавателей и разных лиц хороши, но пора и Академии подумать о собственном экспедиционном вояже.

Карл Антонович, излишне осторожный в высказываниях, не решался сразу поддержать эту несомненно заманчивую идею и старался найти какие-нибудь возражения.

— Федор Федорович, подобное предприятие и дорого и сложно. Двор после стольких уступок Академии не даст денег, а господин президент не пожелает просить о них.

— Э, Карл Антонович, так говорить негоже. Вы ответствуйте, поелику я прав, будете способствовать моему проекту или нет? О деньгах заботу может уменьшить Российско-Американская компания: их превосходительства господа Врангель и Куприянов довольно благосклонны к деятелям науки российской.

Довод о возможности денежной помощи от компании поколебал возникшие было новые возражения, и Триниус обещал поддержать Брандта перед конференцией Академии.

Российско-Американская компания, созданная в 1799 г. на базе частных предприятий купцов Голикова-Шелехова и Мыльниковых для колонизации Аляски и развития торговли и промыслов на Дальнем Востоке, просуществовала до 1868 г. Ее ликвидировали через год после продажи Аляски США. Она сыграла существен-

ную роль в развитии географии, этнографии и биологических наук. Декабрист Д. И. Завалишин, проведший многие годы в Восточной Сибири и Америке, в 1865 г. писал: «Она (компания) посылает ученые экспедиции, делает описи и на американском, и на азиатском берегах; ее суда совершают открытия на океане; она издает карты, учреждает магнитную обсерваторию, производит геологические исследования, содействует исследованиям и составлению коллекций по естественной истории и пр.».

У руководства Российско-Американской компании стояли выдающиеся общественно-политические деятели, мореплаватели и ученые. Правителем канцелярии компании в Петербурге был до дня выступления на Сенатской площади декабрист К. Ф. Рылеев. Правителем компании был писатель и путешественник К. Т. Хлебников.

Ф. Ф. Брандт в беседе с К. А. Триниусом не зря упомянул имена Ф. П. Врангеля — выдающегося русского исследователя Арктики, адмирала, главного правителя русских владений в Америке в 1829—1835 гг. и И. А. Куприянова — мореплавателя, вице-адмирала, бывшего в 1834—1840 гг. одним из главных правителей компании. От их поддержки, а на нее Федор Федорович мог рассчитывать, зависело успешное осуществление задуманного.

Предложение, с которым выступил 31 мая 1839 г. на заседании конференции Федор Федорович от имени академиков Триниуса, Бонгарда и своего, вызвало разноречивые суждения. Три академика предлагали командировать в русские владения Северо-Западной Америки сотрудника Зоологического или Ботанического музея для специального сбора зоологических и ботанических коллекций.

— Его превосходительство господин академик Бонгард и я, — сказал Брандт, — готовы составить надлежащую программу, каковая позволит иметь в наших музеях в достойном виде флору и фауну самых дальних земель империи.

Возражения были те же, какие приводил Карл Антонович. Видя опасность проекту, в который он уже уверовал, Триниус поднялся с кресла и, опершись на красный бархат круглого стола, что стоял в конференц-зале на третьем этаже башни Кунсткамеры, неожиданно громко произнес:

— Господа, наш прожект более чем продуман. Он не потребует больших затрат, если мы сможем подобрать человека, способного выполнить двойную задачу, и договоримся с Российско-Американской компанией о ее помощи нашему плану. Мы просим дать ход предприятию и представить доклад наш господину президенту.

Карла Антоновича редко слышали эти сводчатые стены зала, и собравшиеся, удивленные его выступлением, решили вновь обсудить предложение академиков вместе с рассмотрением возможной кандидатуры командиремого.

Следующее заседание конференции было назначено на 2 августа. Два месяца Брандт и Триниус готовились к последней «битве» с нерешительными и сомневающимися коллегами по Академии. В эти два месяца, пока Брандт и Бонгард составляли инструкции для собирания зоологических и ботанических коллекций, Триниус многократно появлялся в петербургской канцелярии Российско-Американской компании. В начале июля Карл Антонович вместе с Федором Федоровичем были приняты адмиралом Ф. П. Врангелем.

В середине июля 1839 г. Илья Гаврилович Вознесенский собирался переехать из академической каморки в небольшую квартиру, подысканную на 4-й линии, вблизи дома казенных академических квартир. Он рассчитывал встретить там свой день рождения, свои двадцать три года.

Нажитого у Ильи было мало, вещей почти никаких; были книги да несколько чучел орлов, так что переезд должен был быть несложным. Но несложный переезд пришлось отложить на целое десятилетие. 17 июля Брандт прислал за Вознесенским.

В кабинете академика находились Триниус, Бонгард и директор императорского Ботанического сада Ф. Б. Фишер. Илья Гаврилович был смущен.

Федор Федорович Брандт понимал состояние молодого человека и, ласково похлопав его по плечу, спросил:

— Не наскучили ли вам унылые занятия консервацией и прибором чучел и препаратов? Нет ли у вас желания вновь совершить какой-нибудь дальний вояж?

Илья не успел ответить, как Бонгард в свою очередь спросил о его самочувствии, о здоровье.

Не привыкший к ухищрениям, Вознесенский прямодушно ответил:

— Ваши превосходительства, мои занятия доставляют мне истинную радость и цель жизни. Я не мыслю своего существования без них, без академического музея. Я всю жизнь прожил среди этих чучел и препаратов. Я многому научился у господ консерваторов. Мне было бы любопытно посмотреть другие земли, но только ради сбора новых неизвестных произведений естественной природы. Я теперь совсем здоров. Прежняя хворь давно отпустила меня. Простите за назойливость, но какова цель ваших вопросов или сомнений?

Карл Антонович, как самый старший по возрасту, взял на себя заботу рассказать о проекте академиков. Вознесенский долго не мог уснуть в ту ночь. То что выбор пал на него, то что ему академики доверяют собрать согласно подготовленным инструкциям-программам зоологические и ботанические коллекции, было воистину подарком судьбы. Илья не сомневался, что справится с заданием,— вот только бы согласилась с его кандидатурой конференция Академии. Ни о каком переезде на новую квартиру помощник препаратора уже и не думал, он ждал 2 августа.

Когда Федор Федорович Брандт вошел в конференц-зал, он с удивлением увидел в кресле, что стояло напротив ниши с восковой фигурой Петра I, самого президента графа Уварова. Президент обычно не посещал конференцию, ему доставляли ее решения, и он уже либо давал им ход, либо отвергал их. «Может быть, это и к лучшему,— подумал Брандт,— кстати пришел Фердинанд Петрович Врангель. Может быть, все к лучшему. Все сразу и решится». Не было в зале только неожиданно заболевшего Бонгарда.

Конференция вернулась к обсуждению записки о командировании академического служащего в русские владения Северо-Западной Америки. Слово взял Брандт.

— Как желала конференция, мы предлагаем для командирования кандидатуру помощника препаратора Ильи Вознесенского, который своими знаниями в области зоологии и ботаники и умением готовить препараты вполне подходит для сей цели. Мы не сомневаемся, что трехлетнее пребывание Вознесенского в колониях будет вполне достаточно для снабжения музеев большим количеством экземпляров разных видов животных и растений, наиболее примечательных в исследуемых землях. Я прошу господина президента и господ академиков поддержать нашу просьбу и нашу кандидатуру.

Когда речь вновь зашла о средствах, адмирал Врангель попросил внимания:

— Я хотел бы сообщить почтенному собранию, что Главное управление Российско-Американской компании предоставит Вознесенскому безвозмездное пользование судами компании во все время командировки как для переездов, так и для пересылки материалов в Санкт-Петербург. Компания даст распоряжение своим служащим оказывать любого рода вспомоществование командируемому Академией.

Заявление Врангеля покончило со всеми сомнениями, вопрос о поездке был решен, кандидатура Вознесенского одобрена, так же как и дополнительная к двум первым третья инструкция хранителя Е. И. Шрадера по сбору этнографических коллекций.

Снабженный тремя инструкциями, добрыми напутствиями пославших его, Илья Гаврилович Вознесенский 20 августа 1839 г. с тревогой, надеждой и уверенностью в себе взошел на палубу компанейского корабля «Николай», чтобы отправиться к далеким берегам Америки. В Санкт-Петербурге Вознесенский оставлял любимые музейные залы, привычное дело, заботливого Федора Федоровича Брандта, которому обещал писать регулярно, но не оставалось на берегах Невы никого из друзей, никого из близких людей. Не мог ведь он, самоучка, выходец из низов, считать своими друзьями господ академиков, хотя они были и добрыми и внимательными к нему. Корабль давно уже скользил по глади залива, и строгий чопорный столичный град пропал в серой дымке дождя.

На корабле у Ильи Гавриловича была прекрасная каюта и место в офицерской кают-компании. Видимо, здесь сословные различия не играли важной роли, к тому же Вознесенский по своему положению академического командированного был причислен к видным служащим компании. Вспомнился пункт из инструкции Брандта: «Илья Вознесенский находится непосредственно под начальством губернатора колоний Этолина, от которого по соглашению с компанией будет получать как жалованье, так и деньги на покупку потребных ему для работы материалов и естественных произведений».

Путешествие начиналось отлично. Компания проявляла заботу почти отеческую, все остальное зависело от самого исследователя. Впервые Вознесенскому придется

на Американском континенте встречаться с новыми и новыми людьми.

Дела, похожие на труд титана. Вдумайтесь! Одному человеку двадцати трех лет от роду Академия наук официально поручала собрать коллекции по крайней мере по трем отраслям знаний — зоологии, ботанике и этнографии и по возможности присовокупить сбор горных пород — камней и минералов!

Кунсткамера разделилась на самостоятельные музеи, а задание Вознесенскому было по существу заданием кунсткамерским. Один человек воплощал комплексную экспедицию, какие осуществляла до и после него Россия, и только молодостью лет можно было объяснить его уверенность выполнить намеченное.

Год от Вознесенского не было письма. Бонгард скончался, так и не узнав о ходе работы над выполнением задуманного. Нередко на заседаниях академической конференции Брандта спрашивали о деятельности его подопечного, но он ничего не мог сообщить.

Первое письмо, которое пришло почти через год, было от 26 мая 1840 г. Вознесенский написал его в городе Ново-Архангельске на острове Ситха (теперь остров Баранова) в доме главного правителя русской Америки И. А. Куприянова. Первое письмо обстоятельно сообщало о многомесячном плавании «Николая», о длительной стоянке в чилийской гавани Вальпараисо, когда были собраны первые коллекции из трех царств природы, и, наконец, о прибытии 1 мая в Ново-Архангельск. Большая часть письма посвящена И. А. Куприянову, который радушно принял посланца Академии, поселил в своем доме, определил к нему в помощники молодых креолов, чтобы они учились сбору коллекций и препарированию животных.

С 1 мая 1840 г. начиналась североамериканская одиссея Ильи Гавриловича Вознесенского, о масштабах и грандиозных итогах которой еще никто не подозревал.

В доме Куприянова Вознесенский пробыл больше двух месяцев. За это время он не успел совершить длительных поездок на материк, но получил редкую возможность внимательно ознакомиться с большой коллекцией зоологических и этнографических предметов, собранных Куприяновым за пять лет в различных частях Северной Америки. «Эту коллекцию,— писал Вознесенский в общем отчете,— я по просьбе его превосходитель-

ства пересмотрел в Ново-Архангельске, привел в порядок, составил каталоги и уложил. Наглядное занятие это было для меня весьма полезно, ибо я на будущее время знакомился с предметами».

Письмо успокоило Федора Федоровича, но сомнения в успехе еще оставались. Второе письмо, посланное 15 ноября 1840 г. из Сан-Франциско, пришло в Петербург только в начале 1841 г. Получив его, академик Брандт радостно воскликнул: «Свершилось!..»

...Первые дни сентября 1841 г., когда над океаном серые облака все чаще сбивались в огромные темные тучи и волны с глухим рокотом накатывались на отлогую песчаную кромку крутого берега, Илья Гаврилович подолгу задерживался на небольшой возвышенности, чтобы навсегда запечатлеть в памяти облик российского селения Росс, возникшего три десятилетия назад на калифорнийском берегу. У самого края берега, заросшего кустарником и редкими высокими кедром, приютилась деревянная церковь, снаружи обмазанная глиной и побеленная; рядом с ней — колокольня, чуть дальше — деревянная башня-маяк и в глубь берега — одноэтажные рубленые из сосновых и кедровых стволов избы русских поселенцев, амбары и склады компании. В виду селения на рейде пятый день стоял бриг «Елена» под командованием Л. А. Загоскина. Ему выпала тяжелая участь перевезти все население Росса в Ново-Архангельск. Россия не смогла сохранить свою колонию на калифорнийском побережье и вынуждена была покинуть этот берег, освоенный русскими поселенцами.

Илья Гаврилович смотрел на вымершее селение. Темнело. Нигде не горели светильники, кроме одного окна в доме теперь уже бывшего губернатора колонии Росс Александра Гавриловича Ротчева. Он, как капитан корабля, не устоявшего под натиском стихии, покинет селение последним. Илья Гаврилович долго смотрел на мерцающий огонек в его окне и медленно спустился в долину к ранчо Василия Хлебникова, где ночевал последние дни. В селении от безлюдья жутко, а каким оно было жизнерадостным и буйным всего год назад!

В Калифорнию из Ново-Архангельска Вознесенский выехал на бриге «Елена» 7 июля 1840 г. Через тринна-

дцать дней бриг прибыл в залив Бодего, а 1 августа посланец Академии переехал в колонию Росс в гостеприимный дом губернатора Ротчева. От первого дня до последнего Вознесенский не знал никаких хозяйственных забот, ему была оказана всяческая помощь и людьми и средствами со стороны хозяина. О таких условиях для работы можно было только мечтать. Вознесенский начал сбор обильной жатвы по всем видам программ и поручений. Он составлял гербарии, приобретал этнографические предметы.

Прошло совсем немного времени, и на корабле «Николай», который уходил из Ситхи в Россию, было отправлено в адрес музеев Академии 13 ящиков и два бочонка. С 23 октября 1840 г. по 20 февраля 1841 г. коллекции ежедневно обогащались новыми приобретениями. За четыре месяца Илья Гаврилович обследовал окрестности колонии Росс и побывал в горах, где среди исполинских сосен и величественных кедров обитали небольшие группы индейцев. В первые месяцы встречи с ними были редкими, но и тогда удалось приобрести интересные предметы их быта и украшения.

Обо всем этом Вознесенский успел написать в письме от 15 ноября 1840 г. Брандту и от 16 февраля 1841 г. Шрадеру. Две посылки — сухопутная из Охотска с экспонатами, собранными еще по дороге в Ситху в Бразилии и Чили, и дарами самого Куприянова музеям и морская — были уже отправлены в Петербург.

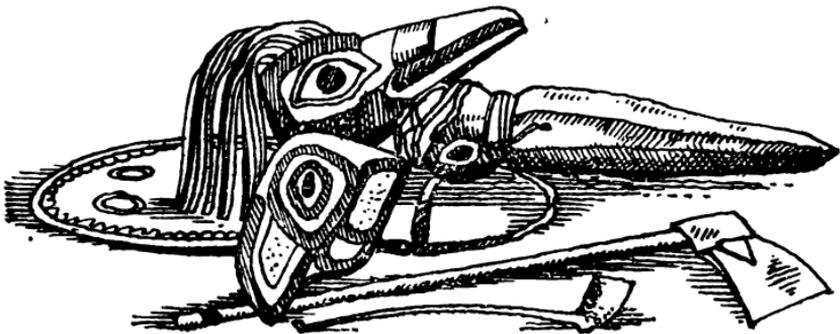
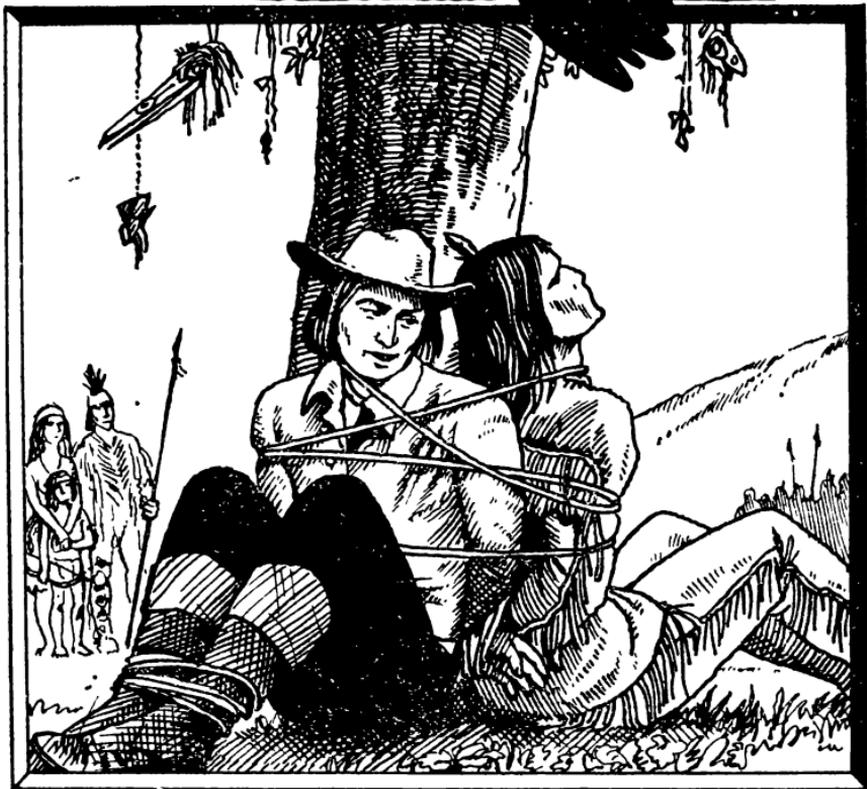
Спускаясь к ранчо Хлебникова по еле приметной в ночном сумраке тропинке, Вознесенский вновь переживал дни, проведенные в селении Росс. Он вспомнил письмо к Шрадеру: «После отправления всех собранных мною предметов по части этнографии, которые следуют на кругосветном корабле «Николай» из Росса, — с того дня и до сего времени я не имел благоприятного случая делать мену с индейцами. Ныне же, предпринимая путь на несколько миль вовнутрь Калифорнии, я надеюсь там, по уверению туземцев, найти некоторые жилища племен индейцев, кочующих по р. Рио-дель-Сакраменто. При мирных обстоятельствах я буду стараться приобретать всевозможные вещи от жителей сей страны». При мирных обстоятельствах... Когда Илья Гаврилович писал эту фразу, он даже не предполагал, что ждет его в долине Сакраменто.

Из Сан-Франциско по реке Сакраменто в сопровождении своего помощника креола Филарета Дружинина,

приставленного к нему еще Куприяновым, и двух местных жителей-россиян Вознесенский отплыл на лодке 20 февраля. Поездка в долину Сакраменто длилась тридцать один день. Исследователь достигал гряды трехвершинных гор, ночевал на золотоносных берегах притоков Сакраменто, встречался с лесными индейцами и чуть было навсегда не остался в тех девственных дебрях...

Тропинка в темноте совсем исчезла, и только вырвавшийся из-за туч лунный свет разом озарил округу — океанский простор, очертания строений Росса, долину Хлебникова и лежащий рядом с тропинкой погост. Кресты над могилами православных россиян и крещеных креолов, индейцев, идолы над оставшимися язычниками. Вознесенский вздрогнул, когда прямо над собой увидел большой крест, раскинувший в темноте переключины-руки. К этой могиле он хотел прийти завтра, 5 сентября, покидая землю колонии Росс. Вместе с Филаретом они соорудили из плавника подобие креста и водрузили над могилой Аши — неожиданного помощника и спасителя во время трагической встречи в долине Сакраменто.

В последнюю поездку к лесной поляне, где были замечены костры индейцев, Вознесенский отправился вдвоем с Филаретом. Они пристали к берегу поздно вечером. На поляне никого не было видно. Выбрав удобное место, они соорудили навес и устроились на ночлег. Заснули быстро. Проснулись от гортанного крика людей, шума на поляне и ярких факелов. Им связали руки и ноги. В отблеске факелов мелькали мрачные лица лесных индейцев, потрясавших над ними каменными копьями и топорами. Невозможно было понять, что случилось, но можно было быть уверенным в трагическом исходе для них. Илья Гаврилович попытался приподняться и громко выкрикнул те несколько индейских слов, которые знал. Стоял такой шум, что его никто не слышал. Страх не было, было ощущение какой-то нелепости. Никто из индейцев не нападает на спящего, если спящий не враг. Ни у Ильи Гавриловича, ни у Филарета не было еще встреч с этим лесным племенем. В чем дело? Филарет попытался крикнуть по-алеутски, по-глинцитски, на языке атапасков — индейцев внутренних районов.

Шум немного стих, и из рядов воинов, совершавших явно торжественный обряд перед жертвой, отделился один и, высоко подняв факел, пристально посмотрел на пленных. Резким взмахом топора он рассек веревку на ногах и поднял Вознесенского. Руки так и остались связанными. Воин что-то быстро-быстро говорил и беспрестанно показывал факелом вверх на дерево, под которым путешественники устроились на ночлег. Каждый раз, когда воин вскидывал факел, собравшиеся на поляне издавали грозное рычание. Что-то им хотелось объяснить, но Вознесенский не понимал чужого языка и, только посмотрев вверх, увидел в свете факела, что их навес устроен под необычным деревом. Это был столб, где вместо ветвей были деревянные изображения огромных воронов. Не иначе как приезжие осквернили святилище, и по законам племени их ждала смерть. Объяснить что-нибудь было невозможно.

Воин вновь высоко поднял факел и бросил его в сторону на кучу хвороста. Запылал костер, его тут же окружили индейцы двумя рядами и запели какую-то печальную торжественную песню. В хор и хоровод включились все, и казалось, о пленниках забыли. Филарет пытался освободиться от пут, напрягал усилия и Илья Гаврилович, тем более что их ружья и патронташи остались нетронутыми. Но освободиться не удалось и оставалось ждать своей участи. Песня летела к небу, и пляска становилась все быстрее и быстрее, а пламя костра взлетало к вершинам сосен и ярко озаряло священный столб.

Легкий плеск весла слышался с реки. Зашелестела трава, и из темноты выглянуло знакомое лицо местного креола Аши, восемнадцатилетнего юноши, которого Вознесенский раза три или четыре встречал вместе с Филаретом во дворе дома Ротчева.

— Тсс! Я выйду вороном, я спасу! — успел шепнуть Аши.

Но смысл его слов не был понятным.

Танец затихал, а песня гремела над поляной. Вдруг кольцо разорвалось и двое воинов бросились к навесу. «Сейчас все будет кончено», — подумал Илья Гаврилович, но индейцы схватили их одеяла, патронташи и ружья и понесли к костру. Они крикнули и бросили все имущество в костер. «Что-то будет сейчас», — подумал Вознесенский, но многоголосый крик заставил его резко повернуться к костру.

Танцевавшие застыли в ужасе, кое-кто упал на землю ниц. От леса к костру приближалось странное существо. Огромное, черное, оно шло прямо, как ходит человек, но там, где должны быть голова, руки, ноги, тело,— там всюду были перья ворона. На поляну вышел сам хозяин — дух Ворона и медленно приближался к перепуганным индейцам, считавшимся детьми Ворона. Дух Ворона подошел к костру совсем близко, когда в огне начали рваться патроны. Ужас охватил всех, и индейцы бросились с криками в чащу леса, а из костра вылетали все новые и новые выстрелы. Через мгновение никого не осталось на поляне. Дух Ворона подошел к пленникам и разрубил их путы. Филарет с ужасом отпрянул от чудовища, а Вознесенский радостно схватил за воронью руку спасителя:

— Аши!

— Да, господин, это я, Аши — дух Ворона!

Сильный взрыв прозвучал от костра, и Аши неожиданно повалился на руки Ильи Гавриловича. В огне разорвалось заряженное картечью ружье Вознесенского.

Спасти Аши не удалось: рана оказалась очень серьезной. Он потерял много крови, и, когда путешественники прибыли в колонию Росс, он прожил только сутки. Аши остался в земле под этим огромным крестом, а среди всех коллекций самой редкой стала кукушуй — парка из вороньих перьев, употребляемая во время торжественных обрядов. Долго не укладывал ее в ящик Ильи Гаврилович, готовя очередную посылку в Академию.

В ночь на 5 сентября 1841 г. Илья Вознесенский стоял над могилой Аши. Давно свезены на корабль упакованные, препарированные предметы животного и растительного царства, костюмы и оружие из русских владений в Калифорнии. Когда утром 5 сентября Вознесенский с Филаретом поднялись на борт «Елены», к брига причалила последняя лодка с Ротчевым — комендантом бывшей колонии Росс. Он молча поднялся на палубу, сняв фуражку, долго смотрел на покинутое селение, пока, выбрав якоря, бриг уходил в открытый океан, взяв курс на Ново-Архангельск. Вряд ли мог последний правитель колонии Росс предвидеть будущее этого края, где через семь лет колонизаторы уничтожат коренное индейское население, с которым россияне всегда старались жить и жили в дружбе и мире.

...Свершилось!— воскликнул Федор Федорович Брандт и с письмом Вознесенского поспешил к Триниусу, где его ждал не меньший сюрприз. В Музейный флигель прибыли первые две посылки от Вознесенского. Богатейшие собрания стали поступать регулярно. Теперь конференция настаивала на подробном освещении деятельности Ильи Гавриловича. Четыре музея — Зоологический, Ботанический, Минералогический и Этнографический — каждый раз с нетерпением ожидали новых поступлений с Американского континента.

А Вознесенский, покинув колонию Росс, в начале 1842 г. вновь отправился на компанейском судне в Калифорнию, но теперь уже в ее южную часть. С лета 1842 по весну 1845 г. Вознесенский снова на севере, где проводил исследования и сбор материалов на острове Кадьяк и в Кенайском заливе, делал зарисовки и приобретал различные предметы у алеутов, тлинкитов и атапасков. По его настоянию многие деятели компании, в том числе и главный правитель российских колоний в Америке А. К. Этолин, помогали приобретать коллекции для Академии, посылали ей в дар свои собственные собрания.

В 1843 г. конференция, учитывая, что Вознесенский добился поразительных результатов, продлила срок пребывания его в командировке, дабы дать возможность ему посетить Камчатку и Курильские острова. Затем этот срок продлевался еще дважды. С 16 мая 1845 г. по 30 сентября 1848 г. Илья Гаврилович Вознесенский ведет работу в крайних северо-восточных районах России, и отовсюду через Петропавловский порт морем, через Охотск сушей в музеи Академии идут посылки с зоологическими, ботаническими, этнографическими и минералогическими коллекциями.

Для конференции стало уже привычным слушать отчеты академика Брандта о новых научных делах и подвигах Вознесенского. Вот почему заявление Федора Федоровича 9 июня 1848 г. на заседании конференции о том, что более года от Вознесенского нет известий, всех серьезно встревожило. Некоторые поговаривали о необходимости начать розыски, другие же даже вели речь о некрологе. Решили повременить. 11 августа Брандт сообщил, что получено письмо от 17 ноября 1847 г. и исследователь думает в 1848 г. вернуться в Санкт-Петербург.

Между прочим, в письме не было ни слова о том, что, отнеав свое тридцатилетие на берегу Охотского моря, Илья Гаврилович стал чувствовать недомогание, постоянную боль в груди — следствие длительных простуд, вынужденного купания в холодном океане, когда его спасли алеуты, огромного перенапряжения физического и нервного.

В личном письме Брандту от 12 июля 1848 г. Илья Гаврилович сообщает, что врачи, боясь за состояние его здоровья, не рекомендуют возвращаться в Петербург через Охотск и далее сухим путем, так как поврежденные легкие могут не выдержать нездорового климата и длительной езды на лошадях. Оставался один путь — перебраться на остров Ситху и, воспользовавшись кораблем компании, вернуться на родину.

30 сентября 1848 г. Илья Гаврилович Вознесенский на корабле «Атха» покинул Ситху и, совершив кругосветное путешествие, 22 июля 1849 г. прибыл в Кронштадт.

Десять лет Илья Гаврилович Вознесенский не был на родине. Из них девять он выполнял задания Академии по сбору «естественных и искусственных произведений» природы и людей в Северо-Западной Америке, на Камчатке, Курилах и прилегающих районах крайнего северо-востока России.

Благодаря его упорству и старанию музеи Академии обогатились редкими собраниями, которые и по сей день служат науке. Им было собрано и доставлено в Зоологический музей около 6 тысяч экспонатов, в Ботанический — свыше 7 тысяч, Минералогический — почти тысяча, Этнографический — свыше тысячи.

Все коллекции были превосходно препарированы, законсервированы и упакованы, что позволило современникам считать их лучшими собраниями музеев.

Заслуги Ильи Гавриловича Вознесенского были несомненны, и Академия решила хлопотать о награждении исследователя. В 1851 г. в представлении Академии было записано: «Конференция Академии наук свидетельствует, что многотрудное поручение последней экспедиции исполнил Вознесенский с самоотверженностью и совершенным успехом.

Ученые плоды этой замечательной экспедиции богатством, разнообразием и важностью превзошли все ожидания Академии. Собранные им предметы из трех царств природы и по части этнографии заключались в

150 ящиках, доставивших богатейший материал нашим ученым естествоиспытателям. Множество новых видов животных и растений уже описано, число их дойдет до 400 и более...

...Сверх этого он обучал искусству препарирования многих лиц, проживающих в тех краях, которые продолжают ныне, по его наставлениям, собирать для Академии естественные произведения.

Столь редкий пример самобытного дарования и добросовестного исполнения обязанностей и столь вещественная польза, принесенная десятилетним путешествием Вознесенского, подвергавшего жизнь свою из любви к науке непрерывной опасности и расстроившего свое здоровье, вынуждает... представить о заслугах его Академии на начальническое внимание...»

Вознесенский вернулся в Петербург, когда с должности консерватора ушел Шрадер. Казалось бы, за долголетнюю, плодотворную работу и большие заслуги Академии следовало бы не только просить орден, но и назначить Вознесенского консерватором. Но это простое дело в царской России оказалось невозможным. Человек, совершивший научный подвиг, сделавший то, что под силу было целой экспедиции, не мог занять место консерватора, так как он принадлежал к низшим социальным кругам. Академик А. А. Штраух, который в 80-х годах был директором Зоологического музея и который высоко ценил заслуги Вознесенского, писал, полностью соглашаясь с такими порядками, что Илье Гавриловичу «ни происхождение, ни воспитание не давали права занять классной должности...»

Горькая участь людей, трудом и жизнью своей возмечивавших и прославлявших русскую науку, отечество, в котором они оставались пасынками!

Только настойчивые усилия Ф. Ф. Брандта и других академиков позволили добиться по «высочайшей милости» разрешения в 1852 г. зачислить И. Г. Вознесенского на действительную службу с производством в чин губернского секретаря.

Несоизмеримы были награды и «титулы» в сравнении с содеянным.

Получив действительную службу, переселившись наконец из академической каморки в небольшую квартиру, облюбованную еще накануне экспедиции, Илья Гаврилович в 1858 г. женился, но уже через три года овдовел, оставшись вдвоем с малолетней Надеждой.

Житейские невзгоды подтачивали здоровье. Не хватало средств на обучение дочери, на врачей и лекарства. В ночь с 17 на 18 мая 1871 г., успев до болезни дать нужные советы по сбору коллекций Николаю Николаевичу Миклухо-Маклаю, отправлявшемуся к островам Тихого океана, Илья Гаврилович скончался.

Из жизни ушел человек, таланту и полувековому труду которого четыре музея бывшей Кунсткамеры обязаны ценнейшими коллекциями, упрочившими авторитет русской науки. Этот человек ничего не сумел накопить лично для себя, оставив дочь без всяких средств к существованию. Судьба ее осталась неизвестной. Умер академик Брандт, последний из тех, кто благословлял Илью Гавриловича на подвижничество и подвиг. Вскоре после смерти Вознесенского забылись его дела.

Спустя много десятилетий, в годы Советской власти, благодарные потомки восстановили справедливость, воздали должное человеку, чей титанический труд в свое время превзошел «все ожидания Академии» и в нашем сегодняшнем бытии поражает грандиозностью содеянного. В бывшей Кунсткамере был выделен зал коллекций И. Г. Вознесенского. Советские этнографы посвятили ему специальный труд по этнографии Америки, на страницах научных изданий появились извлеченные из архивов его рукописи и рисунки.

Уже после смерти Ильи Гавриловича завершал на Новой Гвинее свои изыскания Николай Николаевич Миклухо-Маклай, результаты их означали триумф русской этнографии, утверждавшей передовые идеи в мировой этнографической науке.

А этнография как наука в XIX в. уже была представлена в России Этнографическим музеем Кунсткамеры и с 1845 г. — этнографическим отделением Российского географического общества.

В 1839 г. создается этнологическое общество во Франции, такие же общества возникают в Нью-Йорке (1842) и Лондоне (1843).

В конце XIX в. в Оксфорде организуется кафедра антропологии, профессором которой становится основатель эволюционной школы в этнографии Эдвард Тэйлор.

Конечно, Илья Гаврилович Вознесенский и Николай Николаевич Миклухо-Маклай были не единственными

представителями русской науки, внесшими вклад в этнографию. В XVIII, XIX и начале XX в. прославились путешественники и ученые С. П. Крашенинников и П. С. Паллас, В. В. Юнкер и Н. М. Пржевальский, П. П. Семенов-Тяньшанский и В. В. Радлов, П. К. Козлов и М. М. Ковалевский, В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг, В. К. Арсеньев и многие, многие другие.

Конечно, не только Россия трудом своих сыновей вносила вклад в познание других народов, зарубежная Европа и Америка могли гордиться такими исследователями, как Э. Тэйлор и Д. Ф. Мак-Леннан, А. Бастиан и Дж. Фрэзер, такими путешественниками — первооткрывателями для Европы народов Черного континента, как Д. Ливингстон, Мунго Парк, А. Г. Лэнг, Х. Клапerton и особенно Рене Кайе. Деятельность последних в самом сердце Африканского континента нередко предшествовала последующей колонизации народов алчным капиталом, но, как справедливо пишут о них советские ученые-африканисты Ю. Н. Зотова и Л. Е. Куббель, «трагедия этих исследователей заключалась не только в том, что почти все они погибли во время путешествия от невзгод и болезней, но и в том, что большинство этих людей были искренне уверены в благородных целях своих экспедиций, считали себя носителями более высокой культуры, к которой надо приобщить «невежественных» африканцев. Они не были расистами, и многие из них открыто выступали против рабства и европейской работорговли».

Путешественники, гуманисты, ученые разных стран обогатили мир своими открытиями жизни, культуры, истории других народов, и велика в этом была заслуга россиян, деятелей русской науки.

Со второй половины XIX в. в Западной Европе и в России этнография становится самостоятельной отраслью знаний, наукой о всем культурном разнообразии населения Земли.

глава 4

СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Во время второго кругосветного путешествия Джеймса Кука на борту его корабля находились двое Форстеров: отец — Иоганн (1729—1798) и сын — Георг (1754—1794), немецкие натуралисты, собравшие обильный материал и выдвинувшие теорию о трех стадиях развития всего человечества: «детство, или дикое состояние», «юношество, или варварское состояние», и «зрелость, или благонравное состояние». Народы, известные к тому времени, Форстеры распределили по трем ступеням, но они не могли сказать, как и почему происходило такое развитие, почему одни народы задержались на эволюционном пути, другие ушли вперед.

Среди авторов, переживших XVIII в. и пришедших к некоторым прозорливым заключениям, важное место принадлежит шотландскому юристу Адаму Фергюссону (1724—1816). В книге «Опыт истории гражданского общества» он разделил историю человечества на три периода — дикости, варварства и цивилизации. Первые два похожи на форстерское деление, но Фергюссон, современник Великой французской революции, отметил, что грань между дикостью и варварством обозначена введением частной собственности, явившейся результатом

перехода людей от основного вида деятельности — охоты и рыбной ловли к земледелию и скотоводству.

Вся эпоха древнекаменного века — это эпоха господства хозяйственно-культурного типа, связанного с охотой и рыболовством, с собирательством дикорастущих съедобных кореньев, плодов, трав, насекомых. Такой хозяйственно-культурный тип очень часто называют «присваивающим». Человек не создает, не производит продукты растительного и животного мира, а просто берет произведенное природой. И все-таки это определение вряд ли справедливо, так как наши далекие предки создавали орудия труда, чтобы добыть готовый природный продукт, и в этом была выражена их разумная деятельность.

Однако термин «присваивающий тип хозяйства» живет в науке, и мы не будем забывать о нем, как отражающем лишь одну сторону деятельности древних людей. Будем помнить о самом главном, что именно этот хозяйственно-культурный тип, который существовал почти два миллиона лет, дал нашим предкам возможность накопить опыт, необходимый для перехода к земледелию и одомашнению животных. Возникновение земледелия было итогом наблюдений над ростом и созревaniem съедобных растений, опытом, который накопили собиратели, а животноводство начиналось с сохранения детенышей убитого животного, оставлением их в загоне у жилища охотника.

В справедливости такой догадки убеждают материалы этнографии культурно отсталых народов, в частности австралийцев. Первые европейцы, побывавшие на землях австралийских аборигенов, видели, как женщины закапывали в землю «на хранение» собранные клубни дикого ямса. Стоило бы подождать дни и месяцы, и закопанный «на хранение» клубень дал бы урожай, но жизнь австралийца не давала времени для такого ожидания. Вот почему в этнографии существует крылатое выражение «австралийцы стояли накануне земледелия». Важного «чуть-чуть» им не хватило, чтобы совершить такой же гигантский шаг, который совершили народы Евразийского, Африканского и Американского континентов.

Мыслители XVIII в. по-разному пытались оценить значение добытого этнографического материала о народах мира и прошлом человечества. Замечательные философы Руссо и Дидро идеализировали древность,

представляя ее как счастливую пору детства человечества. Монтескье выводил зависимость нравов и обычаев людей от географической среды обитания, Вольтер и Кондорсе рассматривали внеевропейские народы как представителей ранней стадии прогрессивного развития человечества.

В XVIII в., обогащенном знаниями всех прошлых эпох, на основе только этнографического материала были сделаны выводы о первобытном обществе как обществе, не знавшем частной собственности, как о равноправной общине без аппарата принуждения — государства, как обществе, являющемся определенной стадией в прогрессивном развитии всех исторических народов, и т. п.

Многие выводы о прошлом были удачным предвидением, но пока не истиной. Данные этнографии еще не были связаны с данными археологии и антропологии, которые только-только формировались как научные дисциплины. Им суждено было проявить себя в XIX в., когда буржуазия и ее апологеты обрушились на выводы ученых XVIII в., особенно на положения о преходящем характере частной собственности и государства. После Великой французской революции буржуазия, отбросив прогрессивные идеи, пыталась доказать неизбежность и извечность тех институтов, которые составляли основу ее существования, — частной собственности, моногамной семьи, государства, религии. Однако начавшееся узнавание и познание мира нельзя было остановить.

В копилку этнографических знаний прошлые века и тысячелетия к XIX в. принесли много драгоценных сведений, которые суждено было дополнить в невиданных прежде масштабах новому столетию. Новое столетие продолжало начатое предками освоение Земли, осмысление жизни на ней.

Эпоха великих географических открытий породила интерес и начатки знаний о многоликой Земле, о пути, пройденном миром от первобытности до цивилизации. XIX и XX вв. значительно обогатили фактами науку о прошлом человечества, его культуре, его социальных институтах.

Каждое такое открытие, если оно толковалось объективно, буржуазия встречала в штыки, сознательно извращала факты о миллионолетней истории доклассовой эпохи.

Тысячу раз справедливо замечание, что вся писанная история есть история классово-борьбы, но столько же раз справедливо и то, что на уровне современной науки жизнь человечества измеряется уже более чем миллионом лет, тогда как письменная история насчитывает всего пять тысячелетий. Пять тысячелетий — мгновение, прожитое человечеством, заполненное классовыми битвами, взлетом и падением цивилизаций, периодами рабства, феодализма, капитализма и начавшейся новой эпохи — социализма, первой фазы эры коммунизма.

Отнимем пять тысяч лет от прожитого человечеством, и мы получим практическую бесконечность его предшествующей эры — эры доклассовой. Столь же бесконечно будущее — бесклассовая организация содружества людей Земли.

Если частная собственность, классово-антагонистическое государство, моногамная семья, религия, как утверждают идеологи буржуазии, есть вечные институты, то создание коммунистического общества невозможно. Но если человечество создало эти институты в определенную и крайне незначительную по масштабам времени социально-экономическую эпоху, то коммунизм — историческая неизбежность, наступление его ничто и никто не может остановить.

Если путь к коммунизму сравнить с устремлением в бескрайние просторы Вселенной, то вся прошлая история, и особенно ее ранний бесконечно длительный период, была стартовой площадкой человечества. В тот период закладывались основы цивилизации и в тот период, учитывая низкий уровень производства и культуры, социальные структуры отражали неосознанные еще, но естественные потребности людей и их коллективов. Социальные институты коммунизма — бесклассовой эры — будут высшей формой осознанной воли содружества людей.

И сегодня миру капитализма для дискредитации коммунизма, для того, чтобы объявить бессмысленной борьбу против якобы извечно свойственных человеку индивидуализма, стремления к стяжательству, противопоставления коллективу, агрессивности по отношению к слабым сородичам ничего другого не остается, как надругаться над фактами прошлого, фальсифицировать их. В установлении правды и истины велика роль этнографии.

Этнография со своими данными, обобщениями огромного количества фактов выходит на передовую линию в современной идеологической борьбе, и нередко представители ее из мира капитализма, будучи честными исследователями, оказываются в одном лагере с марксистскими учеными.

Марксизм-ленинизм вобрал достижения мыслителей прошлого и настоящего. Фундамент марксистско-ленинского мировоззрения был заложен ходом прогрессивного развития человеческой мысли. Вот почему в оценке прошлой истории коммунисты опираются на труды и изыскания античных и средневековых исследователей и философов, деятелей науки близких к нам столетий и нашего века, наших дней.

Великий поэт и философ Древнего Рима Лукреций Кар в поэме «О природе вещей» дал удивительную картину прошлой доклассовой истории, гениально предугадал, что первобытное общество не знало частной собственности. Великий французский философ Жан-Жак Руссо предположил, что первобытные люди жили общинами, не зная частной собственности, основывающими свое благо на содружестве равноправных индивидуумов. Это только небольшая толика верных предположений, прозорливых гипотез, подкрепленных случайными фактами.

Наука о доклассовом обществе стала на прочную основу факта в 1877 г.— после выхода в свет труда замечательного американского ученого Моргана «Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации». Юрист по образованию, Льюис Морган (1818—1881) провел два десятилетия среди ирокезов, был усыновлен ирокезским племенем, получил редкую возможность оценить на уровне знаний своей эпохи экономику и социальную структуру общества, только начавшего выходить из доклассовой стадии. Его труд показал выдающееся значение этой стадии для истории человечества. Морган так писал в заключение своего исследования: «Мы имеем все основания не забывать, что нашими современными условиями жизни с ее многочисленными средствами безопасности и благосостояния мы обязаны борьбе, страданиям, героическим усилиям и упорному труду наших варварских и еще более отдаленных диких предков».

Это была не прекраснодушная фраза, ностальгия по

утраченному «безмятежному детству» человечества, это был научно обоснованный вывод о роли древнего общества, который принципиально расходился в фактах и их объективной оценке с официальной апологетикой капитализма.

Почти сто лет Моргана замалчивали на его родине, в странах капитала Старого Света и в конце концов в наш век объявили этого деятеля, далекого от политической борьбы пролетариата, коммунистом. Вот те полные оптимизма и научной мудрости слова Льюиса Моргана, которые суд капитализма не мог простить ученому: «С наступлением цивилизации (так называет Морган эпоху классового общества.— *Р. И.*) рост богатства стал столь огромным, его формы такими разнообразными, его применение таким обширным, а управление им в интересах собственников таким умелым, что это богатство сделалось неодолимой силой, противостоящей народу. Человеческий ум стоит в замешательстве и смятении перед своим собственным творением. Но все же настанет время, когда человеческий разум окрепнет для господства над богатством, когда он установит как отношение государства к собственности, которую оно охраняет, так и границы прав собственников. Интересы общества, безусловно, выше интересов отдельных лиц, и между ними следует создать справедливые и гармонические отношения. Одна лишь погоня за богатством не есть конечное назначение человечества, если только прогресс останется законом для будущего, каким он был для прошлого. Время, прошедшее с наступления цивилизации,— это ничтожная доля времени, прожитого человечеством, ничтожная доля времени, которое ему еще предстоит прожить. Завершение исторического поприща, единственной конечной целью которого является богатство, угрожает нам гибелью общества, ибо такое поприще содержит элементы своего собственного уничтожения. Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование осветят следующую, высшую ступень общества, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука. Оно будет возрождением — но в высшей форме свободы, равенства и братства древних родов».

Почти сто лет назад написаны эти строки, но и сегодня они звучат как правда и истина коммунистического грядущего.

В 1884 г., выполняя завещание своего друга Карла Маркса, Фридрих Энгельс выпускает книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в которой использованы многие положения и данные сочинения Моргана. О книге Ф. Энгельса В. И. Ленин говорил как об одном «из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадно-го исторического и политического материала».

В предисловии к этому одному из «основных сочинений современного социализма» Энгельс писал: «Нижеследующие главы представляют собой в известной мере выполнение завещания. Не кто иной, как Карл Маркс собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными своего — в известных пределах я могу сказать нашего — материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс».

Совершенно очевидно, и об этом говорит сам Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», что интерес вождей мирового пролетариата к доклассовой эпохе преследовал конкретные цели идеологического воспитания борцов за коммунизм. Никакая другая отрасль исторической науки, кроме этнографии, не могла дать детального описания первобытного общества. Лишь этнография, опираясь на свойственную ей методику, способна восстановить экономику и социальную организацию, культуру и быт ушедших тысячелетий. Именно поэтому этнография уже в конце XIX в. становится злободневной общественно-политической наукой, а в наши дни оказывается на передовой линии идеологической борьбы.

Правдивый и впечатляющий рассказ, основанный на данных этнографии, о доклассовом обществе, его родовой организации, о коллективной собственности сородичей и коллективной ответственности каждого сородича перед равными себе и своим сообществом разрушает концепции буржуазных идеологов об извечности, изначальности тех институтов, на которых покоится капитализм,— последняя стадия классово-антагонистического

общества, возрождавшая в изощренных формах рабство для миллионов и миллионов и благополучие для небольшой группы новой аристократии — владельцев и распределителей богатств, созданных народами. Такого рассказа было достаточно, чтобы самого Моргана и его последователей записать в число «пропагандистов коммунистических идей», что и делала почти век буржуазия, фальсифицируя данные этнографии о самом длительном и первом стартовом этапе развития человечества.

Минули десятилетия. Наука обогатилась обширными данными, идеи коммунизма овладели и овладевают все новыми и новыми массами землян, но на идеологическом фронте не затихает борьба по проблемам истории и структуры доклассового общества, ибо в них правда и справедливость научного коммунизма, которую не хотят, не желают, не могут признать идеологи буржуазии, ибо такое признание означает идеологическую гибель капитализма.

А наблюдение над жизнью народов, по разным причинам задержавшимся в своем развитии и сохранившим многие архаические черты, присущие доклассовой истории, изучение пережитков прежних социальных, семейных и бытовых отношений, которые передаются как опыт прошлых поколений, позволяют этнографам с достаточной долей вероятности восстановить картину жизни того периода, который уже скрыт за тысячелетней далью времен... Эта восстановленная картина и представлена в рассказе о Серой Рыси — такое было имя в том далеком прошлом у юноши из племени духа Черного камня.

Серая Рысь из племени духа Черного камня

...Вдали, на границе солнечного восхода, высятся горы, вершины их большую часть года скрывают серые тучи или белые облака. Там, в горах, в дождливый сезон — осенью и зимой — дождь льет от рассвета до рассвета. В это время года раз в два дня вспученная от избытка влаги туча отрывается от горной вершины и медленно закрывает небо над долиной, восточным краем которой служат горы, а западным — извилистая широкая лента мелководной к концу лета Слоновой реки. Туча, пришедшая с гор, обрушивается в долину, покрытую густыми зарослями причудливых в изгибах сосен, чайного и воскового дерева, переплетенных лианами, поток воды. Струи дождя напоминают стебли молодого

бамбука. Ручьи, бегущие с гор, в эту пору разливаются и заболачивают лесную долину. Сквозь плотную крону деревьев не пробиваются лучи солнца, они не могут своим жаром высушить травяной покров у подножия деревьев. В душном, стесненном, жарком воздухе земля, трава, листья и ветви источают зловоние. В хлюпающей под ногами буро-зеленой жиже ползают ядовитые змеи, плодятся мириады москитов. Люди в эту пору обходят стороной лесные тропы, устраивают свои жилища на сваях где-нибудь на открытом месте долины либо на горном склоне.

Обширна долина, но у нее есть для племени предел — та черта, отмеченная природными знаками, за которой начинаются чужие просторы. Здесь, в долине, полноправными хозяевами являются дети духа Черного камня; за той граничной чертой, начало которой определяется крутой извилиной Слоновой реки на севере и остроконечным утесом в горной гряде на востоке, живут люди племени Пятнистого оленя. За рекой на запад — земли племени Белого тигра, а далеко на юг, где лес становится труднопроходимым и куда дети духа Черного камня не рискуют заходить, по слухам, обитает малочисленное низкорослое, но свирепое, воинственное племя чернокожих детей духа Темного леса.

Детям духа Черного камня мир представляется ограниченным указанными пределами, которые столь велики, что даже землю своего племени не обойдешь быстрым шагом за срок, равный двум десяткам рождений нового дня. Если охотник, преследуя подраненного оленя, отсутствует три десятка дней, все пять родов племени считают его ушедшим в Страну мертвых и неожиданное возвращение пропавшего воспринимают с ужасом. Десять солнц и столько же лун вернувшийся проводит в уединении среди гряды черных камней, что стоит в центре священной сосновой рощи, ближе к подножию гор, на восточной окраине долины. Только колдун общается с ним. И если ничего не случится за это время в племени, если никто не погибнет от укуса змеи или от острых зубов тигра, никто не умрет, колдун приводит вернувшегося в родной род и нарекает его именем Хмаосу — «новорожденный».

Человек, оказавшийся за пределами территорий своего племени, лишается поддержки соплеменников, поддержки духов-покровителей, духов-предков. Он беззащитен перед чужими и может стать легкой добычей зве-

рей и людей. Обычно покинувший свою землю обречен. И не было страшнее наказания ни у детей духа Черного камня, ни у их соседей, чем изгнание из племени, которым соплеменники могли покарать преступившего племенные обычаи.

Пять родов составляли племя детей духа Черного камня, или чернокаменных, как их называли люди племени Белого тигра, с которыми нередко бились чернокаменные из-за угодий для ловли рыбы на Слоновой реке.

Пять родов расселялись по территории племени в долине. У каждого рода был свой участок, где стояли свайные жилища, были свои охотничьи тропы, свои излюбленные места рыбной ловли на Слоновой реке и маленьких речушках; но при появлении бродячего стада слонов все мужчины племени объединялись и устраивали общую охоту, отбивая от стада двух-трех молодых животных и отесняя их к берегу Слоновой реки, где были давным-давно сделаны огромные ямы-ловушки.

У каждого рода были свои охотничьи тропы, свои места, где женщины и дети собирали съедобные корни и травы, плоды деревьев и молодые побеги бамбука; но представители другого рода могли появляться на этих тропах, в этих местах, если на родовых землях не было добычи для охотников, если солнце выжгло растения или дожди затопили их.

Принадлежность к роду определяла место человека в племени чернокаменных. Каждый род находился во взаимобрачных отношениях с другим родом. Так, род Серого камня предпочтительно отдавал своих мужчин в мужья женщинам рода Бурого камня, мужчины Бурого камня уходили по браку в род Белого камня, мужчины Белого камня вступали в брак с женщинами Зеленого камня, мужчины Зеленого камня женились на женщинах рода Желтого камня, а мужчины из рода Желтого камня вступали в брак с женщинами рода Серого камня. Так замыкалась цепь традиционных брачных связей. Принадлежность к роду определялась по линии матери: рожденный считался членом того рода, к которому принадлежала родившая его женщина. Мужчина, вступая в брак, который преследовал единственную цель — рождение потомства, переходил жить в род своей жены, но оставался членом своего рода и его охраняли духи родного рода, ему оказывали помощь, его защищали сородичи. Принятый в род жены мужчина

оставался добытчиком мясной пищи, на которую могли рассчитывать как его собственные сородичи, так и сородичи жены, ведь он через брак получал право охоты на тропах рода жены.

Охотничья добыча никогда не была постоянной, многое зависело от случая, от удачи, от появления зверя на территории племени. Иногда много солнц и лун бродили охотничьи партии и возвращались со скудной добычей, утоляли голод тем, что собрали в лесу женщины и дети. Годами, десятками и десятками десятков лет жили впроголодь, и только надежда, что при твоей неудаче тебя поддержат сородичи, позволяла прожить короткую, полную опасностей и лишений жизнь.

Чем больше было членов рода, тем больше соплеменников, тем увереннее можно себя чувствовать в случае появления соседних племен, нередко из-за скудной добычи на своей земле вторгавшихся в погоне за зверем на чужую территорию. Чем больше соплеменников, тем больше могло быть охотников в облове на слонов или носорогов, тем надежнее могла быть добыча, от которой зависела жизнь родившихся, еще беспомощных детей. Женщина давала жизнь новым сородичам, она увеличивала численность рода, и род вел свою родственную линию по матери. Каждый род почитал перво-матерь, подарившую жизнь первопредкам Камня, наделенного той жизненной силой, которая способствует продолжению рода, которая защищает род. Во главе рода как хранитель его традиций, его обычаев стоял родной брат самой старшей женщины рода. Раз в год в пору летнего солнцестояния все взрослые члены рода собирались у Камня-предка (на территории рода был валун соответствующего цвета) и выносили свое суждение о брате старшей женщины. Если он был достойным старейшиной, его просили остаться правителем рода; если он был немощным и слабым, ему подыскивали замену среди тех, кто лучше всех знал родовые предания, повадки животных, съедобные дары земли, кто мог стать защитником интересов рода перед советом племени.

У третьей дочери старшей женщины рода Зеленого камня в день летнего солнцестояния родился мальчик. Обычай, по которому роженица считалась «нечистой» и должна была жить на краю селения в отдельной хижине без права общения с кем-либо, кроме своей матери, чуть не погубил и мать, и дитя. Роды начались в тот момент, когда сородичи собрались у зеленого валуна

на ежегодный праздник. К счастью, еще не начались шумные песни, которыми открывается праздник, и отчаянный крик донесся до рожи из хижины роженницы. Мать, успевшая добежать до хижины, помогла дочери, но много солнц Мотылек (так звали дочь) была между жизнью и смертью и не могла вволю накормить новорожденного. Он был хилым и вялым. Казалось, дух Зеленого камня возьмет его жизнь, его дыхание, как это слишком часто случалось в племени чернокаменных. Младенцы, только что увидевшие свет или не дожившие до того дня, как у них появлялись зубы, отдавали свое дыхание духам камней, а сами уходили не в Страну мертвых, а на небо. Таких младенцев хоронили не в землю, а укладывали в короб из коры и подвешивали его на дерево в священной роже.

Мотылек уже дважды уносила тельца своих детей — дочери и сына — и боялась, что дух камня возьмет новую жизнь, новое дыхание. Но мальчик выжил. Прошло много солнц и лун, у него появились зубы, и старейшина рода позволил называть его Вторым. Так все узнавали, что это ее второй сын. Такое прозвище по счету родившихся у женщины носили все дети, пока не достигали совершеннолетия.

После обряда посвящения старейшина разрешал называть девочек по имени цветов или бабочек, а мальчики должны были, став полноправными членами рода, сами добыть себе прозвище.

Имя у всех было одно — Зеленый камень, и только добавлялось прозвище. Так, мать Второго полностью называли Мотылек из рода Зеленого камня — Нду хмао-линки. Сказать же «Второй из рода Зеленого камня» значило сказать о любом сверстнике сына Мотылька, а не только о нем самом. Настоящего прозвища у него еще не было, он еще не нашел его.

Жизнь чернокаменных проходила по извечно заведенному порядку. Весну и лето охотники старались использовать для добычи мясной пищи, значительную часть которой надо было высушить, провялить на солнце впрок. Осенью, когда наступал период дождей, но когда еще воды Слоновой реки не успели помутнеть от потоков, бегущих с гор, когда она становилась после летнего зноя узкой и мелководной, мужчины устраивали на реке запруды. Перед ней собиралась рыба, поднимавшаяся вверх по реке. В запруды выливали из больших керамических корчаг специально приготовленный

женщинами ядовитый отвар. Проходила одна луна, одно солнце, и отравленная рыба всплывала кверху брюхом на поверхность. Ее собирали и в корчагах квасили впрок на самый разгар сезона дождей, когда только бамбуковые стенки хижины да ее крыша из плотно уложенных листьев пальмы и стеблей бамбука могли защитить человека от ливневых потоков. Пылающий в центре хижины на специальной площадке из глины костер позволял согреться и дымом разогнать тучи moskitов. Жизнь замирала в пору дождей, и только пробивавшийся сквозь щели в стенках хижины дым был свидетелем того, что жизнь все же продолжается.

Пока мужчины охотились или рыбачили, женщины и дети собирали съедобные коренья, плоды, личинки насекомых, яйца птиц. Что-то также запасали впрок. Но ни вяленого мяса, ни квашеной рыбы, ни кореньев не хватало на весь период дождей, и нужда заставляла мужчин выходить из хижины в поток воды и искать пищу — источник жизни. Опасными были эти выходы в конце сезона дождей, когда и лес и долина таили неожиданное нападение змеи или хищника. В пору дождей тигры и рыси тоже уходили из леса на открытые, более высокие участки земли и нередко бродили вблизи селений.

И все же, вооружившись бамбуковым копьем с каменным наконечником, ножом с раковинным лезвием, накинув сплетенную из листьев бамбука накидку на плечи, охотники покидали свайную постройку и уходили в сумрачный простор. Все взрослые мужчины — и те, которых родили женщины данного рода, и те, которые пришли в этот род по браку, — жили в одном большом свайном жилище. Оно называлось «мужским домом». Все они выполняли свою работу как часть общей работы. И если нужно было выйти из хижины в сезон дождей на охоту, выходили все, кто мог двигаться, кто мог держать копьё. Общие усилия были залогом успеха, давали шанс и надежду добыть тот кусок мяса, который мог бы поддержать силы рода до наступления сухих и ясных весенних дней.

Охотились сообща. Добычу делил старейшина рода, оделяя всех равной долей. Если случалось охотникам вступить в битву с тигром или рысью, то шкура зверя принадлежала тому, чье копьё нанесло смертельный удар.

В разгар сезона дождей замирала хозяйственная де-

тельность родов племени духа Черного камня, но активной становилась их семейная, домашняя жизнь. В отдельных хижинах, где обитали матери с малолетними детьми и девушки, еще не ставшие женами, самая старшая женщина обучала детей распознавать растения со съедобными кореньями или плодами, учила девочек, которые по весне должны были достигнуть совершеннолетия, женским делам. В большой хижине — «мужском доме» сам старейшина или почтенный старец готовили мальчиков к трудному испытанию — посвящению во взрослые члены рода.

Прожив на свете уже десять и два сезона дождей, Второй — сын Мотылька из рода Зеленого камня был на десятый и третий сезон вместе со сверстниками взят в «мужской дом». Пока не кончится сезон дождей, пока не наступит весна и мальчик не пройдет испытание, не станет взрослым, до тех пор он не может встречаться с матерью, ее сестрами. Сестер матери Второй также называет матерями, хотя знает, что его мать — Мотылек. Старшие говорили, что когда-то очень давно люди считали, что все женщины одного рода и одного поколения дают жизнь детям, и их всех называли одним именем — «мать».

Второй был худеньким мальчиком. Когда сверстники устраивали шумную возню или кидали палки, чтобы определить силу, он редко принимал участие в таких играх. Чаще всего он стоял в стороне и смотрел на состязающихся. Смотрел и думал, почему легкая бамбуковая палка летит ближе, а тяжелая сосновая — дальше, если их бросить с одинаковой силой. Он смотрел и думал о ветре, который, когда дует со спины, помогает бросающему, когда дует в лицо — мешает. Он смотрел, как борются двое мальчиков, и убеждался, что повалить на землю может и тот, кто слабее, если он увертливый, если он хитростью заставит сильного сделать неосторожный шаг или выпад. Не жаждавший помериться силами, Второй пристально всматривался в окружающий мир. Он больше, чем его сверстники, знал небесных знамений, которые предвещают ветер, дождь, ясный день. Лучше, чем некоторые взрослые, он знал, какие травы, коренья, плоды можно есть, а какие могут отнять жизнь на время или навсегда. Когда вместе с женщинами мальчики ходили на сбор съестных растений и насекомых, Второй чаще других находил самые крупные клубни таро или ямса, а однажды (это было всего два сезона

дождей назад) он принес серо-белые, похожие на яйца муравьев, семена не известного никому ни в роде, ни в племени растения. Он нашел их на берегу Слоновой реки. Растение выступало над поверхностью небольшой лужи, оставшейся после разлива реки. Оно имело острые тонкие листья и между ними стебли со многими мелкими стручками, внутри которых были серо-белые семена. Второй попробовал одно семя. Оно было безвкусно, но не противно. Он попробовал еще и еще. Подождал. Его не тошнило. «Значит, семена не ядовитые», — подумал Второй и принес горсть семян домой. Мать рассказала о находке старейшине, и тот не осудил Второго. В племени чернокаменных всегда не хватало пищи. Может быть, найденное Вторым даст дополнительный источник на постоянном и трудном пути поисков пропитания?

Мотылек бросила в кипящую воду семена, принесенные сыном. Они разбухли и стали больше. Получилась кашлица, которую можно было есть, которой можно было заглушить голод. Второй показал, где он нашел семена, и все стали собирать их.

Добыча охотника и найденное женщинами и детьми на земле и в земле, куда закапывали свои личинки насекомые, куда клали яйца птицы и черепахи, были общим достоянием. Никто не прятал добытого от других и даже не мог представить себе, что можно съесть добытое самому, не дождавшись, когда старшие женщины разделят пищу, дав каждому его долю.

Долина была долиной чернокаменных. Все, что летало над ней, что ползало или бегало по ней, что росло на ней или пряталось в ней, принадлежало чернокаменным. Если кто-либо из Тигриного племени (а они чаще других нарушали древний обычай) появлялся на этой земле, ему грозила смерть. Раньше, как говорили старцы, народу было меньше, а дичи больше, и очень редко люди чужого племени появлялись на землях других племен. Сейчас все переменялось. И уже несколько сезонов дождей происходят весной и летом стычки между охотниками соседних племен. Гибнут охотники, уходят в Страну мертвых, и меньше приносят добычи оставшиеся в живых, а в каждом из пяти родов растут дети, которые станут матерями и охотниками, если они получат пищу, и которых заберут духи камней в Страну мертвых, если у них не будет пищи.

Происходящее беспокоит старших и старейшин еще

и потому, что убийство члена племени требует отмщения, и вместо охоты на слонов или носорогов сородичи убитого охотятся на членов соседнего племени. Старейшина рода Зеленого камня, которого почитают в племени как самого старого и мудрого человека, на трех последних собраниях племени убеждал соплеменников прекратить охоту за людьми и договориться с соседями о возмещении убытков, чинимых охотниками на чужой земле. Но все три раза Серая Ящерица — главный колдун племени доказывал собравшимся, ссылаясь на свои видения, что духи камней жаждут отмщения. Колдуна боялись старейшины других родов и не соглашались со старейшиной рода Зеленого камня.

В большой хижине — «мужском доме» Второй внимательно слушал наставления старца и старейшины и прислушивался к тому, что говорили другие взрослые. Хотя многие взрослые были рождены в другом роде, они одобряли старейшину и обещали на весеннем совете племени поддержать его. «Тем более,— говорил Белый Слон из рода Белого камня, самый высокий и сильный среди взрослых охотников,— мальчиков, которые по весне станут взрослыми, в роде Зеленого камня вдвое больше, чем в других родах, и надо собрать Большой совет племени».

Большой совет племени, когда собиралось все взрослое население чернокаменных, созывали редко. Да и могли созвать только по особо важным случаям: перемена охотничьих угодий, неожиданная болезнь, уносящая без разбору всех в Страну мертвых.

С Белым Слоном соглашались многие. Второй слушал взрослых, и ему казалось, что силы прибавляются, что он легко пройдет посвящение и сможет крепко держать копьё, метко бросать его в зверя. «Никогда,— думал Второй,— я не подниму копьё на человека! Даже на чужака из Тигриного племени!»

Солнце всходило и заходило, проходили ночи и дни. Охотники уходили в дождь за добычей, а Второй со своими сверстниками должен был запоминать все, что говорил сам старейшина, о чем рассказывал старец, передавая историю рода и его традиции. Мальчиков готовили к новой для них жизни — жизни взрослых людей, добытчиков пропитания и защитников рода. Кто-нибудь из взрослых, чаще всего самый искусный охотник и мастер, учил их, как метать копьё, как выделывать каменный наконечник из крепкого черного камня, как разли-

чать следы. Мальчикам говорили о повадках зверей и птиц, о лесных и речных голосах. Им рассказывали о духах, живущих в камнях и деревьях, в травинке и бабочке. Их учили почитать духов, устраивать им подношения в виде части добычи, ведь именно духи дают возможность охотнику прийти не с пустыми руками.

Мальчиков учили петь песни в честь духов — покровителей рода и говорить заклинания, способные отвести несчастья, посылаемые злыми духами. Их учили, как в жару находить воду в безводной долине, как переносить боль от ран и укусов, как тренировать свое тело, чтобы оно стало сильным и выносливым.

Пока шли дожди, мальчики многое узнавали от старших, а когда проходил дождливый сезон, они показывали, чему научились. Старшие поправляли тех, кто ошибался, и заставляли всех вновь и вновь повторять услышанное, делать показанное.

Второму нравилось разбираться в запутанных следах, на глаз определять расстояние до цели — дерева, в которое мальчики бросали копья. Наблюдательность, выработанная в прошлые сезоны, очень помогла ему. И хотя его копье не так глубоко впивалось в ствол, но полет его был точен и расчетлив, и старейшина одобрительно отзывался о мальчике.

Уже кончился период дождей. Солнце высушило болотистую землю леса. Зазвучали голоса птиц, появились в долине цветы, поднялись прибитые ливнями травы. Приближалась середина весны. У мальчиков наступал самый ответственный период в их жизни. В середине весны начнется главное испытание, которое даст каждому настоящее прозвание и право быть взрослым.

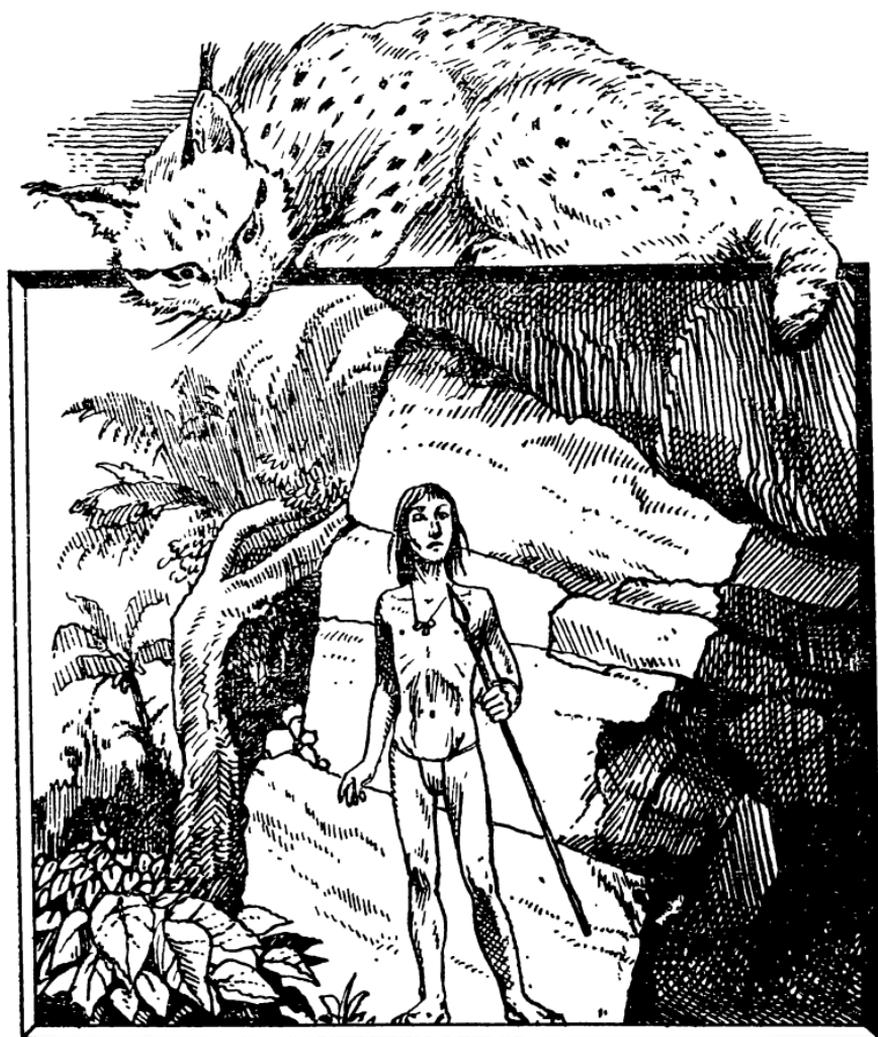
Мальчикам предстояло пройти два испытания. Первое показывало, какими они будут охотниками. Оно заключалось в том, что, получив настоящее копье и настоящий нож, мальчик должен был с рассветом уйти в любом направлении от «мужского дома» и, пока солнце не скроется, не исчезнет в западной стороне, принести добычу. Если он пришел с пустыми руками, испытание будет повторено на следующий день, и так до пяти раз. Не было случая, чтобы юный охотник за установленный срок не принес никакой добычи, но старшие говорили, что после пяти неудач посвящение откладывается на следующую весну. Не выдержавший испытания в течение года исполняет самую плохую работу, а в новый сезон дождей получает самое плохое место в «муж-

ском доме». Над ним смеются, его дразнят мальчики, которые младше его. Год мать не разговаривает с неудачником, и чувство позора гложет его сердце.

Стыдно и позорно не пройти первого испытания, но струсить во время второго считалось позорнее во много раз. Второе испытание должно было закалить дух мальчика, должно было помочь ему найти свое прозвание — личное имя.

Всех, кто прошел успешно первое испытание, старейшина отводит поздно вечером в священную рощу рода. Мальчикам дают последние наставления, поят их напитком — настоем из разных трав и корней и отправляют разными тропами в глубь рощи. Всю ночь мальчики должны провести в одиночестве под сенью священных деревьев. Напиток туманит голову, роща наполняется странными голосами, зловещим и таинственным шумом. Чудятся тени духов, клыкастые звери, огромные змеи. Страх захватывает сердце, рука иступленно сжимает единственное оружие — нож с раковинным лезвием. Вокруг рощи на ночь расположились взрослые сородичи, чтобы не дать слабым духом возможность избежать испытания, убежать в селение. Если кто-то, кто не выдержит испытания, прорвется сквозь оцепление, его ждет вечный позор. Он никогда не получит мужского прозвища и потеряет детскую кличку. У него не будет и родового имени. Его не будут числить членом рода, и ему не будут давать его доли. Его не изгонят с территории племени, но, оставшись один на один со всеми стихиями земли и неба, он погибнет, и никто не проведет его дух в Страну мертвых. Страшная участь ждала труса, и мальчики, кусая до крови губы, старались победить страх, оставшись один на один с ночными видениями священной рощи.

Напиток успокаивал дрожь и смыкал веки. Но сон был трудным, тревожным. Во сне приходили странные образы, сменявшиеся картинками битвы с ужасными чудовищами или огромными хищниками. Утром взрослые разыскивали мальчиков в роще, будили их, и старейшина расспрашивал каждого о виденном во сне. Самое запоминающееся видение — зверь, чудище, ожившие камни, деревья — становилось личным именем прошедшего испытание. Острым каменным ножом старейший охотник наносил на правое плечо мальчика узор, соответствующий полученному имени. Лечебные травы останавливали кровь, рубцы затвердевали, и бывший мальчик

возвращался в селение, гордо подняв голову. В род пришел новый добытчик и защитник.

В ту весну десять и семь мальчиков рода Зеленого камня должны были пройти испытания, чтобы стать взрослыми. Среди них был и сын Мотылька. Когда ему дали копьё и нож, когда по сигналу старейшины с первым лучом солнца мальчики побежали в разные стороны, Второй уверенно двинулся к Слоновой реке, к ее северной излуине. В прошлые годы он обратил внимание, что там всегда много следов пятнистых оленей. Солнце только что появилось из-за гор, и лучи его еще не так сильно обжигали голое тело. Как и все мальчики и мужчины в племени чернокаменных, весной и летом Второй носил только сплетенную из древесного волокна набедренную повязку. Бежать было легко и свободно. Второй торопился — ведь надо добыть зверя до захода солнца!

Зоркие глаза разглядели впереди какие-то серые точки, медленно движущиеся от реки в долину. Выбирая дорогу под прикрытием кустов, Второй ускорил бег. Вот он уже различает легкие переплетения рогов оленей. Упав на землю, мальчик ползет, прислушиваясь к собственному шороху, определяя направление ветра. Второй замер. Дальше нельзя ползти к оленьему стаду: ветер дует в ту сторону и олени почуют человека. Второй приподнялся, чтобы выбрать обходной путь, и чуть не вскрикнул от неожиданности. Слева, вдали, у самого берега реки, виднелось небольшое стадо слонов; справа спокойно жевавшие траву олени встрепонулись и помчались на мальчика. Он успел прицелиться и метнуть копьё в одного оленя, тот упал, а все стадо на миг остановилось, затем сделало разворот и понеслось к горам. Только тогда увидел Второй, что стадо преследует рысь. Увлеченный погоней хищник не обратил внимания на человека, и Второй подошел к убитому оленю. Второй выполнил первое задание. Рука потянулась к древку копья, а до слуха долетело рычание. Не догнав оленьё стадо, к мальчику и его добыче неслась рысь.

Второй сильнее рванул копьё. Оно не поддавалось. А расстояние сокращалось: хищник пожирал его большими скачками. В отчаянии Второй оглянулся и вдруг крикнул, подражая крику слона, зовущего на помощь. От реки раздался трубный звук, и послышался грозный топот. Рысь замерла, поджала хвост и медленно начала отходить к долине. Три слона, задрав хоботы к не-

бу, пронеслись мимо мальчика, отгоняя хищника все дальше и дальше на север.

Второй с помощью ножа извлек наконечник копья и теперь был снова вооружен. Он посмотрел на солнце. Оно еще стояло в зените, но путь домой с тяжелой ношей был неблизким. Закинув тушу этого небольшого оленя на плечи, сжимая в руках оленьи ноги, копьё и нож, Второй быстро пошел домой. Он старался выбрать самый близкий путь и мало смотрел по сторонам. К селению он подошел задолго до захода солнца и положил свою добычу у входа в «мужской дом», где уже лежали трофеи шести его сверстников — две утки, гусь, змея и два тарбагана.

Второй прошел на свое место в хижине и, не отвечая на расспросы, сразу же уснул. Он проспал до следующего утра.

Охотники, ходившие по следам мальчиков, чтобы подтвердить их рассказы, разобрались во всем, что случилось со Вторым, и гордились его смелостью и смекалкой. Утром трое, не выполнившие первого задания, ушли на охоту. Остальные мальчики остались в большой хижине. Старшие вновь напомнили им условия второго, главного испытания.

Оно наступило для всех десяти и семи человек через два дня.

Солнце уходило за реку на западную сторону. Предводительствуемые старейшиной, окруженные взрослыми охотниками, мальчики с опаской подходили к священной роще. На опушке высился валун зеленоватого цвета. Был наложен хворост. Старейшина подал знак, и все сели вокруг камня и кучи хвороста. Солнце исчезло. Наступала темнота ночи. Вспыхнул костер, и старец начал песню о предках рода, о духах-покровителях, о тайне ночной рощи. Мальчики повторяли слова песни, и ее тягучая мелодия уходила вглубь, под густую тень деревьев.

Каждому мальчику охотники подали керамическую чашу с напитком. Второй выпил его залпом. Он был сладковатым на вкус. Старейшина поднял мальчиков, и по его знаку охотники повели каждого в разные концы рощи на разные тропы. Второй со своим сопровождающим дошел до южного края. Сопровождающий молча подтолкнул мальчика под деревья и показал рукой направление вперед.

Второй вошел в мрачную темноту и медленно по-

шел вглубь. Уже исчез свет костра. Стоило остановиться, и шорохи таинственной ночи напоздали со всех сторон. Мальчик крепко держал нож с раковинным лезвием и не останавливаясь шел дальше. Какая-то тень промелькнула впереди и шарахнулась в сторону от тропы. Где-то как будто блеснули свирепые глаза. В голове шумело. Движения стали неуверенными, ноги не слушались. Шатаясь, Второй шел дальше, а нижние ветви деревьев били его по лицу. Протяжный крик, полный отчаяния, раздался в вышине. Мальчик сделал резкий шаг в сторону, споткнулся о корягу и полетел вниз. Он попытался подняться, но не смог. Сон одолевал его. Показалось, что рысь прыгает на спину. Нужно повернуться и нанести удар ножом, но ничего не выходит. И вновь видение: от реки мчатся слоны, вот они приближаются к нему, и их морды становятся рысьими. Огромная пасть готова проглотить Второго, он вскакивает и замахивается ножом. Видение исчезает, опять приходит забытье.

Утром его нашли спящим под поваленной сосной. С трудом Второй вспомнил ночные сны, и старейшина дал ему имя Серая Рысь. Охотник, который сопровождал мальчика в рощу, на правом плече сделал ножом надрезы, напоминающие когти рыси. Надрезы зажили быстро, и Серая Рысь, бывший Второй, стал членом рода Зеленого камня. Ему, как говорил старейшина, духи дарили жизнь, достойную охотника.

Пришла пора проводить совет племени. К гряде черных камней собирались старейшины родов, старцы и старейшие женщины. Но род Зеленого камня пришел в полном составе, и тогда все увидели, что это самый многочисленный род. Как говорил в сезон дождей Белый Слон, так и поступили чернокаменные. По требованию рода Зеленого камня и членов других родов старейшины решили собрать Большой совет племени. Юных охотников отправили по родовым селениям призвать к черным камням всех совершеннолетних.

В племени духа Черного камня было свыше десяти десятков мужчин и десять десятков и еще два десятка женщин. Детей никогда не считали, их считали только матери. Говорить, сколько детей в роде, считалось плохой приметой. Злые духи могли услышать счет и наказать говоривших — унести дыхание детей, погубить их.

Много чернокаменных собралось на Большой совет племени, и вновь старейшина рода Зеленого камня го-

ворил о пагубности для соплеменников кровавой вражды с соседними племенами, особенно с племенем Белого тигра. Вновь старейшина предлагал найти иной путь, чтобы пресечь вторжение чужеплеменников, иной способ возмещать ущерб, а не охотиться за людьми.

Когда смолкли одобрительные возгласы, над собравшимися прогремел голос колдуна. Этот голос заставил прекратить шум и прислушаться к злым и надменным словам колдуна. В них были оскорбления старейшине и угрозы всему племени. Колдун тряс седыми патлами, гремел раковинными браслетами, подпрыгивал и крутился. На мгновение он останавливался и прикладывал ухо к Черному камню — он ловил слова, произнесенные духом камня. Люди испуганно переглядывались. Речь, произнесенная колдуном, который грозил отступничеством духов-покровителей каждому не пошедшему по пути мщения, была страшной. Люди ждали, что скажет колдуну дух камня.

Вдруг колдун замер, потом упал на землю и приложил ухо к подножию валуна. На лице появилась и исчезла улыбка, рот широко раскрылся от удивления, и, быстро вскочив, колдун воздел руки к солнцу и запел:

На тропе тигриной люди
Одолеть сумеют зверя,
Если вместе они будут
Разом действовать, смелее.
Коли зверь где притаился,
А охотник вдруг ударит
Человека, а не тигра,
То падет он сам убитый
Зверем, что сидел в засаде.
Говорят мне духи камня,
Значит, прав сказавший прежде
О ином пути, чем мщенье...

Колдун умолк и медленно пошел прочь. Люди молчали, вдумываясь в слова песни, и разом возглас радости зазвучал в долине. Старейшина рода Зеленого камня оказался прав — так сказали духи Черных камней, так передал их слова колдун. Не будет теперь племя чернокаменных охотиться на людей Тигриного племени, оно найдет другой путь.

Серая Рысь был рад, что духи поддержали справедливость слов старейшины его рода. С тех дней, как он стал что-то понимать, Серая Рысь помнил, что из всех проступков против рода самым страшным, за который полагалась смерть, было убийство или даже случайное

пролитие крови сородича. Поэтому Серая Рысь не понимал, как люди могут охотиться на людей и не бояться кары. Он еще не различал сородичей и несородичей. Когда Серая Рысь нашел свое имя, стал взрослым, старейшина предупредил его и его сверстников, что смерть ожидает мужчину и женщину, рожденных в одном роде, если они вступили в брачную связь. Запрещалось вступать в брачную связь внутри своего рода и за пределами своего племени, и тот и другой проступок наказывался смертью, изгнанием из рода, племени, что было равносильно первому наказанию.

Чтобы была удача в охоте, в строительстве хижин, в рождении детей, во всей жизни чернокаменных, каждый род соблюдал строгие неизменные правила поведения.

Огонь, горевший в очагах хижин рода, был сородичем, и его нельзя было передавать в другой род, как не переходит в другой род мать матерей. Когда охотники уходили за добычей, женщины прекращали плетение, чтобы мужчины не запутались на тропах, как заплетается лыко за лыко. Женщина, несущая под сердцем новую жизнь, не должна была показываться другим людям, особенно мужчинам другого рода, — ведь она должна была родить своего сородича — не должна была есть мясо и много корней, чтобы роды были легкими. Если сооружали большую хижину — общий дом мужчин, то под переднюю правую сваю закапывали убитую собаку — жертву духу — хозяину земли. Ушедших в Страну мертвых никогда не называли по прозванию, дабы не привлечь их духа, который мог увести с собой живых.

Нарушение правил, определявших жизнь и дела рода, могло привести к различным несчастьям, и правила эти соблюдали усердно все роды племени духа Черного камня.

Прошло четыре сезона дождей, как Серая Рысь стал взрослым. Скоро ему надлежало отправиться в род Желтого камня, чтобы найти там девушку и вступить с ней в брачную связь. Прежде чем пойти туда, он должен был принести самой старшей женщине того рода шкуру зверя, чтобы она признала в нем охотника-добытчика.

Как и все, Серая Рысь уходил с охотничьей партией. Был разгар лета. Охотники рода Зеленого камня охотились на оленей на северном краю долины. Серая

Рысь заметил в стаде самого упитанного оленя, и, когда, окружив стадо, охотники стали подкрадываться, юноша пополз прямо к выбранному оленю. Олень прекратил щипать траву, приподнял голову, как бы прислушиваясь. Если он почует опасность, издаст предупредительный звук, все стадо сорвется с места. Его будет трудно догнать. Серая Рысь поторопился метнуть копьё издали. Оно долетело до цели, но лишь поранило оленя. Он встрепенулся и помчался к Слоновой реке, увлекая все стадо. Охотники, стоявшие на пути, успели свалить трех оленей, но остальные проскочили.

Серая Рысь бросился вдогонку за подраненным оленем. Юноша, подхватив свое копьё, бежал не оглядываясь. Он не видел, что поспешившие за ним охотники отстали. Он видел кровь на тропе и был уверен, что догонит оленя.

В охотничьем азарте Серая Рысь бросился в воды Слоновой реки, куда устремились олени, и вслед за ними оказался на другом берегу. Оказался на земле племени Белого тигра. Нужно было повернуть назад, чтобы не стать жертвой чужеплеменников, но подраненный олень был совсем близко, он еле волочил ноги, и его можно было схватить и добить. Серая Рысь метнул копьё, и в тот же миг петля из пеньковой веревки перехватила его тело. Он попытался выскочить из нее, но кто-то сильно рванул веревку, и юноша грохнулся на землю. Головой он ударился о камень и потерял сознание.

Очнулся он в незнакомой хижине, со связанными руками и ногами. Серая Рысь попытался поднять голову и громко застонал от боли. На его стон в хижину вошел мальчик. В колене бамбука он принес воду и дал попить Серой Рыси. Чернокаменный попробовал заговорить с мальчиком, но ребенок из племени Белого тигра не знал чужого языка. Когда же сам мальчик что-то сказал быстро-быстро, юноше показались знакомыми отдельные слова, но всей фразы он не понял. Мальчик, захватив бамбуковый сосуд, вышел из хижины. Затем были слышны легкие удаляющиеся от хижины шаги.

Вскоре в хижину вошел почтенный старец. На нем была короткая лубяная юбка, напоминающая передники женщин племени духа Черного камня. На голове у старца была надета корзина, плетенная из стеблей того растения, которое дает зерна, похожие на яйца му-

равьев. На плечах старца были такие же, как на правом плече Серой Рыси, надрезы.

Старец развязал путы и позволил юноше размять руки и ноги. Затем пришедший сел на корточки и жестом показал, чтобы юноша присел рядом. Когда Серая Рысь уселся, старец дотронулся до его насечек и спросил на языке чернокаменных:

— Почему у тебя, чужеплеменник, такой знак духа?

Серая Рысь подробно рассказал об обычаях своего племени, о поисках личного имени. Старец слушал внимательно и не перебивал юношу. В глазах Серой Рыси старец увидел притаившийся страх. За жизнь юноши не могли заступиться духи, так как они не имели силы на земле Тигринового племени. С юношей охотники хотели разделаться еще на берегу реки, но, когда старший из них увидел знак когтей рыси, он отвел занесенное копье. В племени Белого тигра старейшины решили подождать, когда юноша придет в сознание, и выведать, почему у чужеплеменника знак, похожий на знак духа Тигра.

Старец узнал все и не мог развеять опасения юноши. Чужеплеменник не был под покровительством духа Тигра, и он должен умереть.

Серая Рысь кончил и пристально смотрел в лицо старца, пытаясь угадать его мысли, узнать свою участь. Юноша ничего не видел, кроме глубокой усталости в помутневших от времени глазах. И тут как будто что-то напомнило ему Большой совет племени у гряды черных камней. Да, такими же были глаза у старейшины рода Зеленого камня, когда колдун Серая Ящерица выкрикивал угрозы.

Юноша торопливо, боясь, что старец уйдет, не узнав о решении Большого совета, рассказал о пути, указанном духом Черного камня. Глаза старца оживились. Он быстро поднялся.

— Я скоро вернусь, чужеплеменник, но ты никуда не выходи. Тебя убьют, если ты попытаешься бежать.

Сквозь неплотную крышу хижины пробивались красные лучи солнца — значит, оно уже уходило на западную сторону. Сколько же прошло дней и ночей, пока Серая Рысь был в забытьи? Юноша не мог себе представить. И хотя он был голоден, ему не хотелось есть; самые мрачные опасения приходили в голову, но нарушить приказ старца юноша не решился. Он ждал своей участи спокойно и обреченно.

Серая Рысь провел самую тревожную ночь в своей жизни. Он часто просыпался от легкого шума за стенками хижины, всматривался в темноту, но никто не входил к нему. К утру он все-таки крепко заснул. Его разбудил мальчик, давший прошедшим днем напиться.

Серая Рысь вскочил на ноги. Мальчик молча взял его за руку и вывел из хижины. Хижина оказалась на краю довольно большого поселения Тигриного племени. Серая Рысь насчитал три десятка и пять строений. Мальчик вел чужеплеменника к большому дому, где толпились мужчины и женщины, старики и дети.

Перед входом в дом высился огромный столб, вершина его была вырезана в виде тигриной морды. Вокруг столба сидели на корточках старейшины родов Тигриного племени. Среди них Серая Рысь увидел старца, приходившего к нему. К столбу была привязана на тонкой пеньковой бечеве маленькая горная курица.

Мальчик подвел юношу к старейшинам и отошел к толпе. Серая Рысь прислушивался к голосам, но ничего не понимал из чужой речи. Он внимательно осмотрелся, перехватывая любопытные, но не злобные взгляды собравшихся.

Старец привстал и громко, чтобы слышали все пришедшие к большому дому, что-то сказал. Затем, повернувшись к Серой Рыси, он заговорил на языке чернокаменных.

— Чужеплеменник, старейшины многих родов племени Белого тигра поверили в справедливость пути, который показал твой дух Черного камня. Но ты на три десятка дней останешься здесь, ты пройдешь испытание — выпивание крови горной курицы — и станешь на время членом моего рода — рода Черного кабана. Если за три десятка дней, пока тебе будут покровительствовать наши духи, никто из Тигриного племени, случайно оказавшийся на том берегу Слоновой реки, не будет убит, ты уйдешь к своим, и мы будем исполнять путь жизни, а не смерти при встрече людей племени Белого тигра и племени духа Черного камня. Если кто-то из моих соплеменников погибнет, значит, ты сказал ложь, и спустя три десятка дней ты станешь жертвой духа Белого тигра!

Юноша радостно согласился. Он был уверен в мудрости старейшины рода Зеленого камня и верил, что его соплеменники пойдут путем жизни.

Старец вновь на тигрином языке что-то громко сказал, и из большой хижины вышел колдун. В одной руке он нес керамическую чашу, в другой — большой каменный нож. Колдун подошел к столбу, отвязал курицу, ловко рассек ей брюхо. Кровь хлынула в чашу. Старец подошел к юноше, и колдун протянул им обоим чашу с кровью. Старец сделал два глотка и передал чашу юноше. Серой Рыси было нужно также сделать два глотка. Он выпил густую, еще теплую кровь, которая означала его спасение, приобщение к роду старца, а значит, и право на пищу, на защиту, хотя бы и на три десятка дней и ночей. Много дней ни куска мяса, ни корешка ямса не ел Серая Рысь, но два глотка теплой крови курицы чуть-чуть утолили голод, и на родовом празднике Черного кабана в честь нового члена юноша не набрасывался на пищу, как отощавший волк.

Три десятка дней и ночей юноша провел в роде Черного кабача, ходил на охоту с новыми сородичами и не думал о том, что его участь может неожиданно измениться. Старец же все три десятка дней внимательно слушал рассказы охотников, тревожился, когда кто-либо долго не возвращался из прибрежных районов, от Слоновой реки. Старец помнил решение старейшин своего племени и отмечал зарубками прошедшие дни. Серая Рысь, пораженный многими удивительными вещами у Тигринового племени, старался изучить чужой язык и понять увиденное.

Особенно поразило юношу то, что люди Тигринового племени на местах, где приток Слоновой реки по весне оставляет неглубокие, но большие лужи, бросают в земляное дно зерна когда-то найденного им растения, чтобы по прошествии трех-четырех новых лун из них выросли большие растения и много-много новых зерен. Он увидел, что люди этого племени каменными топорами сносят участки леса, сжигают его, рыхлят землю острыми концами твердых палок и в ямку прячут маленькие клубни ямса, чтобы к осени собрать в той же земле, в той же ямке уже пять-шесть клубней.

Серая Рысь не знал, что первые два десятка дней грозный колдун племени духа Черного камня призывал к отщепеню, доказывая, что юноша был убит Тигриным племенем вероломно и безжалостно. С трудом старейшине рода Зеленого камня удалось остановить охотников, готовых было пойти на земли племени Белого тигра и возобновить охоту на людей.

Прошли три десятка дней и ночей. Серая Рысь, снабженный сосудом с водой, сушеным мясом, отправился домой. До берега Слоновой реки его провожали старец из рода Черного кабана и несколько охотников, с которыми он последнее время ходил на охоту или корчевал пни на земле, предназначенной для увеличения клубней ямса.

Солнце стояло высоко в зените, когда они подошли к берегу. Видимо, в горах прошли дожди: вода поднялась значительно выше обычного и скрыла брод. Пришлось Серой Рыси переправляться на свой берег вплавь. Когда юноша вышел на берег и оглянулся, то увидел на том берегу старца, охотников, стоявших с приветственно поднятыми копьями. Юноша поднял копье и громко крикнул на языке Тигриного племени пожелание удачной охоты.

Перед закатом солнца Серая Рысь подошел к своему селению. Он не был дома столько дней, сколько движется тень человека в Страну мертвых. Он шел к хижине старейшины, и все, кто попадался ему навстречу, в страхе закрывали лицо руками, исчезали в кустах и за стенами строений. Люди боялись его, как боятся приходящих из Страны мертвых в сновидениях или бреду. Старейшина вышел из хижины и узнал юношу. Старейшина поднял руку, и юноша остановился на расстоянии от него. Знаками старейшина приказал юноше следовать за ним и повел его к священной роще. Старейшина подвел Серую Рысь к зеленому валуну и потребовал, чтобы вернувшийся ранил свою руку ножом и облил кровью камень. Юноша сделал так, как велел старейшина. Густые капли крови упали на валун. Нет, не призрачная тень, а человек-сородич вернулся в род через более чем три десятка дней и ночей.

Серая Рысь много дней по обычаям рода провел один в священной роще. Каждое утро на опушке он находил пищу, которая позволяла ему утолить голод. Много раз его навещал старейшина и подолгу расспрашивал обо всем, что юноша увидел в Тигрином племени. Особенно интересовало старейшину закапывание в землю семян и клубней ямса. Если можно было получить из одного семени два раза по десять, а из одного клубня пять или шесть клубней на участке земли, который можно было сделать около селения, значит, можно было с большей надеждой рассчитывать на пополнение запасов пищи.

Рассказ юноши заставил старейшину рода Зеленого камня уговорить сородичей снести каменными топорами часть леса и воткнуть в землю, смешанную с пеплом — золой от ветвей и стволов, клубни ямса.

Серая Рысь еще не имел права вернуться в селение, и эту малопонятную работу провели без него. Много дней, рожденных солнцем, юноша пробыл в священной роще, вооруженный своим копьем и своим ножом. По знаку старейшины он вышел из нее под кличкой Хмаосу — «новорожденный». Он должен был бы носить ее долго, если бы не огромная пятнистая рысь, появившаяся на его пути.

Она выскочила из-за кустов неожиданно, юноша даже не слышал ее приближения и не ожидал опасности. Он, проведший много дней и ночей вдали от сородичей, когда ему позволили, бросился к знакомым и родным строениям, не прислушиваясь к лесным шорохам.

Огромная пятнистая рысь выскочила из-за кустов неожиданно, и только постоянная настороженность охотника позволила юноше сделать единственно верное движение — упасть на спину и выставить вперед копые. Огромное тело рыси налетело на каменный наконечник копья, а когти впились в плечи и грудь юноши.

Схватка человека с рысью была мгновенной, но кровавой. Испутив последнее дыхание, рысь затихла, но юноша сам истекал кровью.

Из селения увидели происшедшее на тропе, ведущей из священной рощи, и Мотылек — мать юноши — успела закрыть раны целебными травами.

Прошло еще несколько дней и ночей, и Серая Рысь, получивший даже с согласия колдуна право вновь именоваться Серой Рысью, а не «новорожденным», смог выйти из хижины и начать новую жизнь как продолжение старой.

Много перемен произошло в родном племени за эти дни, равные двум рождениям, расцветам и затуханиям луны. Под влиянием старейшин рода Зеленого камня чернокаменные не только зарыли в землю клубни ямса, но и зерна, похожие на муравьиные яйца. Серая Рысь видел ровные ряды зеленых стеблей на земле, очищенной от леса. То клубни ямса давали ростки. Серая Рысь видел над поверхностью прибрежных луж острые листья растения, когда-то найденного им и зерна которого после варки становятся кашницей, способной утолить голод. На земле чернокаменных, как узнал Серая

Рысь, появлялись люди Тигриного племени, и их старец, умевший говорить на языке племени духа Черного камня, подолгу беседовал со старейшиной рода Зеленого камня.

Много нового случилось на земле рода Серой Рыси, его племени, но жизнь текла в отмеренном временем ритме, и настал день, когда со шкурой той огромной пятнистой рыси, которая чуть не пресекла его дорогу жизни, он отправился к старейшей женщине рода Желтого камня и выбрал девушку для брачной связи.

Серая Рысь — сын Мотылька из рода Зеленого камня — нашел в роде Желтого камня свой второй дом. Он жил многие дни и ночи многих сезонов дождей в «мужском доме» — большой хижине рода Желтого камня. Он ходил на охоту, рубил каменным топором лес, чтобы сделать чистым участок земли и воткнуть в землю клубни ямса. В роде Желтого камня, так же как и в роде Зеленого камня, все трудились сообща, все жили ради друг друга, и скудная добыча, скудная, хотя теперь уже постепенно более надежная, так как собирали клубни и зерна с участков, сделанных людьми, была общим достоянием.

Достигнув возраста четырех десятков сезонов дождей, Серая Рысь вернулся в родной род Зеленого камня. Та девушка, с которой он вступил в брачную связь в роде Желтого камня, подарила жизнь четырем детям — трем мальчикам и одной девочке. Это были дети рода Желтого камня.

Когда пришел день и на охотничьей тропе духи схватили дыхание жизни Серой Рыси, он сам ушел в Страну мертвых.

Тело его сородичи положили в сосновую колоду, которую опустили в глубокую яму. Вместе с телом положили каменное копьё и нож Серой Рыси, в ногах поставили чашу с водой и чашу с зернами, похожими на муравьиные яйца. Вода и зерна должны были скрасить его путь в Страну мертвых. По обычаям племени духа Черного камня через один сезон яму, куда положили колоду с телом, раскопали, вынули кости, белевшие на солнечном свете, сложили в большой глиняный сосуд и закопали его у подножия гор, что стояли на краю долины.

Так или примерно так жило племя духа Черного камня 10 тысяч лет назад в долине современного Ассама.

Прошло много десятков сезонов дождей, прежде чем те в племени духа Черного камня, которые могли быть потомками Серой Рыси (а о нем рассказывали в родовых преданиях старейшины и старцы всех пяти родов), на трудные работы по выкорчевке леса стали посылать захваченных в межплеменных стычках людей и оставлять лучшую часть охотничьей или военной добычи у себя.

Прошло много десятков сезонов дождей, и охотники племени, ставшие охотниками и на людей, и на сделанное людьми и вынужденные уходить для брачной связи в чужой род, сочли необходимым свою часть добычи оставить не чужеродцам, а своим кровным потомкам.

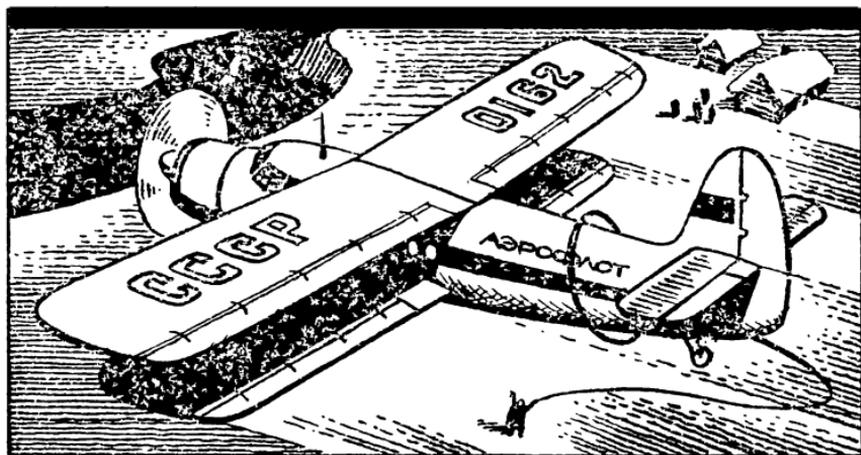
Наступал тот момент, который исторически должен был завершиться необходимостью пересчитать родство с материнской на отцовскую линию. Пока производительные силы не позволяли добыть прибавочный (ненужный сегодня как первая потребность) продукт, общий труд порождал общее благо и распределение этого блага. Совершенствование производительных сил, появление земледелия как результат наблюдения над растениями, возникновение скотоводства как итог приручения диких животных первобытными охотниками — все это создало такие условия, которые позволяли небольшому, узкому кругу родственников стать независимым от родового коллектива.

Парная семья, бывшая временной связью супругов для воспроизводства себе подобных, становится независимой от рода в хозяйственном отношении и становится моногамной семьей — особой социально-экономической ячейкой общества.

В этом обществе, когда появляется прибавочный продукт, возникает необходимость закрепить его в семье своих собственных прямых потомков. Охотник, земледelec, скотовод, имевший прибавочный продукт, имевший какое-то личное, обособленное от коллектива богатство, стремится передать его своим прямым потомкам, и он восстает против тысячелетней традиции, когда дети, рожденные женщиной — его брачной парой, считались детьми только ее рода, а не его. Женский род получал детей от такой брачной связи и добычу, приносимую в семью супругом. При скудной добыче, когда только уси-

лия всего родового коллектива давали жизнь и право на пропитание, не играло роли, за родом жены или мужа остаются дети. В новых условиях охотник и работник хотел, чтобы именно его дети могли стать наследниками его богатств. Богатство породило исторический переход с материнского, естественного счета родства на новый, «порожденный золотом» отцовский счет, что означало обособление от коллектива мелких семейных групп, что было началом конца первобытного коммунистического общества и возникновения классового строя.

Опыт почти миллионлетнего бытия в доклассовой эпохе передавался многим поколениям землян, живущим в разных уголках обитаемой планеты, и этот опыт мужал в борьбе с неравенством и угнетением, чтобы обрести плоть и практически бесконечное существование в грядущей бесклассовой эре.

К ЛЮДЯМ РАДИ ЛЮДЕЙ

В определении этнографии как науки, предложенном замечательным этнографом и археологом Сергеем Павловичем Толстовым, сказано: «Этнография — историческая наука, изучающая преимущественно путем непосредственного наблюдения культурные и бытовые особенности различных народов мира, исследующая исторические изменения и развитие этих особенностей, проблемы происхождения (этногенез), расселения (этническая география) и культурно-исторических взаимоотношений народов». Очевидно, что в данном определении особо выделен метод работы этнографа — путь «непосредственного наблюдения».

В работе этнографа самое ценное — его длительные или хотя бы короткие поездки к людям той этнической среды, которую он выбрал полем своего исследования ради тех же людей, ради познания своеобразной культуры и быта. Такие поездки всегда полны неожиданностей.

Со мной на Туруханском Севере был такой случай. Знакомая многим байдарка — всего-навсего цивилизованная копия промысловых лодок алеутов и эскимосов, живущих у берегов Аляски и Чукотки. Лодки-долблен-

ки из целого ствола осины или сосны многих сибирских народов напоминают байдарки легкостью конструкции и верткостью. Сидеть в такой лодке спокойно, не делая лишних движений, чтобы не опрокинуться, — искусство. Еще большее искусство — грести в ней, стрелять из нее по птице, когда на каждое движение долбленка отвечает резким креном.

Впервые я попытался сесть в долбленку на Курейке. По последнему насту я приехал в поселок на собаках. Вскоре Курейка вышла из берегов и отрезала от поселка холмистую косу, над которой всегда шли пролетные утки. Я поддался на уговоры и с проводником решил на долбленке переплыть на косу. Приезжий и на лодке-долбленке! Зрелище, очевидно, редкое и любопытное. К берегу за нами пришло добрых полтора десятка жителей. Проводник, придерживая лодку, объяснил мне, как надо сидеть, положив согнутые в коленях ноги на борта для упора. Я сел. Оказывается, могу. Очередь за проводником. Он передает мне ружье, я делаю еле заметное движение к нему — долбленка накреняется в ту же сторону. Совершенно инстинктивно я резко откидываюсь к противоположному борту. Мгновение... Хотя ружье уже в руке, но я сижу в лодке, и вода мне по пояс. К счастью, у берега мелковато.

Потом еще дважды я оказывался в воде, но затем уже спокойно плавал на долбленках и перевозил других. Ради того, чтобы чему-то научиться и не бояться быть смешным, стоило оказаться в воде!

Чтобы понять жизнь и быт изучаемого народа, его культуру и его обычаи, надо много времени провести с людьми иного языка, иных традиций. Надо с радостью поменять привычный комфорт городской жизни на неизбежные дорожные тягости и заботы.

Этнограф в поле — это городского вида человек, идущий вместе с таежными охотниками по еле приметной тропе, чтобы воочию наблюдать приемы и методы их нелегкого труда.

Этнограф в поле — это склонившаяся к блокноту юная или седовласая женщина, записывающая неторопливый рассказ хозяйки яранги или чума о семейных обрядах или обычаях.

Этнограф в поле — это приехавший из Ленинграда или Москвы исследователь, ставший почетным гостем на традиционной казахской или алтайской свадьбе.

В экспедиционной работе этнографа самая сложная

минута — минута первого знакомства. От нее практически зависит успех дела. Круг вопросов, которые интересуют этнографа, охватывает все стороны жизни человека, нередко и очень интимные. Чтобы получить ответ, надо стать для собеседника-информатора другом, надо дать ему понять, что узнанное никогда не будет использовано ему или его близким во вред.

Практика этнографической полевой работы, работы с людьми не допускает участия в ней человека, обуреваемого гордыней собственного превосходства, безразлично и безучастно относящегося к происходящему в жизни изучаемого народа. Та же практика убеждает и в том, что никогда не добьется успеха человек, заискивающий перед информатором, безудержно восхищающийся всем увиденным или намеренно подыгрывающий отсталым представлениям и суждениям. Такой человек будет в той среде, где он работает, признан за глупца или злонамеренного обманщика. Народы мудры — эту истину нельзя забывать, когда, собрав небольшой походный инвентарь, отправляешься в экспедицию к еще неизвестным тебе лично людям, но чья культура и чья жизнь известны тебе по отчетам твоих предшественников.

Работа в поле окружает романтикой профессию этнографа, но, прежде чем выбрать ее, задай себе вопрос: способен ли ты быть полезен людям, способен ли ты уважать и ценить привычки, дела других, поначалу не очень понятных тебе людей? Профессия этнографа требует самопожертвования, доброжелательства, высокого гуманизма и ответственности за собранные материалы и выводы, которые должны служить людям во имя дружбы и братства народов.

Я вспоминаю малозначительный случай, чуть не стоивший нам прекращения работы в одном из поселков на берегу среднего Енисея. Группа кетов, которую мы изучали в этом районе, обитала на притоке Енисея, на левобережье. У нас не было своего транспорта (у этнографов обычно не бывает своего транспорта, ведь они работают с людьми и могут рассчитывать лишь на их помощь), и мы поддерживали дружеские отношения с одной украинской семьей, живущей в поселке на высоком правом берегу. Эта семья имела дойную корову, и мы всегда пользовались бесплатно молоком и сметаной. Семья была небольшая — родители шестидесяти лет и двое взрослых сыновей. Родители были пенсионерами, сыновья работали охотниками и рыбаками в

кетском колхозе, что располагался на другой стороне Енисея. Один из сыновей и возил нас на лодке по стойбищам. В ожидании приезда археолога Семена (надо было копать кетские могильники) мы поселились у этой семьи. Семья жила в срубном доме, где в горнице были постелены половики, а на сундуках — белоснежные с вышивкой дорожки. Некрашенный пол всегда блестел чистотой, хотя на улице было слякотно и глина приставала комьями к подошвам сапог. В наших взаимоотношениях все было хорошо и нормально.

Семен приехал днем, я его прежде знал плохо; он работал в другом институте и в Москве. Радушная хозяйка пригласила его в дом — выпить молока (на севере молоко — редкость, даже в семьях русских и украинских старожилов, ибо содержать коров в тайге очень трудно). Я шел первым и, как всегда, снял сапоги в прихожей. Семен это видел, но не счел нужным последовать моему примеру. В грязных сапожищах он вошел в горницу, оставляя на половике комья глины, и уселся на белоснежную дорожку сундука. Я, видимо, не сразу сообразил, что происходит нечто безобразное, так как не выгнал своего коллегу. Хозяйка же спокойно дала ему стакан и пошла за кринкой. И тут Семен поднял стакан на свет. На нем остались разводы от воды, насыщенной известняком.

— Стакан-то грязноват, — невозмутимо заявил Семен, достал платок и стал вытирать стакан.

Хозяйка несла кринку, но руки ее дрожали, а глаза были полны слез. Только через три дня удалось упротить наших друзей позабыть обиду. С Семеном мы больше никогда не встречались. Говорят, он теперь хороший археолог. Может быть, происшедшее пошло ему на пользу. К тому же археологическая экспедиция имеет одно существенное отличие от этнографической: археологи чаще всего работают вдали от поселков, общаясь с местным населением только на перепутьях, и живут несколько обособленно, стараясь сохранять свои городские привычки.

Этнографическая работа в поле начинается задолго до дня отъезда — за письменным столом. Нельзя отправляться за тридевять земель, не узнав, что сделано до тебя, какие проблемы — известны больше, какие — меньше. Жизнь быстротечна, ее темп столь существенно отражается на переменах в традиционном хозяйстве и культуре, что явление, бытовавшее в прошлом,

можно уже не встретить сегодня и сделать ошибочный вывод.

И еще одно важное требование для этнографа, отправляющегося в путь, как, кстати, и для всякого вступившего на стезю науки,— оставить дома представление, что наука начинается с него самого, что до него никто ничего толком не сделал. Зараженный подобной «звездной болезнью», исследователь может пренебрежительно отнестись к трудам предшественников и неожиданно повторить, а не дополнить их материал. В багаже этнографа всегда выписки из других работ, словарь (знание языка изучаемого народа — важное условие, однако как трудно быть полиглотом!) и много чистых блокнотов. Если ты поехал только за сбором материала о семейно-брачных отношениях, ты не имеешь права не записать того, что увидел в хозяйственной деятельности народа, те эпические сказания, которые услышал в минуты отдыха или торжественных церемоний. Может ведь случиться и так, что твоя поездка на долгие годы окажется единственной, что, когда приедут другие, они не смогут ни увидеть, ни услышать того, что было доступно тебе.

История этнографических экспедиций в нашей стране уже насчитывает почти два с половиной века и берет начало с Первой академической экспедиции — сухопутного отряда Великой северной экспедиции 1733—1743 гг. В составе ее работали Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, С. П. Крашенинников, Г. В. Стеллер, Я. И. Линденау и И. Э. Фишер. В задачу экспедиции входило изучение народов Сибири и Дальнего Востока. Материалы, собранные выдающимися учеными России, и сегодня представляют большую научную ценность.

На протяжении почти 250 лет не прекращались в России и СССР этнографические полевые работы по изучению народов своей страны и зарубежных стран. На опыте многих удач и просчетов вместе с ростом этнографических знаний оттачивалась методика полевых этнографических исследований, которая закреплялась многолетней практикой.

Определились и стали ведущими три основных методических направления деятельности в поле: беседа, эксперимент, наблюдение. Правильное понимание данной методики, сочетание каждого направления дает наилучший результат. Рассмотрим, что понимает этнография под каждым из указанных методов.

Беседа — длительный и, как правило, непринужденный разговор с человеком, который наиболее полно осведомлен о сторонах жизни и культуры своего народа. Беседа для исследователя всегда должна подразумевать какой-то набор вопросов, но задавать их впрямую, как при интервью, бестактно. Лучший метод — вести беседу в процессе совместной работы с информатором, в повседневном общении с ним. Такое достигается тогда, когда этнограф поселяется в жилище информатора и благодаря своему поведению становится как бы членом семьи. Чтобы правильно вести беседу, мало знать, что нужно спросить или как спросить, надо быть уверенным, что получишь наиболее точный ответ, точную информацию. Так может случиться, если правильно сделан выбор информаторов. Люди всюду одинаковы. Как в вашей среде есть многоуважаемые и малоуважаемые соотечественники, так и в группе изучаемого вами народа могут быть лица, которые пользуются авторитетом за ум и знания, и могут быть болтуны, пустобрехи. Вступить в контакт с первыми — добиться успеха, со вторыми — провалить дело. Кстати, первых труднее «разговорить», чем последних. Но недаром говорится, что легкий путь — не самый верный путь.

Этнографы, опираясь на многолетний опыт, возражают социологам, написавшим в одном из методических пособий, что «ведущей формой социального исследования должен быть эксперимент», причем здесь социологи понимают эксперимент в его естественнонаучном значении, как специально поставленное действие, специально подготовленный и осуществленный опыт. Этнографы понимают под экспериментом лишь соучастие в нормально текущем социально значимом событии — ритуальном обряде, свадебной или похоронной церемонии и т. п. На самом деле, представим себе такую ситуацию: вы прибыли на Подкаменную Тунгуску к эвенкам, вы хотели бы собрать материал по свадебному обряду, но неудачно выбрали время работы и никаких свадеб не ожидается... По мысли сторонников поставленного эксперимента, следует организовать свадьбу «понарошку». Так она и будет «понарошку», с огромными купюрами в самой церемонии, которую участники никогда не будут воспринимать как подлинное действие и будут правы. «Экспериментальная свадьба» даст ошибочное представление об одном из традиционных и важных обрядов в жизни любого народа. Следовательно, собран-

ные в таком случае материалы не будут иметь никакого смысла. А теперь представьте себе «экспериментальный похоронный обряд». Каким же фарсом может стать трагическое событие! У этнографа в поле эксперимент означает только одно: тебя пригласили быть соучастником в настоящей свадьбе, в подлинных похоронах, в любой другой торжественной общественной или семейной церемонии. Чтобы так случилось, этнограф должен быть «своим»...

Песня навстречу весне

Озеро Мундуйка — самое большое заполярное озеро в Сибири. В длину оно больше 50, в ширину больше 30 километров. Мундуйка — главный промысловый водоем рыбаков курейского кетского колхоза, но зимой и ранней весной здесь стоят всего два жилища на противоположных берегах. Бревенчатые избушки с плоской крышей, без сеней, с одной комнатой и железной печкой посредине. В одной, которая стоит на ближнем к поселку берегу озера, живет восьмидесятилетний кет Федор Агафонович Серков с женой, сыном и племянницей, в другой, на дальнем берегу, — шестидесятилетний кет Николай Михайлович Ламбин с женой. В избушке у Ламбина поселились и мы — двое этнографов из Ленинграда.

Мы второй раз прибыли на Мундуйку. В прошлом году познакомились и с Серковым, и с Ламбиным. Тогда наш отряд пробыл у курейских кетов больше трех месяцев. Было это летом. Вместе с ними рыбачили, многое узнали, но не сумели записать на магнитофонные ленты неповторимые легенды и сказки этого почти загадочного народа. Тогда подвела техника: у нас не было портативного магнитофона, а стационарный — сетевой на стойбищах бесполезен. И в прошлом году мы встречались с Федором Агафоновичем, этим крепким, здоровым и мудрым стариком, с густыми, чуть подернутыми сединой волосами.

Федор Агафонович пользовался непререкаемым авторитетом среди курейских кетов как самый старый и опытный рыбак-охотник, как заслуженный колхозник и как человек, наделенный, по представлениям его сородичей, знаниями шаманских песен, шаманских действий, способных привлечь добычу для охотника и вылечить больных. Было ясно самое главное: Федор Агафо-

нович знает самые сокровенные страницы устного поэтического творчества своего народа. Но невозможно было заставить или уговорить его исполнить что-нибудь для записи. Нам было известно, как прогневался старик, когда один заезжий лингвист попытался купить его песни, предлагая деньги или охотничьи товары. Назойливость лингвиста заставила Серкова быть настороже и с нами, но мы держали себя вполне прилично, не приставали с расспросами. В прошлом году краткие беседы с ним носили сугубо дипломатический характер. Мы спрашивали лишь то, что старик непременно знал и что мог сказать, не опасаясь, что мы станем влезать в душу с расспросами о шаманстве.

И вот через несколько месяцев, в марте, когда еще вовсю царствует зима, мы вновь на Мундуйке. Озеро сковано льдом. От поселка нас на оленях доставили к Ламбину, с которым мы хорошо поработали в прошлый сезон и у которого мы теперь собирались записать (портативный магнитофон был с нами) кетские тексты для изучения языка. По дороге в избушку Ламбина мы заехали и к Федору Агафоновичу. Нас приняли очень радушно, тем более что мы выполнили просьбу хозяйки и привезли бисер, а также фотографии, снятые в прошлый приезд. Нас напоили чаем, и мы поехали через озеро.

У Ламбина мы прожили больше месяца. Из запаса кассет осталось всего две, когда ранним утром (хотя уже наступал полярный день и разобрать, когда раннее утро, а когда поздняя ночь, было трудно) я проснулся от четкого скрипа оленьих санок. Накинув полушубок, я выглянул наружу. К избушке приближались две олени упряжки. Вскоре вошел сын Федора Агафоновича и сообщил, что отец ждет нас в гости. Просил собраться тотчас. Известие было несомненно приятным, и мы через пару минут были готовы в путь.

— Отец сказал, чтобы ты машинку взял тоже,— Герман показал на магнитофон.

Такая просьба была совсем неожиданной. Неужели придется пожалеть, что запас кассет такой маленький?

В избушке Федора Агафоновича, куда мы прибыли только к полудню, оказалось почти все взрослое население поселка, принадлежащее, как мы уже знали, к одной родовой группе с хозяином. Огромная кастрюля стояла на печке. В ней варилось мясо лося. Кипел чай в чайнике. Нашего приезда ждали. Хозяин сердечно

приветствовал нас и усадил на шкуру рядом с собой.

— Ну что, парень, настроишь свою машинку, а я петь буду. Через два дня начнется перелет птиц с юга на север. Я петь буду, чтобы они сели и на нашем озере. Весна идет. Голодное это время. Реки и озера подо льдом. Рыбы нет. В тайгу не уйдешь: наст не держит. А оленей у нас мало, их забивать грешно. Одна надежда на перелетную птицу, пока рыбы нет,— сказал хозяин и, хитро улыбаясь, похлопал меня по плечу.

Собравшиеся отведали мяса, выпили густого черного чая и расселись вдоль всей стены, так что получился своеобразный круг, в центре которого печка, хозяин и я с магнитофоном.

Медленно прекращались разговоры, и, когда наступила тишина, старик посмотрел на меня и кивнул головой. Мол, начали. Я склужил магнитофон.

Федор Агафонович запел. Мне никогда не передать волнение, охватившее нас — приезжих, впервые слышавших песни поистине седой древности. Среди еще заснеженной тайги, на берегу заполярного озера, за тысячи километров от городов и привычного быта нам довелось услышать песню, напоминающую своей мелодией гимны древних инков. Как у Имы Сумак, голос Федора Агафоновича то взлетал вверх, то шелестел по земле, то становился звонким, то глухим. Так продолжалось много часов. Давно кончились пленки, а старик пел самозабвенно, обращаясь к небу, звездам, солнцу и спешащим на север птицам. Нам был сделан редкий подарок: нас пригласили быть соучастниками церемонии, открывающей весеннюю охоту.

Даже сейчас, когда я слушаю эти записи в Ленинграде, голос мудрого старца вновь вызывает странное ощущение какого-то вневременного события, будто отдаленного от наших дней многими веками...

Быть соучастником крупного события в жизни изучаемого народа — значит в полной мере овладеть третьим, важнейшим методом в полевых исследованиях — наблюдением. Наблюдательность у этнографа должна быть профессиональной. Разве удобно при похоронах бегать с фотоаппаратом или обращаться с расспросами, держа наготове блокнот, к родственникам умершего? Надо быть наблюдательным, чтобы запомнить весь ход церемонии, отмечать непонятное и затем в спокой-

ной обстановке все записать и обо всем узнать у информатора. Только наблюдательный человек способен подметить случайные факты, свидетельствующие о сохранении древних магических представлений.

Необычные, но являющиеся традиционными, отражающими народное зодчество изменения в интерьерах современных зданий или ориентации окон и входа можно заметить, лишь зрительно представляя разнообразные типы строений. Этнографы старшего поколения, мой учителя — профессора Л. П. Потапов, Н. А. Кисляков, С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров и многие другие — поражали и поражают способностью достаточно четко отметить различия в типах переносных жилищ кочевых народов всего мира или в конструкции очагов народов всей Европы. Наше поколение тоже может родить энциклопедистов, но прежде оно должно стать наблюдательным. Однажды, когда мой друг, кочевавший с селькупской семьей, среди ночи проснулся от истошного, похожего на хохот крика какой-то таяежной птицы, он выглянул из-за полога и увидел, что хозяйка чума стала торопливо подкидывать хворост в затухавший костер. Когда пламя разгорелось, хозяйка спокойно легла на свое место. Прошло несколько дней, но мой друг не забыл ночного костра и как бы между прочим спросил, зачем надо разжигать огонь, когда хохочет птица.

— Это смеется дух смерти, он боится огня и уходит от чума,— спокойно, буднично ответила хозяйка.

Мой друг был наблюдательным и, запомнив сказанное, собрал интересный материал об отношении людей к огню — охранителю и сородичу. Он написал любопытное исследование о магическом значении огня, который представлялся нашим предкам живым существом.

Беседа, эксперимент (соучастие), наблюдение — три кита методики полевой работы этнографа, которая опирается как на надежное основание на такт, и еще раз на такт.

Этнограф в поле. И первое, что заботит его,— как добраться до цели путешествия, до места назначения. Очень просто, если до цели достаточно купить билет. Ну, а если туда надо добираться попутным транспортом, если туда лишь случайно или по нужде летают самолеты, ходят катера, мчат олени упряжки, автомобили? И дорога, как все настоящее в жизни этнографа, начинается с людей. Люди постоянно окружают нас в нашем деле, они и приходят нам на помощь.

В экспедициях бывают такие ситуации, когда только помощь людей может выручить из беды и дать возможность закончить начатое дело. Невозможно представить полевую работу этнографа без постоянного ощущения им, как говорится, «локтя друга».

Продолжая рассказ о полевых, экспедиционных странствиях этнографов, я должен, выражая благодарность всем помогавшим нам, произнести похвальное слово знаменитой малой авиации Севера и в лице Павла Федоровича Ростовцева всем авиаторам, ставшим навсегда нашими верными друзьями и помощниками.

В плену Ратты

Долгое время в Туруханске базировалось несколько самолетов Ан-2 и группа вертолетов Ми-1 и Ми-4. Сухопутных аэродромов тогда в районе было мало, поэтому зимой у «аннушек» снимали шасси и ставили лыжи, а летом — поплавки, оставляя две-три машины на колесах. Летчики обслуживали весь Туруханский район от Ворогова до Фаркова, летали в Игарку и, случалось, прокладывали редкую трассу в соседнюю Тюменскую область, в поселок Ратта Красноселькупского района.

Летом и особенно зимой для «аннушек» радиус действия был практически неограниченным, так как много широких рек и озер имеется в этом крае. Опасность представляли летом мели, зимой торосы, но летавшие в тех краях летчики ее преодолевали. Помню, что мое знакомство с туруханскими асами началось с невольной подслушанного разговора пилота Хохлова с демобилизованным из армии бывшим летчиком-истребителем Кусумяном. Хохлов спокойно убеждал темпераментного пилота, что между реактивным истребителем и поршневым Ан-2 существует не только техническая, но и психологическая разница, что летчик-истребитель, прежде чем сесть за штурвал тихоходной «аннушки», должен познать ее психологию, проработав как минимум год на земле. «Затем, — рисовал перспективу ошеломленному летчику Хохлов, — мы проверим вас год или два в должности второго пилота, ну а потом вы научитесь летать. (В этом месте Кусумян вздрогнул). Да, летать, и вам дадут первое пилотское место».

Видимо стесняясь постороннего, Кусумян не произнес тех слов, которые вертелись у него на языке, повернулся и вышел. В сказанном не было ничего обидного

или пренебрежительного для военных летчиков. Позднее — когда я налетал энное число километров по туруханским трассам в качестве пассажира, — и до моего сознания дошла психологическая разница между реактивным и поршневым самолетами. Она заключалась в принципиальном различии скоростей, посадочных и взлетных площадок, необходимости в мирных условиях нередко рисковать во имя людей собой и своей машиной — очаровательным всепогодным северным лайнером Ан-2.

Через год мы встретились с Кусумяном на борту Ан-2, где он был вторым пилотом, а Павел Федорович Ростовцев — первым.

Так уж случилось, что у туруханских летчиков наша экспедиция (а она обычно состояла из двух-трех человек) явно числилась в любимчиках. Может быть, такое отношение объяснялось тем, что мы не могли заказать спецрейс, а терпеливо дожидались то обычного пассажирского, то почтового рейса.

Павлу Федоровичу в те далекие теперь годы было около сорока лет. Невысокого роста, поджарый, с обветренным улыбчивым лицом, чуть седеющими и уже поредевшими волосами. За плечами война и больше десяти лет летного северного стажа. Не было реки, озера, поляны во всем районе полетов, которые бы не знал Ростовцев. Павел Федорович умел заразительно смеяться, прийти вовремя на помощь молодым пилотам, причем шутя, отечески, без нравоучительных сентенций. Одним словом, он пользовался огромным человеческим авторитетом. Единственно, что могло вывести его из равновесия, — равнодушие к людям.

А как летал этот пилот! Мне несколько раз пришлось быть его пассажиром. Ан-2 спокойно преодолевал воздушные ямы, не трепыхался на встречном ветру, не плюхался с горки, когда шел на посадку, и садился так, что можно было не бояться за чемоданы и ящики, сложенные в хвосте. Никакого удалства, никакой показухи — точный расчет и мастерство. Недаром, когда наступала ответственная пора кому-то первому опробовать лед — зимой, крепок ли он уже, а по весне, крепок ли он еще для посадок, — на трассу уходил Ан-2, ведомый Ростовцевым. В таких случаях он старался обходиться без бортмеханика и летал только со вторым пилотом — все-таки полет имел определенную степень риска.

Все началось с того, что руководство Туруханского авиаотряда взяло нашей просьбе и согласилось доставить нас двоих в поселок Ратта. Этот поселок, расположенный в верховьях реки Таз, занимал особое место в жизни елогуйских кетов, с которыми мы вели работу три сезона подряд. Селькупы, жившие в Ратте и привлекающих к нему стойбищах, и кеты, жившие на реке Елогуй в поселке Келлог, когда устанавливался санный путь, съезжались на своеобразный сбор у озера Тында, лежащего на полпути от одних к другим, причем по всем уже собранным материалам эти встречи носили регулярный характер по крайней мере лет сто, если не больше. Во время встреч происходил обмен оленями и собаками, но главное — заключались браки, устанавливались длительные родственные отношения между двумя разноязыкими народами — кетами и селькупами. Кетско-селькупские браки способствовали взаимному влиянию культур, имели существенное значение для выяснения тенденций дальнейшего этнического развития как тех, так и других.

Вначале мы предполагали дождаться в Келлоге установления зимней дороги и отправиться с кетами на такую встречу к озеру Тында. План был заманчивым, но таил серьезные трудности, прежде всего финансового порядка. Для такой поездки, чтобы успеть вернуться еще в этом календарном году (тогда мы прибыли в Туруханск в августе месяце), нам надо было купить две олени упряжки (двое санок и восемь оленей) и нанять проводника на обратный путь, ведь нельзя же было заставить елогуйских кетов, которые у озера Тында проводят время вплоть до весны не в праздности, а в охоте, возвращаться вместе с нами. По самым грубым подсчетам, нам не хватило бы и двух смет на такую поездку. Подумав, мы решили, что, пожалуй, более важным будет не то, что мы сможем увидеть у озера Тында, а то, что мы сможем найти у раттовских селькупов как отражение результата долголетних брачных связей с кетами (кетскую культуру мы уже достаточно хорошо представляли). Следовательно, необходимо было попасть в Ратту — центральный поселок — и поработать там месяца два, объездил как можно больше стойбищ.

Чтобы не очень обременять наш бюджет, друзья авиаторы предложили вариант: мы добираемся до Келлога катером, работаем там до октября, а когда станут реки, в Келлог придет рейсовый самолет, заберет нас и

сделает прыжок на реку Таз к поселку Ратта. С нас возьмут только за время перелета от Келлога до Ратты, что меньше полетного часа, да за посадку в неизвестном месте. Все будет стоить не так уж много. Вариант нас полностью устроил.

Ратта — самый отдаленный поселок Красноселькупского района. Самолеты сюда не ходили, если не случалось необходимости в санитарном рейсе. Самолеты редко прилетали и в Красноселькуп. Весной по большой воде один раз в год заходил небольшой теплоход и привозил продукты, товары. С райцентром поддерживалась радио- и телефонная связь. Если нужно было выехать туда зимой, то запрягали оленей (ехали две недели, иногда больше), а летом ходили на лодках по реке Таз.

Еще в Туруханске мы условились, что после 25 ноября дадим знать об окончании работ и будем ждать самолет. Я обещал заранее приготовить площадку — проверить лед, поставить вешки. Казалось, все обговорено и для беспокойства не было причин.

Больше месяца мы пробыли в Ратте, съездили на стойбище, пожили в зимних землянках, ходили подледно ловить рыбу. В двадцатых числах ноября уже ударили сильные морозы. Температура падала ниже 40 градусов. Когда очень сильный мороз, надо чаще проверять сеть, которая стоит подо льдом, а то может так прочно заморозить специальные лунки, что не пробьешься до воды и погубишь и сеть, и рыбу. В подледном лове есть свои особенности. Сеть опускают в воду, когда еще нет льда или когда он еще не такой толстый и можно, пробивая через короткие промежутки лунки, протащить ее с помощью палки с берега на берег. На обоих концах сети у берега ставятся толстые лесины, к ним крепятся концы сети, а вокруг лесин пробивается широкое отверстие. Когда приходишь выбирать сеть, то к одному концу привязываешь длинный кляч — веревку, а с другого конца выбираешь ее. Конечно, надо пешней пробить лед, затянувший лунки, и вычерпать его черпаком. Пойманную рыбу вынимаешь из ячеек и бросаешь на лед. Если мороз в 40 градусов, то рыба замерзает мгновенно, из такой рыбы самая вкусная строганина.

В Ратте мы подружились и с группой русских учителей, работавших в здешней средней школе-интернате. Они-то и принесли ту весть, что наша телеграмма о присылке самолета не была отправлена. С конца но-

ября над всем районом стояла магнитная буря, она сбивала все радиоволны и мешала наладить устойчивую связь с райцентром. Десять дней работники почты и мы вместе с ними сидели у ревущих всеми голосами космоса радиоприемников и радиопередатчиков и не могли выйти на связь ни с Красноселькупом, ни с Туруханском.

То, что творилось в атмосфере, показали разнообразные озаряющие наступившую полярную ночь сполохи — северное сияние. Зрелище было монументальным. В центре иссиня-черного неба вспыхивало огненное кольцо, от него во все стороны бежали зеленовато-белые лучи и на длительное мгновение застывали, уподобляясь куполу Исаакиевского собора. Северное сияние гасло, наступала звездная темнота, и затем вновь, но уже как горная гряда оно появлялось на небосклоне.

Мы бродили по льду реки мимо тщательно расставленных вешек и посадочных флажков и поражались тишественной игре светильников вселенной. Неожиданно небо потемнело, пошел снег. Нас позвали с берега. Радист так и не сумел выйти на Красноселькуп или Туруханск, но зато вышел на Москву. Еще одно чудо техники. Торопясь, мы составили телеграмму в институт и довольно спокойно попросили дирекцию связаться с туруханским аэропортом, чтобы нас вывезли из Ратты.

Два дня шел снег, и два дня, а затем еще десять дней не было возможности пробиться в эфир. Радиоприемники ловили чьи-то отчаянные просьбы прислать санрейс, а через сутки благодарность за помощь. Кто-то услышал, кто-то сумел пробиться. Может быть, и нам повезет. И опять поздно вечером (хотя уже было бесполезно отмечать, где ночь, где вечер: было 25 декабря, и на светлый день полярная ночь оставляла всего чуть больше двух часов в сутки) мы спустились на лед реки, чтобы проверить вешки.

Выпавший днями снег лежал ровным слоем. Ночная мгла почему-то исчезла. Что-то изменилось.

Мы посмотрели вокруг и увидели, что снег испускает колеблющийся чуть голубой свет. Голубой свет на угоре, на крышах домов, на льду реки. Его легкое, какое-то нежное свечение разорвало полярную мглу. Я зачерпнул снежные пушинки рукавицей, они продолжали источать голубой свет. В этом непонятном чуде природы наши лица стали какими-то бледно-голубыми. Было не только удивительно, но и немного странно.

Мы молча вернулись в свою обитель — местный медпункт и прикинули наличные средства на случай ожидания того единственного теплоходика, который придет поздней весной по большой воде. Наши ресурсы были невелики, но мы не унывали, так как находились среди людей, которым могли быть полезны и которые не покинут нас.

Мы не получили ответа из Москвы. Связи не было ни с кем, и оставалось с пользой продолжить работу. Единственное волнение доставляло возможное беспокойство наших близких из-за двухмесячного молчания. Собственные тревоги улетучились. Поэтому мы не сразу сообразили, что в тот краткий промежуток светлого дня 27 декабря, когда термометр показывал минус 51 и по инструкции Ан-2 летать не мог, на лед Таза сел самолет. Веселый голос Павла Федоровича, долетевший с реки, вернул нас к действительности: «Скорее, я прилетел!»

Быстро побросали кое-как вещи в рюкзаки. Друзья-раттовцы, уже прибежавшие к нам, подхватили спальные мешки, и мы помчались под гору, к самолету. Ростовцев размахивал руками и смеялся, а бортмеханик бил колотушкой по лыжам, чтобы они не примерзали ко льду. Мороз надолго мог задержать в своих объятиях и машину, и экипаж, и всех пассажиров, а в Ратте даже не было запасного горючего. Ростовцев торопил нас и не дал толком попрощаться с Раттой и ее людьми.

— Не сердись, но на исходе светлый день, мы не успеем в Верхнеимбатское, — объяснил Павел Федорович и поднял машину в воздух.

Отдышавшись, мы увидели четырех пассажиров, которые с любопытством смотрели на нас.

До Верхнеимбатского нам не удалось поговорить с Ростовцевым: он летел без второго пилота и не отрывался от штурвала.

Когда в Верхнеимбатском мы покинули самолет и отправились все вместе к дому пилотов, Ростовцева звали к рации. Он успел, хитро улыбнувшись, предупредить меня, показывая на дом.

— Смотри, как бы ребята вас не побиили.

Я распахнул дверь и поразился обилию знакомых лиц. Здесь были Кусумян и Ермолаев, здесь были почти все остальные экипажи самолетов. Что случилось? На нас смотрели сердито и отчужденно, как на гостей,

явно задержавших застолье. Оказывается, им было за что сердиться. Из-за нас Хохлачев с экипажем живет в этом малопригодном помещении вторую неделю, другие — десять дней, неделю, пять дней. Что за наваждение? Но отчуждение прошло быстро.

Первым заулыбался Ермолаев, и вскоре кто-то заметил:

— И все-таки Пал Федорович сумел их вытащить, вот ведь чертяка!

Смешного ничего не было в этой фразе, но все хором рассмеялись и с юмором рассказали о случившемся.

Еще до нашей телеграммы в Москву президент Академии наук обратился в Туруханск с просьбой вывезти нас спецрейсом из Ратты. И вот экипаж за экипажем в разные дни вылетали к нам, но никому не хватило светлого дня долететь до Ратты, и они вынуждены были приземлиться в Верхнеимбатском. Попытались лететь и из Верхнеимбатского, но тоже не хватало дня. Либо трассу знали плохо, либо встречный ветер мешал. Не долетев к нам, они не смогли вылететь и в Туруханск там мороз ниже 50 градусов и ветер тянет дым из печей поселка на летное поле; дым закрывает поле, и прожектора не могут пробить его. Короче, Туруханск не принимает. Начальник аэропорта ждет перемены ветра. Если не переменится, то попросит жителей полдня не топить печи. Хотя температура севернопольная!

Ростовцев полетел в Келлог за учителями и договорился, что если светлого дня хватит, то уйдет за нами в Ратту, и ушел, рискнув с пассажирами сесть в незнакомом месте.

Утром нас разбудил возбужденный Кусумян:

— Везучие вы, Туруханск открывают, вставайте!

Один за другим поднимались с летного поля Верхнеимбатского самолеты и шли на север, в родной Туруханск. Шла мощная малая эскадрилья. Мы летели с Ростовцевым, он поднял самолет последним, так как надо было заклепать лыжу. Оказывается, когда мы ушли в дом, а он пошел на рацию, его попросили слетать вверх по Енисею, где в ста километрах от Верхнеимбатского находился раненый охотник. Охотнику нужна была срочная операция, в Верхнеимбатской больнице находился районный хирург. Светлый день кончался, и самолет приходилось сажать среди торосов почти в темноте. Ростовцев посадил самолет, взял раненого, до-

ставил в Верхнеимбатское и только утром заметил, что несколько повреждена правая лыжа. Наш самолет поднялся последним, но прилетели мы первыми. Павел Федорович либо знал какой-то особый секрет, либо лучше других понимал небо и ветры.

Сейчас Павел Федорович работает пилотом-наставником в Енисейске. Он покинул Север, но остался верен Енисею, Красноярскому краю.

Встречи в пути. Сколько их уже было на длинной дороге экспедиций. Мимолетные, случайные и самые дорогие — незабываемые. Из незабываемых встреч — Павел Федорович Ростовцев, Геннадий Михайлович Хохлов, Мария Яковлевна Витковская и многие другие, чья дружба и помощь позволили сделать порой невозможное или, точнее, непосильное с первого взгляда.

Помощь самых разных людей — большая радость «дорожного» человека, как называют путника в сибирской тайге или алтайских степях. Этнографы сполна пользуются такой людской щедростью. В экспедиции, где привычный быт и ритм жизни сменяются заботой о выполнении задуманного плана работ, где существует одна цель и ей подчинено все, нет ни свободных от работы часов, ни выходных дней. В экспедиционной жизни могут и появляются такие мгновения, которые становятся сенсацией дня и года.

Мгновение остановленного внимания на необычных по форме бронзовых бляшках узды алтайской лошади позволило обнаружить отчетливую преемственность в украшении конской сбруи древними телеутами и современными алтайцами.

Мгновение ответа на вопрос о смысле услышанной легенды через много дней позволило сделать маленькое, но очень важное для истории кетов открытие.

В сибирском шаманстве был очень широко распространен культ почитания различных птиц — покровителей шамана. У одного народа такими птицами были журавль и гусь, у другого — гагара, у третьего — лебедь, у четвертого — орел или ястреб. Шаманы принадлежали к тому же роду, к которому относились и слушавшие их камлания, лечившиеся у них, то есть их сородичи. Может быть, в шаманских птицах-покровителях отразились самые ранние представления человека о его связи с живой и мертвой природой. Именно в

природе человек искал своих предков, или, как говорили индейцы Северной Америки, своего «тотема». Тотемами у индейцев Северной Америки были бобры и волки, вороны и косатки, у жителей монгольских степей — конь и беркут, у притибетских народов — тигр, як или сосна и каштан, у енисейских кетов — лебедь и гагара. Лебедь и гагара не только птицы-предки, но и главные шаманские птицы кетов. И по сей день те, чей род в прошлом был порожден лебедем, не будут есть лебединое мясо, как бы ни были голодны. Не будут бить и есть гагару те, чьи предки якобы вели свой род от гагары.

Именно с шаманской птицей гагарой и была связана легенда, подарившая нам мгновение открытия. Легенду рассказал нам старейший из кетов поселка Пакулиха Михаил Михайлович Дибиков...

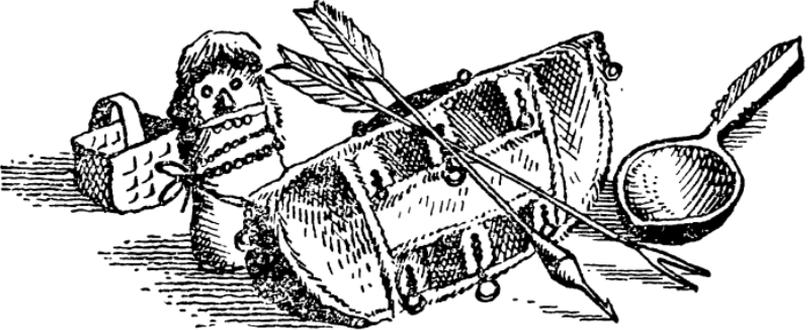
Легенда о Дохе

...Очень давно, когда только земля народилась и появились люди, много кетов жило на обширном просторе. Там много было рыбы в озерах и реках, много проходило дикого оленя по весне и осени, много росло берез, кора которых шла на изготовление тисок — покрывал для чума, и много гладкоствольных осин, из которых долбили лодки-ветки. Люди из поколения в поколение жили на тех местах. Им было хорошо. Но наступил год, когда пропала рыба. Пришел год, когда погибли березы. Однажды высохла и сгорела осина. Дикий олень в страхе переменял тропу. И тогда пошли обессилевшие от голода люди к великому шаману Доху и стали просить его спасти народ. Ничего не ответил шаман. И трижды к нему приходили люди и просили спасти живых. Разжег костер шаман. Нагрел свой бубен, вскочил на него и унесся к небу. Вернулся с неба Дох и так сказал кетам:

— С утра я поведу вас на новые земли, но пусть никто не посмеет взять с собой что-нибудь старое из одежды или утвари.

Так и поступили люди. Только жена самого Доха спрятала в свои санки старую деревянную колыбель, в которой после года со дня рождения спал ее первенец.

Все оставшиеся в живых собрались вместе. Мужчины и женщины в одежде из новых шкур, с новыми туесками из бересты, с новыми нарточками. Нарточки тянули

сами люди, только у семьи Доха были олени. Появился Дох с женой и семилетним сыном. Ударил великий шаман в бубен, запел. Опустилось с неба большое облако, и все взошли на него. С облаком люди поднялись на первое небо, увидели землю, где росли маленькие березки, и не захотели остаться там жить. Поднялись на второе, третье, четвертое небо. Видели много разных земель, где березы были выше, чем на первом небе, где в реках появилась рыба, а меж деревьев лежала оленья тропа. Кто-то оставался жить на тех землях, но многие просили Доха поднять их выше. Они надеялись, что великий шаман приведет на самую прекрасную землю, где всего много. Поднялись люди на пятое небо, то была пятая земля с березами и осинами, с рыбой в озерах. Но какими-то тонкими были деревья, и захотел сам Дох поднять людей выше. Вдруг появился гром. Он испустил огонь, загорелись деревья, и выхватил тогда копьё Дох, и успел поразить гром, но древко копья сломалось. Разгневался Дох и крикнул:

— Кто старое прячет, люди?!

Но никто из людей, кроме жены Доха, ничего старого не прятал, а жена испугалась сказать правду. И Дох поднялся на шестое небо, с ним ушло много народу, хотя кто-то остался и на пятой земле. На шестом небе была шестая земля с огромной рекой и маленькими реками, впадающими в нее. Здесь было уже хорошо, и люди захотели остаться здесь. Они стали ставить чумы, но вдруг появился опять гром. Он был больше прежнего. И опять в огне сразился с ним Дох и победил его, но сломал древко второго копья. С гневом Дох покинул людей и только с женой и сыном умчался на седьмое небо, на седьмую землю. Великий шаман думал, что люди прячут старое и обманывают его, но обманывала его жена. На седьмом небе была седьмая земля, где всего было вдоволь, только деревья стояли железные. Но взмахнул посохом Дох, и стали деревья наполовину железные, наполовину обычные. И хотел было позвать людей Дох, но появился самый огромный гром. Загорелись деревья. Поднял последнее копьё Дох и пошел на гром. Испугалась жена, хотела было выкинуть колыбель, но было поздно— сломалось копьё, и огонь сжег жену и санки. Он не мог уничтожить Доха, который не знал смерти, но мог убить его сына. Дох превратил сына в гагару, рассек небо и бросил в дыру, наказав ему опуститься на сосновом бору, или лбу, у

реки, что течет в огромную реку, и остаться с людьми.

Падает сын Доха, видит сосновый лоб и опускается около него на реку. Бегут люди, поднимают стрелы, что-то говорят; очень похожи их слова на кетские, но не понятны. Кричит сын Доха, что он не гагара, а человек. Но те люди его не понимают и пускают стрелы. Люди убили сына Доха, бывшего в обличье гагары, и съели. Все те, кто ел, тотчас умерли.

И не стало тех людей, которые говорили похоже, но не так, как говорят кеты. Да и прозвание тех людей было иное — юги.

«Теперь нет такого народа, а мы не едим гагару», — закончил повествование о Дохе и его сыне Михаил Михайлович Дибиков.

Мы запомнили легенду и, главное, новое имя народа — «юги». Так, по мнению исследователей прошлого столетия, назывался древний народ, который был в отдаленном родстве с кетами.

Через несколько месяцев мы прибыли в поселок Ворогово, что стоит на левом берегу Енисея, чуть ниже правобережного станка Атаманово. Сколь примечательны эти названия! Они сохраняют память о тех давно прошедших днях, когда по сигналу с высокого берега у Атаманова ушкуйники устремлялись на захват купеческого каравана. Местом пребывания ушкуйников и было Ворогово. От тех, видимо, дней осталась своеобразная планировка усадьбы русских старожилов, напоминающая маленькую крепость с глухими и толстыми воротами и стенами.

Нас в Ворогово привело сообщение о существовании особой группы местного населения, имеющей самую распространенную фамилию Латиковы, которая считалась в старинных списках «инородческой». Мы были уверены, что они как-то связаны с историей кетов. Наши предположения могли бы не оправдаться, если бы мы ограничились лишь изучением домов, одежды, орудий труда Латиковых, не отличающихся от сибирско-русских. Мы пошли дальше — разыскали и разговаривали самых старых Латиковых и услышали... латиковский вариант той же легенды о сыне Доха. Но что было самое отличительное в этой версии, так это заключительная часть. Латиковы рассказывали конец ле-

генды так, что именно их предки убили сына Доха, превращенного в гагару. Как же так? Его ведь убили юги?

— Наши отцы и деды,— сказал старый Матвей Латиков,— говорили, что до прихода русских они уже жили в этих местах по речке Сым и их называли югами.

Сказано было просто, буднично, хотя было сказано о сенсационном открытии потомков, казалось, уже исчезнувшего народа. Юги — народ, в далеком прошлом входивший в одну с предками кетов кето-котскую этническую общность. Этот народ мог бы помочь раскрыть загадку современной языковой обособленности кетов. Жаль, что мы приехали слишком поздно. Процессы естественной ассимиляции с окружающими народами зашли у потомков югов столь далеко, что нам удалось собрать всего несколько десятков югских слов. Да, мы действительно приехали поздно: наш приезд задержался не менее чем на два столетия. Мы не теряли надежды восстановить по еле заметным сохранившимся в Ворогове особенностям югской культуры какие-то вешки на пройденном кетско-югском пути. Не удастся нам — удастся другим. Таков принцип работы этнографа в поле.

В легенде о сыне Доха, однако, нас смущало одно обстоятельство: как мог летящий в гагарьем обличье явно кетоязычный сын Доха оказаться на сосновом лбу, занятом югами? Вряд ли великий Дох мог не знать об этом факте (следует допускать волшебную проницательность этого персонажа кетского эпоса), либо в бассейне Енисея должны быть два сосновых лба, о чем знали древние и что выпало из легенды у современных кетов. И мы узнали, что на самом деле есть два сосновых лба — один в югской земле, другой в кетской. Кетский сосновый лоб оказался овечьим своеобразной славой.

В поисках Соснового лба

«Старое стойбище», «старая застройка» — по-разному называли сосновый лоб — высокий выступ гряды холмов наволочной стороны Енисея — сургутинские, пакулихинские кеты и дальние их соплеменники на севере, у берегов Курейки, и на юге, у Подкаменной Тунгуски.

В половодье столетние сосны свысока смотрят на верхушки затопленных берез, елей и горделивых кедров, вынужденных ютиться у подножия лба. Сосны, как солдаты, захватившие господствующую вершину, удерживают свои позиции, и только исполинская, в три обхвата лиственница допущена ими на открытую поляну у самого края. Этот край обращен к далекому восточному берегу Енисея.

Лоб обширен, и, как всегда в сосновом бору, деревья не липнут друг к другу, а щедро делятся землей, питающей корни, и лучами солнца, насыщающими хвою леса. Здесь просторно и чисто.

В жаркий полдень летом в мягком плотном ковре опавшей за столетие хвои гложет шум шагов. Разросшиеся вершины создают тенистый шатер. Пожалуй, и в сильный дождь редкая капля падает на землю.

Зимой, когда снег по низким местам наваливает огромные сугробы, на лбу малоснежно и легко развернуть оленью упряжку меж деревьев.

Западный склон лба более пологий. Здесь сосны, сбегавшие вниз, задерживаются перед небольшим, но глубоким и прозрачным озером.

В озере много рыбы: сиг, пелядь, чир, окунь и щука. Иногда по неширокой извилистой Мамонтовой речке, вытекающей из озера и впадающей в приток Енисея, заходят осетры. У толстой лиственницы в самый большой мороз не замерзает родник.

Вода, рыба, не затопляемая в половодье земля, сосны — где этот обетованный край, почему он назван Старым стойбищем?

Тот, кто говорит нам о Старом стойбище, машет неопределенно то на север, то на юг. Рассказ о нем мы слышали на многих кочевьях и стойбищах. Он похож на легенду, повторенную, как эхо, рассказчиками из разных мест.

Окажись рядом с ним — и все будет знакомым. Но наша экспедиция не видела этот край, где все нужное таежному охотнику и рыболову совместила природа.

Двести, триста лет подряд, из поколения в поколение люди, ценя редкий дар природы, селились там.

И вдруг они покинули лоб. Не только покинули, но и навсегда увели вдаль от него тропы и дороги. Неужто лишились люди разума, что перебрались в места, где нет такого изобилия рыбы, где надо спасать жилье от воды, а зимой рубить просеку для оленьих упряжек?

Никто не отвечает на эти вопросы. Что же там сейчас? Рассказчики с еле уловимым сожалением возвращаются к давним дням: «Прежде людей там много жило. Утром новую парку, что мехом наружу, надеваешь, а к вечеру нет меха, одна роздуга осталась. О людей мех вытер. Вот сколько народу было. Теперь там гагары и орлы из дерева, много, сильно много. Они всюду, под каждой сосной, пожалуй. Шаманов хоронили! Правда, не на самом стойбище, рядом. А вот лет двадцать пять назад большого шамана Сенебата с Печальки там зарыли».

Шаман с Печальки... Пожалуй, только старики знали его настоящее имя, ну а те, кто помоложе, называли шамана просто — Сенебат (что значит «старик шаман»).

Сильным шаманом был Сенебат. Казалось, что силу его ничто не может сокрушить. Здесь, в глуши, долгое время его слово было законом, его поступкам подражали, его объяснениям окружающего мира верили беспрекословно.

Сенебат со своим могуществом был прошлым этого маленького народа, обреченного царскими сатрапами на вымирание. В этом прошлом — вечные спутники кета, охотника и рыбака: невежество, голод, болезни и постоянный страх перед неведомыми явлениями природы. Короткие парки из оленьей шкуры, надетые на голое тело, не могли согреть охотника, застрявшего в зимней ночной тайге. Не грел его и костер, чадивший посреди чума. А много ли могли помочь больному песнопения шамана, склонившегося у изголовья?

Проходили годы, десятилетия, столетия. Мать рожала ребенка, но не видела, как он начинал ходить. Дети умирали от чахотки. Постоянно холодно было в чуме, поставленном прямо на снегу и защищенном от злых сибирских метелей лишь тонкой берестяной покрывкой. Всегда сырой была одежда

От мучительной, беспросветной жизни люди искали забвения в шаманских песнях, призывных звуках бубна, неистовом шаманском танце. Люди боялись шаманов.

Сенебат был силой и властью прошлого. Он стоял между своими людьми и пришельцами, несущими новую жизнь в затерянные таежные стойбища.

Нужно было обладать мужеством, чтобы пойти против шамана, и наш старый знакомый Дагай, смелый,

удачливый охотник, много лет назад первым сделал это.

Более четверти века назад юноша, совсем еще мальчишка, Дагай восстал против шамана, против старого света. Бессильный остановить новое, Сенебат ушел из жизни, кончив жизнь самоубийством.

Шаман умер более тридцати лет назад. Многое изменилось с тех пор: новые дома, поселки, современное оружие. Изменились люди. Кеты овладели специальностями пилота, радиста, моториста. Кеты-охотники получили восьмилетнее, а то и среднее образование. Есть среди них солдаты, прошедшие войну, кавалеры орденов и медалей!

Почему же люди не возвращаются на Сосновый лоб? Вновь задаем вопрос. И снова недоуменно пожимают плечами: «А кто знает? Разное говорят...»

— Что говорят?

Пытаемся растормошить рассказчика, но он невозмутимо берет кружку с черным как смола чаем и в лучшем случае повторяет: «Разное говорят...» Разговор исчерпан.

Так повторяется и на южных станках у Подкаменной Тунгуски, и на Елогуе, и в Пакулихе, и на севере, на берегах Курейки.

Сосновый лоб, первоначально отмеченный в наших записях как одно из мест древнего поселения, постепенно отвоевывает страницы, захватывает внимание, мешает сосредоточиться на чем-то ином.

Должна же быть какая-то логика, какой-то смысл в том, что было покинуто старое стойбище?

Страх! Дагай первым произнес это слово.

Он стоит, рослый, плечистый. Черные, с еле заметной сединой жесткие волосы зачесаны назад, и поэтому его худое, длинное лицо с выступающим орлиным носом, с резко очерченными скулами и подбородком кажется точеным. Он отрывисто бросает:

— Люди боятся.

Дагай удивленно смотрит на наши разочарованные лица. Мы ждали какого-то иного, более материального, что ли, объяснения.

— Страх,— повторяет Дагай,— перед шаманскими душами. Стариков страх преследует. Молодые той дороги не знают.

Было время — умирал человек, и его родичи, не понимая, что произошло, долго ждали пробуждения.

Смерть считали сном, но только слишком затянувшимся, и орда бросала мертвеца: ей нужно идти дальше. Никто не плакал, никто не боялся «уснувшего». Древние не осознавали еще тяжести утраты.

«Уснувший» продолжал жить, но где-то в другом месте, и заботливые руки оставляли около него еду на первый случай, оружие и орудия труда, чтобы он смог добыть себе пищу. Люди не боялись мертвых.

Призрак смерти, страх перед мертвецами появился тогда, когда древние люди стали объяснять непонятные события злыми и добрыми поступками мертвых.

По их представлениям, «уснувший» — мертвый человек — чаще всего приносил зло. И появляется культ умерших. Живые приносят им жертвы, спешат умоливать их, просят защиты, но не надеются на то, что мертвец останется доволен своей участью. Они роют глубокие могилы, заваливают их после погребения камнями, сколачивают гробы из толстых досок, кладут каменные плиты, мертвеца связывают по рукам и ногам — теперь он никогда не выйдет к живым!

Живые понимают разницу между жизнью и смертью и начинают бояться смерти. Сны нет-нет да и «воскрешают» умерших. Но как мог (из такой глубокой ямы!) явиться умерший? Древние не могут объяснить этого. В жизнь человека вторгаются духи и души, вползает суеверие.

Жутко на шаманском кладбище в тайге. Чем могущественнее был шаман, тем больше деревянных гагар и орлов над могилой, а кругом тайга с голосами кричащих и плачущих ночных птиц, с сердитым в ночи урчанием ручьев и рек на перекатах, с тяжелым дыханием леса под порывами ветра.

...Мы ждем продолжения, а Дагай вопросительно смотрит на нас. В обычае кетов не говорить больше того, что тебя спрашивают. Я задаю вопрос:

— Кто разрешил делать кладбище на месте жилья? Ведь такое не в обычаях вашего народа?

— Сенебат не только большой шаман был — умный, вредный враг был. Раньше других понял: конец его власти пришел. Смертью своей мстить захотел. Наш обычай — шаманов хоронить там, где Сосновый лоб. Прежде, очень давно, там всегда хоронили, но не на самом стойбище, а за ручьем. Сенебат на земле стойбища велел себя хоронить.

Дагай внимательно посмотрел на нас, задумался и продолжал:

— Много лет после смерти шамана прошло. Никто из наших людей той дорогой через Сосновый лоб не ходил; никто из нас сети в озеро, где рыба косяками плавала, не кидал; на соснах каждый год шишки появлялись — лишь проходная белка там зимовала.

Много лет там на снегу только легкие следы белки да боровой птицы были: никто не прокладывал там широкую охотничью лыжню. Никто. Там духи шаманов жили. «Злых шаманов», — говорили пугливые люди. Недаром двухметровую яму шаманам роют и толстые плахи — половину кедрового ствола — сверх колоды с покойником кладут.

У нас кладбище своих родичей не принято посещать. После похорон последний, идущий по тропе, не оглядывается, поперек тонкий прут бросает и приговаривает: «Чтобы нам никогда этой дорогой не ходить».

Люди хоронят близких и не возвращаются к их могилам. Родные сами к живым придут — в обличье медведя придут. Наш обычай такой, и мы на свои кладбища не ходим, особенно на кладбище шаманов — злых шаманов.

Дагай медленно отвел упавшую на глаза седую прядь волос.

— Был случай до войны еще. Охотник Чуй пошел белковать на Сосновый лоб. Много белки там добыл. Много больше других охотников. Но умер по дороге на факторию. Все согласны были: он от болезни умер. Давно он болел. И все знали об этом. Но по чумам ходили старики, нашептывали: «Зря на лоб ходил, Сенебат его задрал». «Чуй зря пошел. Мы не ходим, где мертвые!» — так говорили многие.

Я над ними посмеялся и всем сказал: «Летом избу, которую для нас русские поставили, подправлю и зимой на лбу жить буду». Парни моих лет сказали: «Вместе пойдем!»

Летом мы вместе пошли, но пошли далеко — пошли на войну.

Молодые — на фронте, в стойбищах старики и бабы остались. Старики боялись, они в шаманов и духов еще верили. Железные печи прогорели, новых никто не делал — война. Как прежде, в чумах стали костры разводить. Прошлое вновь над людьми нависло, и кто-то вновь начал шаманить.

Нас, фронтовиков, было мало, но мы вернулись другими людьми, столько всего увидели, сколько старики и древние шаманы не видели. Теперь, когда мы вернулись, никто не посмел шаманить. Но в эти годы страх перед лбом держался. Никто туда не ходил.

И тут Паша Зуев, хозяин избы, в которой мы остановились, резко вставил:

— А ты? Ты не боишься? Переночуй там, чего по другим местам шатаешься?!

Дагай равнодушно сосет пустую трубку и нехотя отвечает:

— И ночевал бы, да могила матери рядом. Мы на свои кладбища не ходим.

Дагай медленно поднялся. Паша остановил его:

— При чем здесь мать? Не обижайся. Я ваш обычай знаю, но ты ведь бойкий человек. Старовера Терентия с Имбака знаешь?

— Что же, знаю. Его небылицу о лбе расскажешь?— усмехнулся Дагай.

— И расскажу,— запальчиво ответил Паша и, обращаясь к нам, продолжал:— Как-то осенью Терентий очутился около лба. Поднялась метель. Он ехал на собаках. Разыскал уцелевшую избушку, там думал переждать метель. Ночь наступила быстро. Окна были без стекол тогда. Скрипели половицы.

Устроился Терентий в маленькой комнате, отгороженной тонкими досками от большой. После полуночи скрипнула половица. «Наверное, собака»,— подумал он. Затем кто-то затопал. Он вздрогнул, смотрит — все собаки около него, шерсть дыбом. За стеною голоса, звон подвесок — шаманы пришли...

Паша рассказывает, а я представляю себе, что может показаться человеку во вьюжную ночь, когда с пронзительным скрипом трутся ветви деревьев, дрожат стены ветхой избенки, а сквозь плохо прикрытую дверь порывисто дует ветер. В безветренную погоду тайга не бывает молчаливой: где-то вскрикнет птица, где-то треснет сучок, упадет шишка, зашуршат листья. Сколько же голосов добавляет тайге ветер! И как многоголоса она в метель!

Голос у Паши дрожит, переходит в шепот, а глаза совсем пропали, только изредка испуганно вытаращатся и спрячутся под веки.

— Терентий крикнул... За стеной: «Ук-ук, ха-ха!» И громче подвески дзинькают. Шаги к его комнате при-

ближаются. Терентий вскочил и не оглядываясь бросился прочь из дому. Собаки выбежали следом. С трудом запряг собак, и в ночь, в метель — подальше от лба. Тридцать километров проехал, прежде чем на людей наткнулся. Заскочил к кому-то в чум, всех перепугал. Отдышался и все рассказал людям.

Паша замолчал. Я ловлю себя на том, что чему-то удивлялся во время рассказа. Удивляла искренность. Паша верил, что говорит правду. Неужели даже он верит всей этой чертовщине?

— Дагай, ты слышал такой рассказ? — спрашиваю я.

Дагай мрачно смотрит на Пашу и, толкнув дверь, роняет:

— Слышал, но не верю. Такого не было. Павел тоже боится... Я вам говорил. Страх Сосновый лоб прячет.

Стукнула дверь. Обиженный хозяин кричит вслед:

— Ты знаешь туда дорогу, да Терентий!

Выясняется одно: на лоб никто не ходит.

Кому-то надо идти туда, надо вернуть его людям.

Надо идти нам!

У Енисея не обычные два берега — правый и левый, у Енисея две стороны — каменная и наволочная. На каменной стороне — огромные валуны, высокий берег — угор и большие кедры и сосны. Наволочная сторона значительно ниже, почти пологая, заросшая тальником. Когда спадает весенняя вода, на наволочном берегу остаются стволы деревьев, застрявшие в кустах, и придавленный волоком половодья тальник.

Четыре года подряд я вновь встречаю здесь весну. Вижу таяние снега, ледоход, первые цветы черемухи. В конце апреля в Красноярске — весна и красные пионы на лотках и в корзинах, а у нас, в Туруханске, через четыре летных часа — минус 20 градусов, кристаллический снег на солнце и одетые в шубы люди.

Четвертый полевой сезон экспедиция работает в Туруханском районе, раскинувшись на многие сотни километров по Енисею, по его притокам.

Мы изучаем культуру и быт кетов. Никогда у этого народа не было письменности. Никто еще не составил его истории. Никто еще даже не знает, откуда он появился в этих местах.

Новая жизнь здесь в корне изменила вековой быт. Радио, газеты, самолеты — сегодня это такие же привычные понятия, как парка или нарты.

Мы живем одной жизнью с кетами. Нашим домом становится их островерхая, покрытая берестой хижина — чум или брезентовая палатка. Мы вместе с ними уходим в тайгу на охоту и к озерам за рыбой.

Кеты, веками живущие в тайге, сначала не могут понять, зачем кому-то надо знать об их нартах и одежде из оленьих шкур — парке, о шаманах из забываемого прошлого, о легендах и преданиях их старины. Необычное для нас им кажется привычным, а многое отжившим.

Но здесь люди привыкли к работе, и, хотя наши вопросы вызывают улыбку, им приятно, что разговор идет о них, об их народе, и они уважают этот непонятный, но, вероятно, очень нужный «верховским» труд. «Верховские» — это люди, приехавшие с верховьев Енисея.

На станке — так называют здесь селения, разбросанные по енисейским берегам (через тридцать — сорок километров делали первые русские поселенцы и кандалные ссыльные остановку — стан, и на месте этих станов выросли большие и маленькие поселки — станки), — обычная летняя жизнь. С утра колхозники ездили проверять сети. У каждого рыбака свое привычное место. Прежде такие места были у каждой кетской семьи, их наследовали дети. Сейчас по традиции сохранились названия самых удачных мест лова.

В тридцати километрах от станка, вверх по реке Пакулихе, — такое место у Дагая.

На большой лодке Дагай привозил свой улов, ему помогал рыбачить сын Токуле.

Юного Токуле мы не видели: он все лето жил на угодые в шалаше из гнутых прутьев, покрытых берестой. Вообще сейчас в поселке мало народа. Из колхозных рыбаков двое — Павел и Дагай, остальные с семьями ушли на Енисей неводить селедку, осетров и стерлядь. Шла путина.

Наш отряд прибыл сюда из Ворогова сознательно. Именно здесь мы впервые услышали в легенде о Дохе о Сосновом лбе. Здесь нашим поискам кетского Соснового лба (югский, мы уже знали, находился на реке Сым) мог помочь Дагай, который знал об этом клочке «обетованной земли». Что и говорить — найти старинное стойбище и старинное кладбище было заманчиво для этнографов и антропологов!

Нас в отряде пятеро. Пять разных людей. Женя — начальник отряда, самый большой специалист по исто-

рии и этнографии кетов. Она никогда не раздражается, если я или кто-нибудь другой что-либо делаем не так. Чаще всего она переделывает сама, если еще что-то можно переделать. Илья держался степенно: он был нашим главным и единственным антропологом. И я и Женя были виноваты в том, что Илья оказался здесь. Мы убедили его, что открытие первой серии древних кетских черепов — достойный вклад в науку. Пока такого открытия не произошло, и Илью раздражала наша задержка на станке. Всегда спокоен и бодр был самый молодой член экспедиции художник Саша Козлов. Четвертым членом отряда была переводчица Клава Бальдина — культработник из Келлога, самого большого кетского поселения. Она умела удивительно искусно строить наш таежный быт. Пятым участником отряда был я.

Мы рассчитывали, что Дагай пойдет с нами на поиски Соснового лба, но он серьезно и надолго заболел. Когда мы навестили его в медпункте, он просто сказал:

— Вам пора идти на лоб. Завтра идите. До моего рыбачьего стана дойдете, там мой сын Токуле вас ждет. Он проводит.

...Все готово для похода. Нам дали колхозную моторную лодку.

С утра задул южный ветер. По многовековым наблюдениям он приносит ненастье — дождь или снег. Выяснивает небо, как правило, сивер. Тучи сгрудились над поселком, и вдалеке уже повисли дождевые полотнища. На реке, сжатой высокими берегами, только на северной стороне заметное волнение.

Дождь некстати, но все собрано, все в сборе. Откладывать отъезд невозможно. На берегу появляются старики. Скоро в домах никого не осталось. Любопытство и тревога привели людей на берег. Они провожают нас: им безразлично, куда пойдут «верховские».

В суматохе, беспокойстве мы не обратили внимания, что все эти дни не появлялась переводчица Клава. Ее нет сейчас с нами, нет на берегу. Мы сидим в лодке, ждем ее. Она должна прийти.

К нам спускается дед Лукьян.

— Клаву не ждите. Старики ее отговорили. Не нужна она. Токуле ваш язык лучше, чем она, знает. Северного берега держитесь. На той стороне — мели.

Лукьян столкнул нашу лодку с камней и медленно пошел в гору. Когда он взобрался на берег, Сашка

рванул ремень мотора. Лодка пошла против течения, вверх по Пакулихе. Дождь не переставал.

Мы не искали необычных приключений — мы работали. Поездка на лоб была той же работой — может быть, чуть сдобренной романтикой таинственности, но все же работой.

Сосновый лоб имел особое значение в жизни здешних людей, но мог быть и просто местом древнего поселения, исследовать которое входит в нашу задачу. Те, кто часто бывает в экспедиционных походах, любят повторять совершенно справедливую фразу: «Приключения начинаются тогда, когда нет достаточной организации и порядка».

Мы собрались вполне организованно. Без приключений одолели первый участок пути. Мошка, отставшая от нас на реке, напала на берегу. Даже дождь ей не мешал.

Токуле ждал нас. Он заякорил лодку и задал всего один вопрос:

— Как отец?

В прутьяном шалаше было просторно, чисто. Никаких вещей, кроме чайника и ружья. Токуле уже собрался в поход. На реке капли дождя пузырились — будет вёдро... Стоило переждать. Перед входом в шалаш стояла железная печурка. Молча кипятим традиционный чай.

Юный Токуле одет, как все юноши поселка, в темные шерстяные брюки и вельветовую куртку.

Церемония знакомства показалась нам несколько необычной. Токуле спросил, так ли каждого из нас зовут, как он думает. И не ошибся: он узнал нас по описаниям отца.

Токуле уже два года учился на подготовительном отделении Красноярского мединститута и через год переходит на основной курс. Последние годы он видится с отцом только летом — сначала интернат, теперь институт.

Сможет ли Токуле провести нас на лоб, куда люди постарше его не знают дороги?

Я спросил его об этом.

— Я там не был, но отец мне рассказал путь.

Юноша отвечал уверенно, и я счел за благо не делиться своими опасениями с товарищами. Я не встречал еще в здешних местах ни одного человека, малого или старого, который бы не сделал того, за что брался.

Дождь перестал.

Можно двигаться дальше.

Все заняли свои места в лодке. Ветер стихал, небо очищалось от туч. Большими разорванными хлопьями они перемещались на каменную сторону — на восток.

Крутые берега Пакулихи медленно отступали за корму. Чем дальше вверх, тем сильнее течение, и скорость моторки падала. Росшая на берегу осина пожелтела, у черемухи опадали листья, а на рябинах пунцовели гроздья ягод. Конец августа здесь, считай, середины осени.

Кажется, приключения все-таки будут. Надо же было умудриться забыть вторую канистру на станке, на берегу. Бензин кончится, мотор заглохнет... и останутся тодько весла. Против течения грести на тяжелой лодке трудно.

Что предпринять? Внезапно наступившая тишина отвлекла от раздумий. Началось! Приехали!

Лодка глубоко уткнулась в вязкий илистый берег. Токуле, отворачивая ботфорты бродней, пролез на нос и прыгнул в ил. Увяз по колено. Сильно дернул цепь, втащил нос лодки чуть выше.

— Саша, ты в броднях, вылезай. Остальные подождите, сейчас тальник наломаем, — распорядился Токуле.

Вдвоем с Сашей они сломали несколько кустов тальника и сделали нечто вроде настила по самому вязкому краю берега.

Я подошел к проводнику.

— Мотор заглох. Наверное, бензин кончился. Дальше на веслах придется.

— Почему заглох? Я его выключил. Пока приехали. Дальше на моторке нельзя, на ветке-долбленке надо. Узко очень, и коряжин много. Вашу лодку здесь оставим.

Забрав всю поклажу — она уместилась в двух массивных рюкзаках, — мы пошли по самой кромке береговой вершины. Метров через двести берег перерезала узкая протока, в ее горловине стояли две осиновые лодки-долбленки — знаменитые кетские ветки.

Кеты ветку делают из осины, а их соседи селькупы — из кедра. От толщины деревьев зависит и размер ветки. Из прямого, ровного по толщине ствола вполобхвата может получиться ветка на одного человека, а чтобы делать на целую семью в три — пять человек,

нужно выбрать ствол в два обхвата! Найдя в тайге подходящую осину, кет срубает ее, отмеряет нужную длину, отрубает верхнюю и снимает кору. Затем топором он заостряет на бревне нос и корму, придает округлую форму днищу.

Мастер выбирает сердцевину и постепенно выравнивает толщину стенок-бортов.

Но выборка лишней древесины лишь часть дела. Сразу же, как сделано первое углубление, ветку нужно постепенно развести, для чего наливают в нее воду, а наружную сторону подогревают — «поджаривают», как говорят кеты,— над костром. Разбухшая осина становится податливой и под давлением разных по длине распорок раздается. Когда достигнута нужная ширина между бортами, мастер вставляет семь постоянных поперечин, переворачивает ветку и смолит днище. Проходит всего пять-шесть дней, и лодка готова. Охотник может прокладывать путь по мелким, порожистым, заваленным буреломом таежным рекам или петлять меж вершин затопленных половодьем деревьев и кустарников.

Главное достоинство веток — легкость. Двое мужчин могут на себе перенести лодку через перевал, или, по-местному, перетаск.

Одна из двух ожидавших нас веток была около пяти метров длиной, другая — не более трех с половиной.

В протоке мы плыли по течению. Грести почти не приходилось, только успевай наклонять голову под стволами нависших деревьев.

К вечеру протока кончилась небольшим озером. Берега его хотя и пологие, но каменистые. В северной части — небольшой подъем, растут высокие лиственницы, а за ними — сплошная стена хвойного леса.

Наши ветки пристали к северному берегу. Саша втащил свою лодку на берег и спросил Токуле:

— Теперь приехали?

— Нет, отсюда по перевалу восемнадцать километров до Мамонтовой речки, а по ней попадем на лоб,— ответил проводник.

Илья подошел к говорившим.

— На Мамонтовой речке тоже ветки оставлены?

— Нет, наши ветки на себе почесем

— Теперь мне ясно, что такое перетаск,— удовлетворился Саша.

Ветки вытащили на берег и перевернули кверху дном. Пусть обсохнут.

Пока не совсем стемнело, собрали сухостой и валяжники. Разожгли костер. После объединенного обеда и ужина устроились спать.

— Подъем!

Женя расталкивает нас. Холодно, солнце еще не поднялось.

— Зачем в такую рань!— взмолился Саша.

— На перевале весь день провозимся. Надо засветло дойти. Вставайте, Токуле чай вскипятит.

Распределили груз так. Мне и Илье нести большую ветку с лопатами, кирками и двумя ружьями. Саше и Токуле — маленькую с одним рюкзаком. Жене рюкзак и ружье.

Токуле с Сашей впереди, затем Женя, и замыкаем шествие мы с Ильей. Тропа еле заметная, заросшая. На стволах старые затесы, заплывшие смолой, почерневшие от времени. По новым затесам можно идти даже в легких сумерках: белое тело дерева светится светлячком. Токуле различает старый путь.

Ветки носом и кормой лежат на наших плечах. Положишь нос или корму на правое плечо и правой же рукой для упора держишь за борт. Позади первый километр.

Тяжеловато, но вполне терпимо. Илья кричит сзади: — Жить можно, я думал, будет много труднее!

Токуле с Сашей заметно вырвались вперед. Женя не отстает от них, тогда и мы прибавляем шаг.

Не могу вспомнить, когда началось странное бормотание за моей спиной. Пожалуй, на втором часу похода.

— Норма десять, час, тридцать, солдат — день, мокрая, двенадцать, шесть...

— В чем дело, Илья?— окликнул я не останавливаясь.

— Подсчитываю, сколько прошли,— ответил Илья и с трудом перевел дыхание. Он устал, видно, больше меня. Я чувствовал только надсадную боль в плече — наверное, натер. Надо бы устроить привал.

— Эй!— раздалось из леса, видневшегося за небольшой тундрой, так называют здесь поляны со мхом.

На каком-то пределе мы быстро проскочили тундру. Токуле, Женя и Саша ждали нас. Они выглядели лучше. Мы опустили ветку на землю и отерли пот. Илья

присел на поваленный ствол и, отдышавшись, спросил Токуле:

— Половину прошли?

— Однако, не больше четверти!

— А, дьявол!— Илья подскочил к ветке, схватил кирку и швырнул ее в кусты. Никто не остановил его. Все устали, а впереди еще много километров.

Опять идем лесом. Идем час, второй, и снова привал. Следующий привал уже через час. Очень трудно.

Илья даже не отвечает на мои вопросы. Я иду и слышу его частое дыхание и очень частые просьбы сменить плечо. Теперь горят оба плеча, не хочу трогать: наверняка содраны в кровь. Идем, как машины, бездумно переставляя ноги. От усталости они подкашиваются, мы продолжаем идти, покачиваясь из стороны в сторону.

На следующем привале в кусты полетела вторая кирка и лопата. Но легче становится на какое-то мгновение.

Далеко за полдень. Очередной привал. Ни говорить, ни есть никто не хочет. Илья лег на землю и зло стиснул зубы. Женя еле сдерживает слезы. Болят плечи и зудят искусанные мошкой ноги, шея, руки. Пройденный путь остался в памяти как узкая тропа, загромажденная пнями, кочками и буреломом.

Илья встал, молча вышвырнул из ветки еще две лопаты, вынул ружье и положил Женин рюкзак.

— Пошли, лучше не будет.

Он прав, надо идти.

— От этого кедра совсем близко!— радостно крикнул Токуле.

Мы не заметили кедр, но весь оставшийся путь прошли без остановки и быстрее. На берегу Мамонтовой речки, сбросив ветки на землю, плюхнулись на траву.

...Проснулись разом от ощущения голода и ничего не могли понять. На небе светило солнце, перед нами была река, и ветки лежали на траве. Значит, дошли! Все-таки дошли!

Впереди — непростой путь против течения по Мамонтовой речке, но самое трудное уже позади!

Два дня мы плыли по речке до Соснового лба. Ночевали под сосной, которая не укрывала от хлынувшего среди ночи ливня. Грести пришлось всем, и все устали от работы однолопастным веслом. Но все равно самым трудным был перетаск.

— Как, уразумел, что значит на местном наречии перетаск? — подтрунивал над Сашей повеселевший Илья.

Сосновый лоб открылся, когда мы выехали на озеро. Могучие сосны багровели в лучах заката. Блестящая чешуя коры переливалась желтовато-красным отливом, и на ее фоне рельефно выступал пирамидальный серо-черный ствол оголенной лиственницы с одинокими черными шариками шишек на ветвях.

Ветер, шумевший вдали, здесь не треплет верхушки кроен, не рябит воду. В базальтовой глади озера отражаются высокий угор, сосны и лиственницы. На шишках — отблески уходящего дня.

Тихо на озере и в величавом бору, приближающемся к нам. Длинные тени падают на лодки, на людей.

— Э-гэй! — кричит Саша, и лес повторяет неожиданно мрачно и глухо перекатывающееся по кронам многократное эхо: «Э-гэй, э-гэй!..»

С толстой лиственницы на уровне глаз смотрит застарелое вырубленное лицо холой — «духа лба». У корней семь массивных валунов, и меж ними — родник. Семь — магическое число. За деревом небольшая поляна и бор без кустов, с редкими молодыми сосенками и ковром пожелтевшей хвои.

Солнце село, и ночная темень бесшумно завладела лесом. Первый костер и первый ночлег на лбу — у лиственницы.

— Под охраной самого хозяина, — шутит Саша.

Первая ночь на лбу таинственна и немного тревожна. Завтра пойдем вглубь. В тиши редко трещат тлеющие сучья, ворчит вода, наваливаясь на берег, но не слышно ночных птиц, и только из лесной чащи доносятся резкие шорохи — где-то сосны роняют шишки.

Все снаряжение оставили у холой, взяли только ружья, а Илья — оставшуюся одну лопату. В лес идем скопом, все убыстряя шаг. Идти легко: ни бурелома, ни пней. Просторно, и нигде не видно шаманских гагар и шаманских орлов. Только лес, только сосны. Вот и ручей — не он ли служил границей меж живыми и мертвыми?

За ручьем разбрелись в разные стороны. Такой же лес. Издалека кто-то первым крикнул:

— Вы что-нибудь нашли?

Этот вопрос повторяется все чаще и чаще. Ничего...

— Нашел, сруб нашел!

Бежим через ручей на голос Ильи.

Три ряда нижних венцов, заросших мхом, засыпанных хвоей, лежат прямоугольником. В центре прямоугольника — береза, единственная в этом бору.

— Олений сарай, старый олений сарай,— поясняет Токуле.

Более тридцати лет назад люди покинули стойбище, а раньше жили здесь подолгу и основательно.

Внимательно осматриваем землю и видим еле заметный конец полозьев оленьих санок. Раскидали мох и хвою, и показался весь полоз, рядом — второй, а меж ними — упавшие сгнившие копылья. Следы живых теперь попадаются часто. Почти неразличимый круг с короткими гнилушками — чумище, место, на котором стоял чум. Во мху нашли невыдолбленную ветку и снова санки.

Избушки, остатки избушек, упавшие стены и стропила находим во второй половине дня.

Так где же могилы? Ночь в глубине леса многоголосо. Над нами противным голосом кричал филин, где-то рядом трещали кедровки, раздавался шорох в сучьях, ломавшихся под лапками белки или ночной мыши. Переливчато звенел родник, но никто из царства мертвых не тревожил нас.

И второй, и третий, и четвертый день мы ищем древние могилы шаманов и не можем найти их.

Предложение Ильи копать наугад отвергается единодушно: общая площадь лба, пожалуй, больше двухсот гектаров.

Илья не слушает нас и в пятый — последний — день пребывания на лбу в одиночестве раскапывает два «подозрительных» холма. Правы мы, но тем не менее холмы вызывают азарт, и со словами: «А ну-ка, дай, я вот этот вскрою» — Сашка копает третий холм. Чудесная песчаная почва. Рвем лопату из рук и вскапываем еще один, другой...

Расходимся собирать хворост для костра и... как сумасшедшие мчимся на зов Токуле:

— Гагару нашел!

Деревянная гагара сантиметров двадцать длиной лежала подо мхом. На брюхе у нее выемка — сюда вставляли длинную палку-шест и втыкали его перед могилой. Где-то здесь была могила Сенебата.

Перерыли мох, но только труха сгнившего дерева попалаась нам.

Тайга за многие годы сделала свое дело. Ветры уронили шесты с деревянными птицами, дожди сгноили шаманские символы, а мхи и хвоя спрятали от людских глаз пристанища мертвых. Тайга сохранила память только о жизни — чумища и санки, ветки и олений сарай.

Благодатный край... Теперь мы знали, что люди вернутся сюда и дадут ему новую жизнь.

...Мы ушли со лба длинным, но легким путем — по течению Мамонтовой речки на Енисей и далее на косу к рыбакам, сородичам Дагая.

Нам очень повезло. Мы воочию увидели кетский Сосновый лоб из легенды о великом шамане Дохе, мы нашли древнее кетское стойбище. Наша экспедиция в тот год привезла не только новые этнографические и фольклорные материалы, но и уникальную коллекцию кетских черепов. Открывалась новая возможность для решения кетской загадки, которую решить и по сей день не удалось.

И все же значительно больше теперь известно о загадочных кетах, как и известно новое и важное о других советских и зарубежных народах в результате деятельности этнографических экспедиций. Этнографы, отправляясь к людям, восстанавливают историю культуры и поколений ради людей. Но очень многое из прошлой жизни уже не собрать в экспедиции, и тогда на помощь этнографу приходят архивы, книжные собрания и музейные коллекции — мир запечатленных веков и мгновений. Он тоже прекрасен, этот мир, чтобы открыть его для всех живущих ныне.

глава 6

КОГДА ЗАГОВОРИЛИ ВЕЩИ

Метод «непосредственного наблюдения» — проверенный годами принцип работы этнографа. Однако как применить его, когда речь идет о народе, давно сошедшем с исторической сцены, как побороть время и стать соучастником событий, развертывавшихся на обширных пространствах Европы и Азии, Америки и Африки два, три, а то и десять столетий назад? Где в таком случае будет экспедиционное поле этнографа, каким будет его походное снаряжение?

Этнографы не пасуют ни перед временем, ни перед расстоянием, и, стремясь восстановить давно прошедшее, они идут в музейные и книжные хранилища, вооруженные полевым современным опытом, знаниями и терпением, чтобы найти и открыть неведомый еще мир. И им, моим коллегам-этнографам, часто это удается.

Они восстанавливают пройденные этапы этнической истории и отвечают на самый жгучий вопрос: «Кто наши предки?» — многим и многим людям. Своеобразно такое этнографическое поле, где музейные предметы или краткие письменные сообщения очевидцев как будто задержали на миг ход культурной истории, чтобы превратить этот миг в вечность. Разгадать смысл оста-

новившегося мгновения — вот в чем первая и основная задача этнографа, разрабатывающего темы исторической этнографии. Здесь, пожалуй, трудностей больше, чем при живом общении с людьми, чью культуру ты собираешься познать и понять. Здесь твоя объективность, добросовестность и компетентность должны быть вне сомнений и должны быть способны выдержать строгий суд истории.

Очень сложная работа, очень необычно исследовательское поле, и в то же время сколько раз исследователь, решая главную задачу, попутно обнаруживал забытые имена и деяния предков. Если сегодня мы многое знаем о том, как жили в Древней Руси или в Древней Индии, то этим мы прежде всего обязаны историкам и этнографам, раскрывшим для нас картины прошлого.

Самая главная опасность для исследователя — придумывание таких ситуаций и положений, которых никогда не было и не могло быть, но которые отвечают его концепции. Эта страшная опасность беззащитного надругательства над правдой в угоду субъективному мнению всегда вызывает осуждение этнографической науки и ее деятелей. Ее можно избежать, если подчинить поиск сбору наибольшего числа объективных данных, если при воссоздании этнической истории народа пользоваться материалами всех смежных наук о человеке, его обществе и его культуре. И поэтому этнограф до начала полевого сезона, перед тем как отправиться в путешествие за людьми во времени, приходит к музейным экспонатам. Они пережили и своих создателей, и свою эпоху, они могут заговорить, но надо суметь понять их язык!

Ленинградское направление советской школы этнографии отличается особенной чуткостью к музейным собраниям. Возможно, такая исключительность объясняется наличием в Ленинграде самых крупных в мире и единственных в нашей стране музеев — Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого АН СССР и Государственного музея этнографии народов СССР. Прекрасными знатоками музейных коллекций по многим народам мира были А. А. Попов, Н. Ф. Прыткова, Е. Э. Бломквист, А. Д. Авдеев, Э. Г. Гафферберг, многие другие. Этнографы с богатым полевым опытом, они последние годы жизни большую часть времени проводили среди вещественных памятников культуры наро-

дов, собранных в обоих ленинградских музеях. Их перу принадлежат обстоятельные исследования, которые останутся в сокровищнице этнографической науки.

Среди исследователей этого типа я всегда вспоминаю восторженно-увлеченного Арсения Дмитриевича Авдеева. Работая над проблемой происхождения театра, Арсений Дмитриевич обратился к редкому собранию ритуальных масок американских алеутов. Тщательное знакомство с коллекцией, поступившей в Музей антропологии и этнографии 4 декабря 1857 г. от имени капитана корабля Российско-Американской компании Иллариона Архимандритова через академика Л. И. Шренка, побудило А. Д. Авдеева обратить внимание на самого собирателя «предметов естественной истории и этнографии» Американского континента.

Арсений Дмитриевич начал работать над архивными материалами, чтобы выяснить: кто был этот капитан Российско-Американской компании, занимавшийся между прочим и собиранием естественнонаучных и этнографических коллекций? Почему он передал свои собрания через академика Шренка, а не лично и при каких обстоятельствах? Почему носил он фамилию, указывающую как будто на духовное происхождение? Каковы были его имя и отчество и почему ни в сопроводительных документах, ни в представлении Шренка они не были упомянуты?

Такие вопросы волновали Авдеева, а упоминание И. П. Магидовича в работе 1953 г. «Русские мореплаватели» об Архимандритове как об «известном русском мореплавателе» XIX в., носившем титул «вольный шкипер», не могло разрешить их. Вот что писал по поводу справки Магидовича сам Авдеев: «Сведения, опубликованные в этой справке, не только не разъясняют недоуменные вопросы, но еще больше умножают их количество. Что же это за исследователь, имя и отчество которого выяснить не удалось, а вместе с тем он заслуживает быть упомянутым в списке известных русских мореплавателей? Как может быть известным деятель, о котором нельзя сообщить ни одной даты? И почему остались неизвестными время его рождения, смерти и вообще даты его деятельности? Что представляет собой должность «вольный шкипер» и кому присваивалось это звание?»

В книге Магидовича было упомянуто, что Архимандритов по поручению главного правителя компании

М. Д. Тебенькова описал побережье полуострова Кенай, остров Кадьяк и ряд других островов у берегов Северной Америки.

Авдеев предпринимает розыск в архивах морских служб и компании. Розыск напоминает захватывающую приключенческую повесть. В замечаниях Тебенькова удается прочесть, что задачу описания берегов «отчетисто выполнил» штурман Архимандритов. В списке пассажиров и экипажа компанейского корабля «Николай», который вышел 8 августа 1837 г. из Кронштадта в Ново-Архангельск, под номером 22 был обнаружен «воспитанник компании креол Ларион Архимандритов». Вторая запись была на двенадцать лет моложе первой. Авдеев обратил внимание на законоположения Российской Империи о креолах — детях, родившихся от браков между русскими и алеутками, как законнорожденных, так и незаконнорожденных (то есть от брака, не освященного церковью). Арсений Дмитриевич прочитал внимательнее своих предшественников труд П. А. Тихменева, изданный в 1863 г. и посвященный истории Российско-Американской компании.

Заинтересовавшись собирателем алеутских масок, советский этнограф открыл новую важную страницу в истории алеутского народа — имя его выдающегося деятеля Иллариона (или Лариона) Архимандритова.

Незаконнорожденный креол Ларион, получивший и имя и фамилию при крещении, был на редкость смышленным мальчишкой. До восьми лет он жил, как живут алеуты, в доме матери, учился охоте и управлению кожаной лодкой. Узнавал и познавал тайны океана.

Позднее мать отпустила его в построенную для детей креолов и русских школу в Ново-Архангельске. Решением попечительского совета компании Лариона взяли на полное обеспечение как «воспитанника компании». Учился он хорошо, и, так как по уставу компании предписывалось, что «незаконнорожденные креолы должны быть призрены и обучены на иждивении компании попечениями колониального управления», он не испытывал особенной нужды. Достигнув семнадцатилетнего возраста, Ларион был направлен компанией в Санкт-Петербург в училище торгового мореплавания. В этом не было ничего необычного. Как писал Тихменев, «по выпуске из мужской школы воспитанники, одаренные хорошими способностями и оказавшие хорошие успехи в науках, отправляемы были для окончательно-

го образования в С.-Петербург в училище торгового мореплавания. Выпускники торгового училища получали звание „вольного штурмана”».

Пять лет провел Ларион в столице Российской Империи. Нам не суждено узнать ни его дел, ни мыслей той поры. На борт «Николая» в 1837 г. вступил двадцатидвухлетний «вольный штурман», или «вольный шкипер», как его называли позднее, Архимандритов, чтобы вернуться на родину и продолжать служить Российско-Американской компании.

По уставу компании он должен был прослужить ей как бы в погашение долга за образование и содержание пятнадцать лет, однако в «Табели чиновников и других при должности служащих людей в колониях Российско-Американской компании к 1-му мая 1840 г.» Архимандритов был зачислен на «бессрочную службу». Незаконнорожденного Иллариона компания «за свое признание» закабалела пожизненно.

Служба Архимандритова не оказалась бессрочной, так как история начертала срок самого существования компании, и это была служба мужественного человека чести и долга.

Вольный шкипер

Осень 1844 г. начиналась порывистыми ветрами и хлесткими дождями. Четвертый год Илларион Архимандритов плывал вольным штурманом на компанейском корабле «Александр I». Заканчивалось необычайное плавание от Калифорнии в порт Ново-Архангельск, когда резко потемневшее небо дохнуло грозным предвестником шторма. Шторм осенью не удивлял российских моряков, к нему привыкли и не проявляли особого беспокойства. В ночь на 14 сентября до родной гавани оставалось чуть больше трех дней пути. Вдруг океан смешался с небом, задышал огромными валами волн, закружил водоворотом, а ветры, разъярившись, накинулись на корабельные паруса и мачты.

Старший по вахте штурман Красильников даже не успел поднять командира судна капитана Кадникова, отдохавшего в каюте. Ни Красильников, ни двое рулевых матросов, которым помогал юнга, не смогли вовремя убрать паруса и развернуть корабль. Огромная волна вдруг накрыла судно с правой стороны, развернула его к ветру и отдала бушующей стихии. За первой вол-

ной через палубу прокатилась вторая, еще более мощная, и увлекла в пучину Красильникова, рулевых матросов, юнгу. Сильный напор воды выломил борта, сломал гик, гафель и штурвал, снес нактоуз и все шлюпки с бортов, а также световые люки. Вода хлынула во внутреннюю часть корабля, стала быстро заполнять ее.

Свободные от вахты матросы с ужасом просыпались и бросались наверх, где их сшибали волны. Капитан Кадников ринулся из каюты, но выход был прочно закрыт остатками надстройки. Он попытался разломать стенку, но очередной вал швырнул судно и так потрянул капитанскую каюту, что Кадников не удержался и рухнул на острый угол стола. Капитан был убит, судно беспомощно болталось среди гигантских волн, команда металась в панике.

Проснувшись в своей каюте, Архимандритов рванул дверь и чуть не захлебнулся водой, ринувшейся на него. Вода закрывала ему путь на палубу. Он слышал предсмертный крик капитана, полные ужаса стоны матросов и, преодолевая страх и препятствия на пути, устремился на верхнюю палубу. Израненный обломками, продрогший в воде, Архимандритов выбрался наверх и бросился к рулю.

Сохраняя спокойствие и уверенность в голосе, вольный штурман дал приказ тотчас же привести корабль в бейдевинд. Приказ повторять не пришлось. Командный голос заставил людей опомниться и начать действовать. Умело направляя руль, Архимандритов поставил судно в более или менее безопасное положение к волнам и распорядился начать заделку пробоин и откачку воды.

Двое суток носило израненное ураганом судно по штормовому океану. Двое суток Архимандритов и вся команда, слушавшая его приказы беспрекословно, боролись со стихией, продолжая путь к родной гавани.

17 сентября компанейский корабль «Александр I» появился на рейде Ново-Архангельска. Пришло поврежденное штормом, но спасенное мужеством людей, оказавшихся под начальством Иллариона Архимандритова, судно.

Не было человека в Ново-Архангельске, который бы не восхищался мужеством и отвагой вольного штурмана, его превосходными знаниями мореходного дела. Когда прошли необходимые, но по существу формальные расспросы команды о всех перипетиях гибели капитана

Кадникова и матросов, правление компании обратилось к престолу с просьбой о награждении Архимандритова. И «штурман Архимандритов,— как писал историограф Тихменев,— благоразумной и энергической распорядительности и необыкновенному присутствию духа которого компания вполне обязана была спасением корабля, всемилоостивейше награжден по представлению главного правления ее золотую медалью для ношения на шее на ленте ордена св. Анны».

Награду Архимандритову вручил новый главный правитель Российско-Американской компании М. Д. Тебеньков в начале 1845 г. Тебеньков прибыл в Ново-Архангельск в середине февраля и уже 22 февраля устроил торжественный прием всем видным служащим компании. Пригласили и Иллариона Архимандритова. Канцелярия правителя была самым большим зданием в Русской Америке, но и ее считавшаяся парадной зала не могла вместить всех приглашенных. Правитель принимал гостей поочередно и явно особое уважение выказал судоводительскому сословию, удостоив их чести отужинать вместе с ним.

За столом Архимандритов сидел вместе с другими, получившими высочайшие награды, по правую руку от хозяина. Тебеньков рассказывал петербургские новости, которые были несомненно интересны всем, даже Архимандритову, хотя, в отличие от большинства, его родиной были Алеутские острова, а точнее, продуваемый ветром и окатываемый исполинскими волнами океана остров Атха.

На родном острове, где северный и восточный берега охраняют вулканы Коровинский и Сарычева, именно в это время года вздрагивает земля, сквозь расщелины пробивается горячий и едкий пар, а снежная вершина центрального вулкана Ключевского оплавляется и начинает клубиться.

С трудом улавливая смысл рассказа о столичной жизни, Илларион вспомнил о вулканах и о том, что именно это время года самое голодное на Атхе и других островах Великого океана. По возвращении из Петербурга он ни разу не оказался даже вблизи островов, но детские воспоминания были очень ясными.

Он помнил, что вяленая и копченая лососина, которую в доме заготавливали в августе, кончалась перед самым Новым годом, что в январе редко кто мог поделиться куском оленины или тюленины, и приходилось

сидеть на похлебке из русской муки и сушеной сараны. В феврале и марте от голода можно было спастись только случайной удачей на охоте за птицей или собрав съедобные ракушки.

«Сейчас февраль, сейчас голодно и трудно матери», — подумал Илларион и почувствовал, что сосед бесцеремонно толкает его и шепчет:

— Ларион, к тебе обращается правитель.

Тебеньков с усмешкой повторил вопрос Архимандритову:

— Задумались, штурман, а я спрашивал, нет ли у вас желания сходить к родным берегам на остров Кадьяк? Там надобно забрать и доставить в Ситху посланца Российской Академии Илью Вознесенского. Да вы, господа, как я наслышан, его хорошо знаете.

Все согласно закивали. Знал Илью Вознесенского и Архимандритов, хотя коротко знаком с ним не был.

— Ваше превосходительство, — поспешил ответить Илларион, — я согласен, но будет ли позволительно мне зайти и на Атху, навестить родительницу.

Правитель удивленно посмотрел на вольного штурмана, как будто видел впервые, и, что-то вспомнив, отчужденно пробурчал:

— Вот и отлично. Днями условимся, под чьей командой пойдете, ну, а зайти на Атху — только при достатке времени.

Достатка времени не было. Мартово-апрельский океан встретил небольшой компанейский корабль частым туманом, штормами. Приходилось подолгу отстаиваться в бухтах. Когда пришли в Кадьяк, стало ясно, что поездка на Атху неосуществима. Илья Вознесенский торопился в Ситху. Из-за него Архимандритов не попал домой, но Вознесенский с лихвой искупил эту свою вину, уделив особое внимание любознательному креолу на пути от Кадьяка в Ситху.

Был уже май. Океан успокоился, и у вольного штурмана оказалось больше свободного времени, чем на пути в Кадьяк. Вознесенский был ровесником Архимандритову и видел в штурмане товарища по судьбе. Беседы с посланцем Академии занимали все свободное от вахты время Иллариона. Илья рассказал своему новому другу о Кунсткамере, о сборе коллекций, о смысле долгой поездки по разным островам и портам Русской Америки, о походах в глубь материка.

— Понимаешь, Ларион, — вновь повторил Вознесен-

ский,— вещи алеутов и их соседей, которые я собираю для Академии, будут отправлены и уже отправлены в Петербург для музеев, где эти вещи увидят разные люди и поймут, как искусны народы других земель. Ведь это же чудо — шляпа алеутского рыболова.

Вознесенский в который уже раз показал Иллариону алеутскую шляпу-козырек, сделанную из дерева, но такой малой толщины, что она казалась изготовленной из толстой бумаги. Илларион с детства помнил такие шляпы. Их носили только самые знатные алеуты. Одну шляпу можно было обменять на большую новую байдарку или на двух рабов. Шляпа-козырек защищала глаза от слепящего блеска солнца, отраженного волнами океана или льдами.

Плавание подходило к концу, когда Вознесенский решил показать Архимандритову рисунки алеутских масок капитана Сарычева и расспросить о них. Рисунки масок были помещены в отчете путешественника, изданном в 1802 г. Академия, отправляя Илью Гавриловича в экспедицию, предусмотрительно снабдила его необходимыми изданиями прежних путешественников.

Илларион с любопытством разглядывал рисунки масок, изображавших то ли злых духов, то ли человекоподобных существ из преисподней.

— Я не смог достать ни одной такой маски-личины,— сокрушенно сказал Вознесенский.— Многие алеуты говорили, что они добрые христиане и давно не предаются языческим игрищам. Может быть, это и правда, во всяком случае я личин не нашел. А вот что писал капитан Сарычев.— Илья взял книгу, нашел нужное место и прочитал: «Я застал еще здесь игрища, бываемые у алеут обыкновенно зимою и продолжающиеся до весны или до тех пор, насколько станет китового жиру. Начало сих празднеств, как сказывают, произошло от шаманов, которые уверяли алеут, что служащие им духи любят сии увеселения и обещают за оные выкидывать на берега китов. Для таковых игрищ обыкновенно делаются деревянные личины, по виду казавшихся шаману духов». И далее Сарычев рассказал о виденном игрище.

— Дозвольте, Илья Гаврилович, я посмотрю эту записку.— Штурман протянул руку за книгой. Взяв ее, он внимательно прочитал описание игрищ и еще раз посмотрел на рисунки личин-масок.

Затем он вернул книгу и сказал

— А вы знаете, я видел такое игрище. Очень давно, мне было лет семь или восемь. На Атхе. Дело было в конце февраля. Это обычно очень голодное время. Нет рыбы, нет мяса, нет муки. Вдруг вблизи нашего селения волны выкинули кита. Его, видимо, убила косатка, так как ни глотки, ни языка у этого кита не было. Косатки всегда, когда нападают на кита, вырывают язык и глотку. Кит был большой, и все алеуты на Атхе очень обрадовались. Кажется, в тот месяц на острове не было никого из русских. Люди пошли к старцам, и те сказали, что бог не будет в обиде, если по старинному обычаю устроить празднество. Бог не обидится, а прежние духи воды будут довольны. Я был тогда маленьким, но я помню, что мы с матерью ходили в разные селения и всюду люди сидели в самом большом доме вокруг костра и представляли в песнях и танцах разные события из своей жизни — сражения и заключение мировой, охоту на оленей и тюленей, ловлю рыбы и сбор ракушек. Такие представления у алеутов называются «камак». Сначала плясали женщины. Когда они кончили плясать, вышли мужчины, но их лица были закрыты разными личинами-масками. На некоторых были такие же маски, как на рисунках капитана Сарычева...

На этом штурман вынужден был прервать рассказ, так как капитан вызвал его на палубу. Вернувшись, Архимандритов продолжал воспоминания:

— Как я сказал, на некоторых мужчинах были личины, похожие на те, какие зарисовал Сарычев. В селении у костра плясали и пели мужчины. Один изображал своей личиной страшилище — игадагаха — великана со страшным лицом и длинной бородой. Когда игадагах исчез за дверью входа, появился алеут в маске с искривленным ртом и посохом в руке, за ним пришел мужчина в маске с тюленьим ртом. Мужчины в личинах сели у костра. Выскочили две ряженные женщины в масках. Они сели по сторонам того мужчины, который был в личине с тюленьим ртом. Перед сидящими плясали женщины с растрепанными волосами и постоянно показывали палками или сивучьими усами, которые держали в руках, на сидящего посредине. В жилище было чадно и шумно. Я заплакал. Мать спрятала мое лицо в своих коленях, и я заснул. Что было дальше, не знаю. Помню лишь, что мать и другие взрослые просили ничего не говорить об игрищах священнику.

Илья Вознесенский слушал рассказ с огромным вниманием и, когда Архимандритов кончил, произнес с сожалением:

— А мне говорили, что такие игрища не помнят даже отцы отцов. Неправду сказали, испугались меня. Наверное, и маски-личины где-то есть, где-то спрятаны. Нашли бы вы их, Илларион!

За кратковременную совместную поездку от Кадьяка до Ситхи Вознесенский обучил Архимандритова сбору гербариев, умению распознавать минералы, надеясь, что вольный штурман при случае соберет коллекции для петербургских и местных музеев. Теперь добавилась просьба найти алеутские личины. Эту просьбу Вознесенский повторил при расставании с Архимандритовым на Ситхе. Отсюда Вознесенский должен был отправиться в Охотск, а Архимандритов пошел с кораблем на Ново-Архангельск.

Почти три года Илларион плывал по южным трассам компании, и, казалось, не было надежды исполнить желание навестить Атху. Никаких сведений о матери он не имел, так как в те районы Алеутских островов компанейские суда заходили редко, очень редко.

Компанейское судно «Николай», к которому в 1848 г. был приписан штурман Архимандритов, стояло в новоархангельской гавани на ремонте. Главный правитель Тебеньков вызвал к себе Иллариона и дал ему неожиданное и радостное для штурмана задание — взять под команду небольшой корабль «Умнак» и, обследовав берега Кенайского залива и острова Кадьяк с прилегающими островами, описать их.

— Вам, милостивый государь, — заключил Тебеньков свое распоряжение, — дается право по возможности посетить и Умнак и Атху. Сделайте все отчетисто, как вы умеете. Времени вам дано изрядно — целый год. Подберите команду и командуйте, вольный шкипер Архимандритов.

В 1848—1849 гг. вольный шкипер Архимандритов, выполняя задание Тебенькова, тщательно обследовал обширные берега залива и островов. В середине лета 1849 г. его корабль бросил якорь в бухте Васильева острова Атха.

Вот она, родимая земля. Все так же высятся на северной стороне вершины вулканов. Все так же неприступны и скалисты обрывистые берега, обкатанные и иссеченные волнами. Все так же стоит деревянная цер-

ковь в центре главного селения. Но очень мало народу вышло на берег встречать приезжих. Раньше, бывало, все население, завидев корабль, выходило из домов.

Илларион медленно шел по узкой тропе вверх, к своему дому. Он увидел его издали — покосившиеся стены, поросшую травой земляную крышу. Над дымовым отверстием не было привычной струйки дыма. Зброшенное или покинутое жилище. Жители поселка молча сопровождали Иллариона, обмениваясь короткими фразами. Они говорили так тихо, что только отдельные слова долетали до слуха вольного шкипера. Но и этих отдельных слов было достаточно, чтобы уловить их тревожный смысл. Архимандритов шел, как говорили между собой жители поселения, к «плохому дому».

— Кто ты? — спросил старик алеут, неожиданно появившийся на тропе перед Архимандритовым.

Вольный шкипер пристально всмотрелся в сморщенное от времени и ветров лицо говорившего. Что-то знакомое всплыло в памяти. Да это дядя Сидор, брат матери!

— Я Ларион, сын твоей сестры, дядя Сидор.

Ответ Иллариона прозвучал по-алеутски и достаточно громко, чтобы его могли услышать другие.

Новость о приезде племянника Сидора мгновенно облетела все дома. Вечером в доме Сидора, куда с корабля принесли съестные припасы да еще каждая семья послала часть своего улова или добычи, был большой праздничный пир. Радость встречи с родными не могла заглушить горького сознания того, что Илларион опоздал на встречу с матерью: три года назад ее похоронили.

Илларион не мог даже зайти в свой дом, так как в нем находился покойник — самый главный вождь и тайный шаман алеутов с острова Канага. Он постоянно приезжал на Атху, останавливался в доме матери Иллариона и после ее смерти, и надо же, чтобы именно вчера он скончался в этом доме. Многих алеутов унесла смерть за те два десятилетия, пока Архимандритов не был на родине, но еще больше покинуло Атху и перекочевало на Кадьяк и Умнак. Вот почему так мало народу осталось в поселке.

Всю светлую полярную ночь не расходились гости, и всю ночь с ними просидел Илларион, слушая сбивчивые рассказы о жизни алеутов за последние двадцать лет.

Наступившим утром Илларион отправился на корабль дать необходимые распоряжения и к полудню вернулся в дом Сидора. Празднество, связанное со встречей долгожданного и необычного родственника, сменилось буднями. Гости разошлись по домам. Многие из мужчин поселка налаживали снасти и байдары, чтобы ближе к ночи выйти на промысел тюленей и котиков.

В доме Сидора осталась только самая близкая родня. Чувствовалось, что они с нетерпением ждали возвращения вольного шкипера.

Илларион посмотрел на сосредоточенные лица своих дядей, теток, сестер и братьев во втором и третьем колене и спросил Сидора:

— Чай пить будем или говорить будем?

— Сначала чай пить будем,— ответил старик.

Налили черный как смола чай. Шкиперу дали в большой фаянсовой кружке, такую же кружку взял Сидор. Остальные пили из деревянных или раковинных сосудов.

Как водится у алеутов, чай пили молча, не торопясь, маленькими глотками.

— Еще?— спросил Сидор, видя, что Илларион осушил свою кружку и поставил ее перед собой.

Илларион отодвинул кружку от себя и мотнул головой — спасибо, уже достаточно.

Сидор отодвинул свою кружку и заговорил:

— Племянник,— он обращался к Архимандритову,— ты много знаешь, ты стал большим начальником. Вождь из Канаги, что умер в доме твоей матери, просил похоронить его по обычаям наших предков. Священник не разрешит нам похоронить, как просил вождь с Канаги. Но не исполнить волю умершего — разве не означает совершить грех?

Илларион обратил внимание, что в доме не было женщин и детей. Они успели исчезнуть, прежде чем старик Сидор задал вопрос. Ни женщины, ни дети не должны быть причастны к делам мертвых.

Вольный шкипер считал себя хорошим христианином, но не мог сразу решить, греховно ли хоронить умершего, как он просил, или нет. Илларион задумался. Никто его не торопил с ответом. «Излишняя поспешность не прибавляет разума» — так считали алеуты и умели быть терпеливыми.

— Надо исполнить просьбу вождя с острова Канага, но пусть прежде священник совершит отпевание. Я сам поговорю со священником, — решительно заявил Архимандритов и, увидев полное удовлетворение его ответом, встал с циновки.

Разговор с батюшкой, который знал, что умерший при жизни тайно шаманил, был нелегким, но Архимандритову в конце концов удалось уговорить его совершить отпевание в церкви и разрешить родственникам отвезти покойника на Канагу, где и предать тело земле.

Алеуты знали три способа избавления от трупов. Два из них не возбранялись православной церковью — сжигание тела или погребение его в земле. Третий же способ, бывший некогда самым почетным, был объявлен греховным, языческим. Именно по третьему способу просил похоронить себя вождь с острова Канага.

О таком обряде захоронения знал Архимандритов, но никогда его не видел. И вот теперь, когда ему исполнилось тридцать лет, он мог присутствовать при необычной церемонии.

С согласия команды после отпевания в церкви тело перенесли на корабль. На корабль взошли вместе с Сидором его взрослые родственники-мужчины. Их было пятеро. Корабль доставил гроб с телом на остров Канага.

Здесь прибывший корабль встретили мужчины — соплеменники умершего. Они быстро перенесли гроб на берег и торопливо зашагали с ним в горы. Архимандритов с Сидором и другими атханцами присоединились к процессии.

Гроб донесли до южного края берега и опустили на землю вблизи пещеры. У ее входа лежали большая байдара, воинские доспехи, копья и гарпуны, ружье, циновки, кожаные и деревянные сосуды. Тут же была кучка благовонной травы. Несомненно, что канаганцы от атханцев или своих людей, бывших на Атхе, прознали обо всем и успели подготовиться к торжественному церемониалу.

Тело вождя извлекли из гроба и положили на циновку. Двое мужчин с помощью ножей сняли с мертвеца всю одежду. В тот момент, когда семь алеутов, подойдя к входу в пещеру, затянули протяжную песню и пещера гулким эхом повторила ее, самый старший из канаганцев острым каменным ножом надрезал живот

и стал быстро удалять внутренности покойника. Зловонный запах далеко разносил ветер. Внутренности столкнули в океан, а грудную полость и желудок забили благовонной травой. Жилами зашили надрез и обильно смазали жиром все тело.

С огромным трудом тело вождя облачили в парку из морской выдры. Поверх надели военные доспехи. Разогревая окоченевший труп над костром, придали мертвецу сидячую позу и посадили его в байдару.

Надев на голову мертвого вождя шляпу-козырек, канаганцы медленно подняли байдару вместе с телом и понесли ее в глубь пещеры. Здесь, обратив нос байдары к выходу из пещеры, канаганцы опустили ее на землю. Вокруг байдары разложили сосуды и циновки, орудия лова и оружие, различные меха и шкуры.

Покидая пещеру, Архимандритов еще раз посмотрел на вождя с острова Канага, который теперь вечно будет сидеть в байдаре, устремив свой мертвый взор к океану.

Вокруг мертвеца вещи, служившие вождю при жизни,— орудия труда, и оружие битвы, меха и шкуры, сосуды и...

Архимандритов сделал шаг к телу покойника и внимательно посмотрел на какой-то большой круглый предмет, напоминающий деревянную плошку. Предмет лежал сзади покойника на байдаре.

Это была деревянная маска-личина с большим носом, открытым тюленьим ртом и закрытыми глазами! Невольно Архимандритов протянул к ней руку, но Сидор резко дернул его за полу камзола и потащил к выходу.

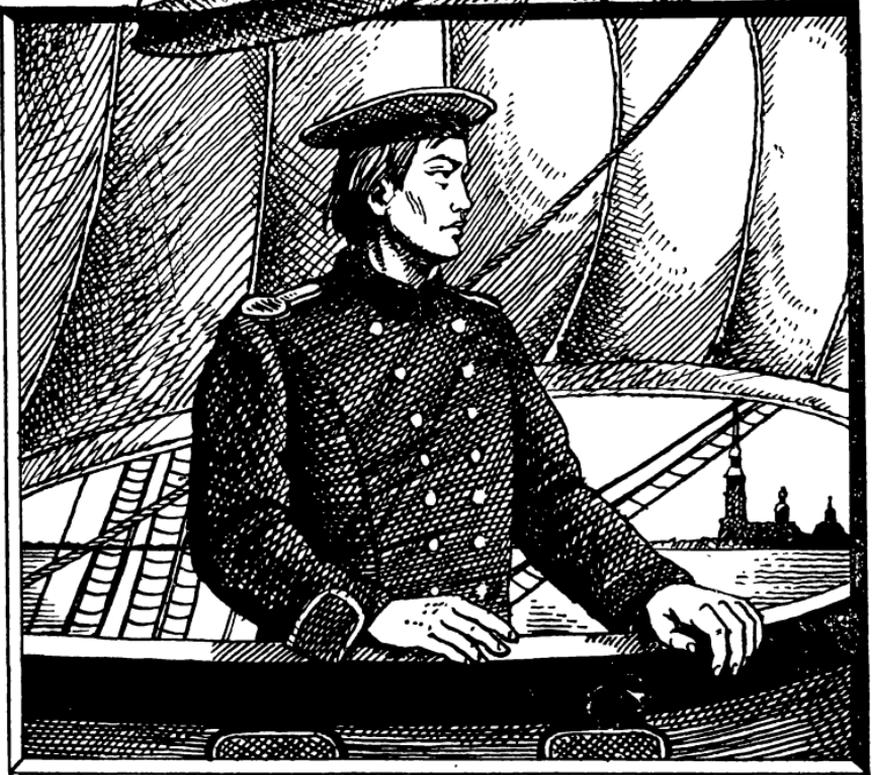
Выйдя из пещеры, Сидор прошептал:

— Теперь нельзя в пещере ни к чему прикасаться, нельзя даже ходить в пещеру — мир мертвых, иначе сам станешь мертвым.

Взволнованный Илларион осенил себя крестным знаменем и поспешил вослед быстро удалявшимся вниз по тропе алеутам.

Виденное оставило тяжелый осадок, и, побыв на поминальной трапезе не больше часа, Архимандритов уговорил Сидора и атханцев уйти на корабль и отправиться не мешкая на Атху.

На Атхе Илларион сходил на могилу матери, поправил покосившийся крест и вскоре распростился с Сидором и всем поселком.

Команда корабля «Умнак» подняла паруса и направилась к другим островам делать описание их береговой линии.

Необычные похороны вождя с Канаги врезались в память вольного шкипера. Шли дни, месяцы, годы, и забывались жуткие подробности, оставалась лишь безжизненная фигура, сидящая в байдаре и устремленная к океану, а за ее спиной странная деревянная маска-личина, какую мечтал добыть Илья Вознесенский.

Стараниями Вознесенского было положено начало двум музеям диковинной природы и человеческого искусства Русской Америки — Новоархангельскому и Кадьякскому.

В обоих музеях часто бывал Архимандритов. Ему самому нередко приходилось привозить для них из разных мест то лечебные травы, то минералы, то каменные орудия алеутов и их соседей.

В Новоархангельском музее в 1851 г. он увидел привезенную с Алеутских островов новую находку — деревянную маску, похожую на слепок с лица мертвого алеута. Служитель рассказал, что маску нашли матросы с «Николая» в одной из пещер на лице покойника, точнее, уже на его черепе. О таких масках Илларион знал от старика Сидора. Их надевали прежде на лицо мертвеца и делали похожей на самого умершего. Но те личины, виденные Сарычевым, и та, которую увидел Архимандритов в пещере вождя Канаги, не надевались на лицо покойника. Они предназначались для другого — для представления на игрищах. Таких масок не было ни в одном из музеев Русской Америки.

В 1853 г. корабль «Александр I», на котором Архимандритов плавал шкипером, вынужден был из-за шторма отстаиваться двое суток в бухте Назан острова Агха. Боясь надолго покидать корабль, так как океан бурлил и грозно урчали все три вулкана, Илларион сошел на берег только на два часа.

Он успел навестить могилу матери да выпить чашку чая с дядей Сидором, ставшим совсем немощным стариком. Почти слепой, еле передвигающийся на больных ногах, постоянно заходящийся кашлем, Сидор, поддерживаемый старшим внуком, проводил племянника до берега.

— Племянник, — сказал на берегу Сидор, — на противоположной стороне нашего поселка против острова Соленого есть две пещеры. В них похоронены, как и

вождь с Канага, наши предки. В одной пещере, когда я еще был молодым, я видел рядом с телом старого шамана две деревянные рожки, в них представляли на игрищах. Ты хотел тронуть личину у вождя Канаги. То было худое желание. Когда сможешь, найди пещеру с широким входом на том берегу и посмотри наши личины. Тебе зачем-то нужно увидеть их. Я не понимаю, зачем, но я помню. Теперь ступай, с богом. Шторм к завтрашнему дню утихнет.

Шторм на другой день стих, однако отправиться на поиски пещеры Илларион не мог. Его корабль вез срочный груз с Адаха в Ситху. Груз предназначался для русских факторий.

В Ситхе Архимандритов получил неожиданное задание — отправиться с «Александром I» и еще тремя судами компании в устье Амура, где надлежало провести обследование и освоение нового края.

Служащие компании, прибывавшие на Амур, расселялись в нескольких избах Николаевского поста, основанного в 1850 г. капитан-лейтенантом Г. И. Невельским. Здесь, в Николаевском посту, в 1854 г. устроил свою основную экспедиционную базу прибывший из Санкт-Петербурга академик Леопольд Иванович Шренк.

Компанейские были частыми гостями у Леопольда Ивановича. В первые же дни по прибытии на Амур свел с ними знакомство и Илларион Архимандритов. Однажды Шренк упомянул имя Ильи Гавриловича Вознесенского и поведал о тех коллекциях, которые были им привезены для академических музеев. Этот разговор напомнил Архимандритову о встрече с Вознесенским, об алеутских масках-личинах Сарычева, о маске-личине на байдаре мертвого вождя с острова Канага. Он поделился своими воспоминаниями с собеседником.

Рассказ вольного шкипера крайне заинтересовал Леопольда Ивановича и побудил отписать главному правителю Российско-Американской компании прошение направить, хотя бы на короткое время, Архимандритова на Алеутские острова для сбора коллекций по минералам и травам, для поисков алеутских личин.

Как это бывало постоянно, компания незамедлительно откликнулась на просьбу академика, и уже в августе 1855 г. Архимандритов на корабле «Умнак» оказался в бухте Коровинской острова Атха.

В первые дни стоянки в бухте Архимандритов посетил все алеутские дома, но нигде и никому не говорил

о главной цели приезда — желании проникнуть в пещеры с покойниками. Сидора уже не было в живых, а остальные удовлетворились сообщением о необходимости собрать минералы, травы и чучела для музея.

К пещерам Архимандритов отправился 15 августа 1855 г. на шлюпке с двумя матросами. Погода обещала быть сносной. С утра сквозь тучи прорывались лучи солнца. Взяв курс на юг вдоль побережья, шлюпка довольно скоро оказалась против острова Соленого.

Здесь атханский берег был почти неприступным. Огромные валуны загромождали береговую край. Неожиданно набегавшие волны подхватывали шлюпку и стремительно несли на камни. Приходилось усиленно грести от берега. В тех же местах, где открывались небольшие бухточки, подойти к берегу мешали густые и липучие водоросли. Чтобы пройти через их заслон, приходилось тесаками прорубать проход.

Илларион решил отойти от берега на некоторое расстояние и с помощью подзорной трубы изучать его. Шлюпка медленно шла вдоль скалистых уступов. Пещер не было видно, зато показалась глубоко врезающаяся в берег узкая бухта. Шлюпка легко вошла в нее. Матросы вытащили шлюпку на гальку и закрепили на длинном канате за большой камень.

Можно было провести небольшую разведку на берегу. Архимандритов с матросами поднялись на несколько метров по крутым уступам. Они достигли широкой площадки в тот момент, когда спокойная вода в бухте вдруг неожиданно преобразилась. По ней побежали белые барашки, вздыбились и закрутились волны прибоя. Взглянув на остров Соленый, Архимандритов содрогнулся. Откуда-то из глубины океана поднялась стена воды и, обрушив мириады брызг на скалы Соленого, быстро, но бесшумно направилась к атханскому берегу. Вода в бухте вспучилась, подняла шлюпку, по счастью привязанную на длинный канат, почти на десятиметровую высоту. Тут же волна уперлась в берег и гулко откатилась назад. Шлюпка плюхнулась на камни и лишь случайно не разлетелась в щепки.

Архимандритов с матросами поторопились спуститься вниз. Они столкнули шлюпку в воду и вновь отплыли от берега. Вольный шкипер выискивал пещеры, а один из матросов смотрел на океан, чтобы успеть предупредить о новой гигантской волне. Там, где обрывистый берег встречал грудь волны, были вымыты водой

маленькие и большие пещеры. В одну из них Архимандритов завернул шлюпку. Вода окатывала его и матросов, волны стремительно неслись внутрь пещеры, норовя ударить шлюпку об острые выступы скал. Когда в пещеру врывался очередной вал, все вокруг наполнялось грозным гулом, а перед следующей волной на мгновение наступала зловещая тишина.

Шлюпка выбралась из морской пещеры и вновь поплыла вдоль берега. Пещеры, о которых говорил Сидор, появились одна за другой неожиданно, как будто из-за поворота. Между двумя рифами матросы провели шлюпку, и, когда ее нос уткнулся в берег, Архимандритов выпрыгнул на гальку. Матросы быстро отгребли на открытую воду, где должны были дожидаться шкипера, пошедшего обследовать пещеры.

По крутой тропинке, по крошащимся камням Архимандритов вышел к первой пещере. Сквозь расщелины в скалах поднимался горячий вулканический газ. В самой пещере стоял спертый, насыщенный запахами разложения воздух.

Архимандритов вошел внутрь и сразу очутился в темноте. Он зажег приготовленный факел. Неровный свет вырвал из мрака прокопченную временем и дымом вулкана мушью, подвешенную за спину к стене. В разных углах лежали мумифицированные покойники то ли на циновках, то ли завернутые в циновки. Повсюду валялись черепа и кости мертвецов, растасканные лисами и песцами.

Из дальнего угла послышалось фырканье. Шкипер невольно вздрогнул, но все же решительно прошел вперед и поднял факел. Из угла с тьяканьем метнулся к выходу большой песец.

Тщательно осмотрев пещеру, Архимандритов не нашел никаких личин. Он погасил факел и вышел. Океан был спокойным. Шлюпка мерно покачивалась на волнах.

Илларион вошел во вторую пещеру. Она была меньше, но суше первой. В ней стояла развалившаяся от времени байдара, в которую когда-то был посажен покойник. От него остался один скелет без черепа. Череп валялся в стороне от байдары. В пещере больше захоронений не было. Тщательно освещая каждый вершок пола, Архимандритов обошел пещеру.

Две деревянные маски-личины округлой формы он

нашел под остатками байдары, осторожно вытащил их и вынес наружу.

Одна личина изображала широкое лицо с большим и толстым носом. Брови вырезаны и окрашены в черный цвет. Массивные надбровные дуги прятали закрытые глаза. Нижняя губа в сравнении с верхней сильно выдавалась вперед. Губы были окрашены в красный цвет. Вторая личина напоминала первую, только нос был чуть тоньше да не так сильно выступала нижняя губа.

Архимандритов с каким-то странным чувством смотрел то на личины, то на скалы, небо и воду. Казалось, он ждал чего-то и боялся чего-то. Он вынес из мира мертвых то, что принадлежало тому миру. Но не разверзлись скалы, не налетел шторм. Ничего не изменилось вокруг, хотя шаманы грозили страшной карой всякому прикоснувшемуся к вещам покойников.

Илларион глубоко вздохнул и радостно огляделся по сторонам. Он совершил задуманное, он исполнил просьбу И. Г. Вознесенского.

В 1856 г. в Николаевском посту Архимандритов вручил академику Шренку коллекцию из образцов минералов, чучел животных и птиц, а также две шаманские маски-личины из пещеры на острове Атха.

4 декабря 1857 г. академик Л. И. Шренк от имени капитана корабля Российско-Американской компании Архимандритова передал Академии наук «коллекцию естественной истории и этнографии», как было записано в протоколе Академии от того же числа за номером 20, параграф 337.

С Амура Архимандритов вернулся на привычные трассы кораблей компании — из Ситхи или Калифорнии на Охотск и обратно.

На исходе 1860 г. имя вольного шкипера — командира корабля Архимандритова вновь оказалось на устах экипажей компанейского флота.

Тогда корабль «Кадьяк» под командой Архимандритова принял на острове Лесном груз льда и отправился в Сан-Франциско. Судно не успело пройти открытой водой сколько-нибудь большое расстояние, как получило огромную рваную пробоину в носовой части и стало тонуть. И снова хладнокровие и мужество Иллариона Архимандритова сыграли решающую роль в судьбе команды. Правда, на этот раз спасти судно не представлялось возможным, но нужно было спасти людей и цен-

ности. Повинуясь спокойным распоряжениям командира корабля, весь экипаж на шлюпках успешно добрался до острова Лесного. «Сам же Архимандритов,— писал Тихменев,— оставил судно последним, когда уже вода начала быстро в него вливаться, но держался, однако же, вблизи его на шлюпке, изыскивая все средства спасти, что только было возможно».

Судно пошло ко дну, но никто не пострадал из людей, доверившихся командиру — вольному шкиперу Архимандритову. Еще долго бы плавал на компанейских судах креол — вольный шкипер, однако через семь лет он оказался безработным. Через семь лет, 18 марта 1867 г., русские владения в Америке были проданы правительству Соединенных Штатов, а через год Российско-Американская компания была ликвидирована, и дальнейшая судьба Архимандритова и еще более ста других поселенцев Ново-Архангельска оказалась в руках бездушных канцелярских чиновников. Всех этих людей, создавших славу России, утверждавших в то далекое и трудное время возможное содружество россиян и алеутов — двух разных народов, «не включили,— как пишет Арсений Дмитриевич Авдеев,— в списки отъезжавших в Россию, и эти люди так и остались на Аляске... Вполне возможно, что среди этих забытых и, по существу говоря, проданных вместе с родиной людей оказался и мореход, «вольный штурман», командир компанейских кораблей Илларион Архимандритов».

Архивные изыскания А. Д. Авдеева позволили воссоздать страницы жизни Иллариона Архимандритова. Такое воссоздание стало возможным благодаря тщательному знакомству с коллекциями алеутов. Если представить себе труд ученого, то начало открытия было заложено в невидимой на первый взгляд памяти о собирателе, запечатленной в масках-личинах, в неслышном для непосвященного рассказе вещей о самих себе.

Такое же умение заставить заговорить вещь дало этнографу-сибиреведу Дориану Андреевичу Сергееву возможность разгадать смысл древнеберингоморского амулета предков азиатских эскимосов. На амулете из моржового клыка искусный резчик изобразил пять голов — моржа, горного барана, нерпы, волка и косатки. На амулете облики животных скомбинированы так, что

в одном положении одна и та же деталь изображает рога барана, в другом — клыки моржа. Смотришь с одной стороны — и видишь морду волка, с другой — косатки.

Животные и звери перевоплощаются друг в друга. Казалось бы, какая может быть связь между китом-хищником — косаткой и сухопутным хищником — волком? Сергеев обнаружил эту связь.

Он поступил по методу К. Д. Лаушкина, который для расшифровки образов первобытного искусства советовал применять такой способ: «Подобно тому как расшифровываются письмена, сделанные на давно забытом языке, при помощи так называемой двуязычной надписи, так, очевидно, нужно поступать и с древними рисунками. Нужно найти, фигурально выражаясь, двуязычную надпись. Таковой в нашем случае будет составленная исследователем комбинация из древнего рисунка и дошедшего до наших дней мифологического рассказа, если тот и другой передают один и тот же сюжет лишь разными художественными средствами».

Сергеев обратился к эскимосским легендам и нашел рассказ о перевоплощении косатки в волка. Жители побережья, согласно этой легенде, считали, что зимой, когда море покрывалось льдами, косатка не уходила в более южные места, а на это время становилась волком и уходила в тундру. Превращалась косатка в волка в озере, которое называлось Кавратак и располагалось в углублении вершины высокой сопки.

Косатка, по представлениям эскимосов, а от них и чукчей, что-то вроде царя морских зверей, а волк — царь сухопутных.

Вот почему на амулете в таком, казалось бы, странном соседстве присутствуют косатка и волк наряду с моржом, бараном и нерпой — явными объектами охоты.

Так приоткрылась еще одна страница загадочной жизни прошлых веков и поколений эскимосов.

Своеобразное «домашнее», или «кабинетное», поле этнографа дарит открытия в истории культуры. Такие открытия могут быть и большими, масштабными, как, например, установление ленинградскими этнографами связи знаменитой Хараппской цивилизации долины Инда (3-е тысячелетие до н. э.) с древними дравидами, и совсем крошечными, камерными — наподобие расшифровки смысла древнеэскимосского амулета. Но в данном случае вряд ли возможны какие-либо количественные

сопоставления. Не играет существенной роли масштаб открытия, коль скоро все, что становится известным из неизвестного ранее о жизни творцов мировой культуры, и значительно и необходимо для всех нас.

Однажды — и думаю, по недоразумению — писатель Даниил Гранин назвал моих коллег — специалистов по зарубежным народам (а изучение таких народов часто проводится в «домашних условиях») «новым типом астрономов», которые с дальнего расстояния изучают свой предмет. А ведь такое изучение не легче и не проще, оно требует основательного знакомства с полевыми материалами ученых разноязычного племени, умения отобрать существенное и главное в безудержном потоке информации.

Человечество долго смотрело во Вселенную только глазами астрономов и благодаря им восхищалось мирозданием. Благодаря астрономам звезды и планеты становились ближе. И настал день, когда вырвались космические корабли в просторы неизведанного, но уже чуть-чуть знакомого.

Благодарна работа этнографа, приближающего людей к пониманию друг друга, заставляющего земные звезды — народы сиять всеми красками, чтобы предстоящие встречи между ними доставляли благородную и благодарную радость узнавания.

Как существуют хранилища — каталоги частей небесного свода, составляющих видимую и невидимую звездную ткань Вселенной, также существуют хранилища — музеи произведений рук человеческих, зафиксировавших мгновения прожитых поколений, их материальный быт и материальную культуру, боль, страдания и радости.

Этнографические музеи — сокровищницы народного таланта и мудрости. Они бывают двух типов — обычные, когда коллекционные предметы помещены в специальных шкафах и витринах, в залах специально построенного здания, и музеи под открытым небом, когда экспонатом и собственно музеем становится творение древних зодчих, сохраненное в натуральном виде и насыщенное обстановкой той ушедшей эпохи.

К первому типу относится преемник знаменитой петровской Кунсткамеры — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого АН СССР в Ленинграде, ко второму — знаменитый в нашей стране Музей латыш-

ского народного быта и собрание шедевров русского деревянного зодчества в Кижах.

Именно коллекции бывшей Кунсткамеры поведали нам историю вольного шкипера, рассказали о подарке экспедиции Кука, о жизни в отдаленном прошлом в горных долинах Ассама.

Вещи заговорили, когда мы пристально, со знанием дела, пониманием судьбы их создателей обратились к ним.

Вещи заговорили и поведали о счастливых событиях, трагических происшествиях и буднях людей на разных обитаемых континентах Земли.

Да, те самые вещи, которые лежат как бы безмолвно в музейных витринах, в шкафах, и на стендах.

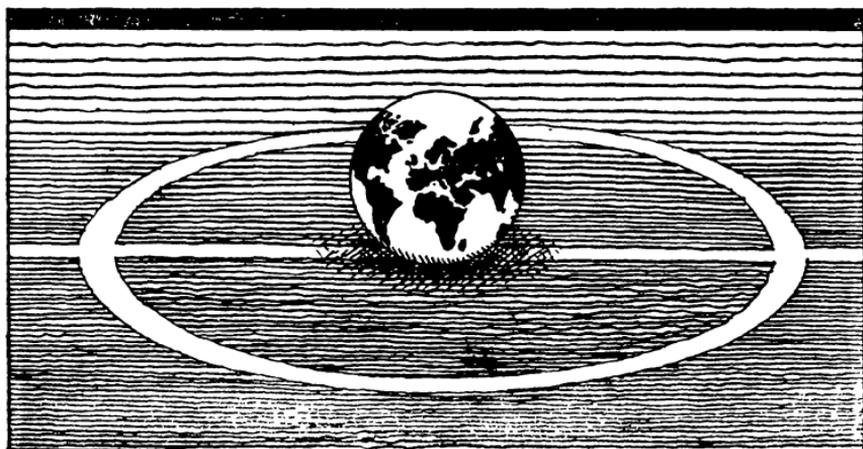
Счастливы ленинградцы и гости Ленинграда, которым удастся прийти в залы Кунсткамеры. В ее хранилищах и экспозиции почти полмиллиона предметов, за которыми стоит все прошлое человечества, его культуры, полета мысли, его забот о грядущем.

Ежегодно более 300 тысяч человек посещают Музей антропологии и этнографии в Ленинграде. 300 тысяч человек читают открытую книгу о жизни предков, о веках и поколениях. Читают книгу и осознают свою причастность к мировой цивилизации, признают себя потомками, которым выпала высокая миссия продолжить, сохранить и отстоять завоеванное людьми в борьбе с природой, невежеством и войной.

Они понимают, что Земля прекрасна и мир людей достоин мирной жизни и мирного будущего.

Они будут бороться за мир, они борются за мир, ведь они советские люди — наследники всего лучшего, что создано человечеством.

Вместо заклучения

«МЫ» И «ОНИ»

По самым общим подсчетам, на Земле сейчас обитает свыше 2 тысяч этносов. В начале нашей эры, если пользоваться тем же подсчетом, их было раз в восемь больше. Очевидна тенденция к слиянию этносов, к образованию крупных этнических подразделений — народностей, наций и в недалеком будущем супернаций.

Понятие «этнос» в современной этнографии, как уже говорилось, определяет ту основную единицу, которая является объектом этнографического исследования. Этнос — группа людей, связанная единством происхождения, общностью материальной и духовной культуры, общим языком как непременным условием общения внутри этноса. В этом смысле этнос отличается от любых профессиональных, сословных, классовых групп или сообществ и отражает этническое (то есть связанное с этносом) многообразие человечества. Раз этнос выражает определенную группировку части человечества по языку, культуре и происхождению, носящему первоначально биосоциальный, а впоследствии историко-социальный характер, то справедливо воспринимать его (эт-

нос) как особую общность людей, а именно как этническую общность.

Такие сугубо предварительные замечания дают возможность понять, почему у этнографов и русские, и кеты, и древнеславянское племя поляне считаются этносами. Однако помимо понимания подобного обстоятельства необходимо обратить внимание и на неравнозначность объединяемых под одним термином единиц. Древних полян мы вслед за летописями называем племенем, кетов Туруханского района — народностью или народом, современных русских — нацией. По отношению к двум последним терминологическим уточнениям разных этносов в литературе существует важное добавление, отражающее характер современной эпохи, — противоположность социалистических наций и народностей капиталистическим.

При всем социально-историческом различии между племенем, народностью и нацией существует то общее, что отражает их этническую значимость. Племя, народ (народность), нация, отражая последовательные исторические этапы развития этносов, выявляют тем самым различные стадии не только исторической общности людей, но и их этнической общности. В такой ситуации историческая общность должна рассматриваться как непереносимое условие предстоящих этнических преобразований.

Следовательно, племя, народ и нация являются стадийно различными типами этнических общностей людей, обусловленными социально-экономическими этапами общественного развития. Советские этнографы определяют племя как естественноисторическую общность людей доклассовой эпохи; народность — как историческую общность раннеклассовой эпохи, сохранившуюся в трансформированном виде до наших дней, и нацию — как историческую общность периода капитализма или социализма. Такое определение трех типов этнической общности дает основание считать, что в наше время, за чрезвычайно редким исключением (вызванным проживанием в районах абсолютной длительной изоляции от других народов), не может быть этнических общностей первого порядка, то есть племен доклассовой эпохи, как нет и самой эпохи. Те же этнические общности, которые в классовую эпоху не успели сложиться в народность либо представляют собой осколки прежних племен и народностей, называют этнографическими групп-

пами. Чаще всего подобные группы отличает языковая обособленность от соседей, архаичность культуры, малочисленность.

Процесс преобразования этнических общностей, происходящий во времени, называется этнической историей. Этническая история мира — постоянный спутник социально-экономической истории человечества, обуславливается ею и оказывает определенное влияние на нее.

Этническая история — длительный процесс преобразования этнических общностей, который протекает, по достаточно точному определению советского этнографа В. И. Козлова, в виде консолидации, интеграции и ассимиляции. Под консолидацией в этническом процессе подразумевается слияние или объединение различных этносов, имеющих одно общее в историческом плане происхождение. Например, в результате длительного существования антинациональной политики царизма различные группы алтайского народа до Октябрьской революции были разобщены, даже противостояли друг другу, хотя и происходили из общего древнего племенного объединения. В условиях Советской власти, покончившей со всякими видами национального угнетения, сплотившей народы на общеинтернациональной основе борьбы за социализм, произошло объединение, консолидация разрозненных алтаеязычных этнографических групп в единую алтайскую народность.

Интеграция предполагает осуществление как первоначальных, так и продолжающихся контактов в различных сферах культуры и быта между представителями различных этносов, контактов, которые могут привести к взаимному культурному обогащению и в конце концов к слиянию прежних этносов в один этнос. Иными словами, интеграция — своеобразный переходный процесс на пути консолидации (если речь идет о бывших некогда родственными этносах) или ассимиляции (если речь идет о различных по происхождению этносах). «Сущность процесса ассимиляции,— пишет В. И. Козлов,— заключается в том, что отдельные группы людей и индивидуумы, принадлежащие к одному народу, вступая в соприкосновение с другим народом (и особенно, оказываясь в среде этого народа), в результате общения с ним утрачивают свои особенности в области культуры и быта, усваивают культуру другого народа, вос-

принимают его язык и перестают считать себя принадлежащими к прежней этнической общности».

Прав В. И. Козлов, который подчеркивает, что нет особенной пропасти между процессами консолидации и ассимиляции, если речь идет не о насильственной ассимиляции, проводимой шовинистическим правительством, государственной властью, а о добровольной ассимиляции как результате длительной интеграции различных народов, как выражении их совместного участия в историческом процессе.

Не следует представлять ход этнической истории как исключительно процесс этнической консолидации или этнической ассимиляции, то есть как процесс, идущий от разнообразия к этническому единству. Этническая история знает и процесс этнического разграничения, разделения. Он был характерен для эпохи перехода от доклассового общества к классовому, приводил к обособлению родственных этнических групп в результате конкретного проявления социально-экономической ситуации. Этот процесс, также обусловленный социально-экономической ситуацией, обнаруживает себя и в наши дни.

Речь идет не о том, что библейская легенда о Вавилонской башне основана на реальных фактах: речь идет о необходимости признания того обстоятельства, что этническая общность не есть нечто существующее изначально, а явление, возникающее в конкретной исторической ситуации, на определенной территории, со всеми связями с социально-экономической и политической структурой породившего ее общества.

Киевская Русь была воплощением восточнославянской этнической общности. В ходе длительного исторического развития возникли новые этнические общности — нации русская, украинская, белорусская, этнографические группы — западных украинцев и белорусов, колымчан и индигирщиков (потомков русских казаков, осваивающих Сибирь в XVII в.) и т. д.

И все же современная тенденция этнической истории мира очевидна — к сближению и последующему слиянию этнических общностей. Такая тенденция в большей степени проявляет себя в социалистических странах, и прежде всего в нашей стране, где в результате всемирно-исторической победы трудящихся масс построено общество реального социализма, где воплощена в жизнь

ленинская национальная политика равноправия и дружбы народов, где как результат грандиозных преобразований возникла новая историческая общность людей — советский народ.

Всемирно-историческая тенденция в этнической истории преодолевает многовековую, многотысячелетнюю традицию противопоставления людей сначала по этническому признаку, а затем по этническому и классовому признакам — на «мы» и «они». Любопытно, что термин «этнос», пришедший в этнографическую науку из античной Греции, у древних греков применялся для обозначения соседних народов — «негреков», хотя он тогда еще не означал понятия «варвар», но должен был отличить тех, кто обладал иным языком и иной культурой.

Социальная природа глобального противопоставления людей — на «мы» и «они» — изменялась с изменением общества, с самим ходом исторического процесса. В доклассовую эпоху, когда равноправный коллектив в силу низкого уровня развития производительных сил, зависимости от природы не мог мыслить существование индивидуума в отрыве от соплеменников, сородичей (недаром самой грозной карой нарушителю правил общегития было изгнание из племени), сопричастность жизни и судьбе родного племени носила естественный, почти инстинктивный характер. Пользуясь защитой коллектива, спаянного узами кровного родства, человек доклассового общества неизбежно воспринимал традиции и обычаи родного племени единственно разумными и справедливыми. Такое разделение этносов в древнюю эпоху порождало и разные представления об отношениях внутри своего и чужого коллективов.

Примечательно, например, замечание австралийских этнографов А. Джолли и Ф. Роз, вставших на защиту австралийских аборигенов, которых белые колонизаторы считали «прирожденными ворами». «Является ли туземец,— пишут австралийские этнографы,— вором по своей природе? Когда австралиец находится в туземном госпитале, то за ним приходится внимательно следить, иначе все лучшее из того, что он получает, например апельсины или яйца, будут им розданы своим друзьям и родственникам. Неиспорченный туземец не может себе представить, как он будет прятать про запас продукты питания. Когда он убивает кенгуру, то делится мясом кенгуру со всеми, а если его сосед убьет кенгу-

ру, то добыча принадлежит ему, так же как и убитшему охотнику, и он имеет право взять себе сколько хочет в любое время. Но если туземец применяет этот принцип к своему хозяину, то его немедленно объявляют «вором» — закон туземца и закон белого человека друг другу противоречат».

Вникая в существо приведенных фраз, мы должны помнить, что в данном случае различия правосознания не этнического, а сугубо социального характера. Для ранних этапов человеческой истории характерно повсеместное распространение правил взаимопомощи, оно было свойственно всем народам в глубокой древности. Со следами этой традиции мы встречаемся и сегодня, особенно у охотничьих народов на нашем Севере.

Мне пришлось быть свидетелем сохранения этого обычая у кетов. Старик Лукьян, утративший несколько лет назад шестьдесят процентов зрения и переставший охотиться, жил с престарелой женой в поселке, недалеко от озера Мундуйка. В его дом можно было прийти в любой час дня и ночи. Вы еще у порога, а хозяева уже хлопчут у таганка, ставят чай, насаживают на рожень рыбу. Извинения и отказ от еды не принимаются. «Как же иначе, парень,— говорит старик Лукьян,— ведь и я могу оказаться вдали от дома!»

Мы воспринимаем такой поступок как традиционное гостеприимство, а он покоится на древнем и неукоснительном обычае первобытных охотников оказывать помощь своему сородичу, соплеменнику. Представьте себе, возможно ли, гоняясь за зверем на лыжах по тайге, пешком по пустыням Австралии, еще нести запас пропитания? Выжить в таких условиях можно было только при помощи коллектива, и коллектив имел право (совершенно законное) на твою добычу.

Прекрасный обычай! Как памятник ему ставят по сей день на охотничьих тропах избушки, а в них на полках небольшой, но необходимый запас пищи, приправ, спичек, пороха и дрови. Нужно — пользуйся, не нужно — сохрани для другого, имеешь излишек — оставь здесь же в избушке.

В эпоху классового общества, когда единые по этническому происхождению коллективы разделились на антагонистические группы, появилось и социальное противопоставление «„мы” и „они”». Но классовая борьба нередко сочеталась с национально-освободительной, и тогда указанное социальное противопоставление приобрело

ретало вновь этническую, национальную окраску, причем господствующий класс, составлявший в антагонистическом обществе меньшинство, пытался затушевать классовые противоречия внутри своего народа, выдвигая идею «национальной солидарности». Пришедшие из самых глубин древности представления, что «мы — это мы», а «они — это они», чрезвычайно живучи, хотя иногда и не соответствовали реальной социально-исторической ситуации.

Обращая внимание на эту специфику, замечательный советский этнограф профессор С. А. Токарев при характеристике этнических общностей назвал общность рабовладельческой эпохи — «демосом», а феодальной — «народностью». Предложение это исходило из признания того факта, что в античном мире, по мнению С. А. Токарева, носителями этнической общности были рабовладельцы и свободные (демос), рабы же относились к иным этническим группам. В феодальном мире, считает С. А. Токарев, базой этнической общности были крестьяне и горожане (народ), а господствующие классы чаще всего принадлежали к иным этническим группам. Для подобных построений есть объективные факты, однако на классовую эпоху нельзя просто переносить прежнее этническое противопоставление «„мы” и „они”». Ибо, как подчеркивал Фридрих Энгельс, зарождение классового общества было характерно тем, что «повсюду были перемешаны роды и племена, повсюду среди свободных граждан жили рабы, лица, находившиеся под покровительством, чужестранцы...». Новая историческая обстановка породила новые этнические общности; они отличались от прежних тем, что место естественной связи с родным племенем в феодальную эпоху заступила религиозная общность, а в последующем и государственная принадлежность.

Сохранявшееся противопоставление «„мы” и „они”» в классовом обществе имело иную окраску, чем в обществе доклассового периода. Нельзя идеализировать прошлое, но помнить его, знать его необходимо и ради настоящего, и, что еще важнее, ради будущего. Гостеприимный охотничий домик, о котором шла речь, впервые ставился на тропах, пересекавших земли именно родного племени. На землях племени появление чужака (несоплеменника) было невозможно. Чужак в лучшем случае был бы просто изгнан, в худшем — убит.

В эпоху сложения народностей (народов) мир делился не только на классы, но и на «своих» и «чужих». Моя вера, мой государь, мой обычай, мой язык были, с моей точки зрения, единственно достойными человека. Именно от тех ранних эпох, как язвы, остались презрительные клочки, данные народам их соседями и завоевателями.

Иное поведение, иные боги, иной язык у соседнего племени воспринимались как некая ненормальность, но среди родственных племен ощутить такие различия было всегда сложно. Самые яркие различия лежали на поверхности в физическом облике представителей разных рас. Они-то и стали питательной средой самого постыдного для человечества явления — расизма, который, как это ни покажется странным, не имеет исторических корней в традиционном противопоставлении одних народов другим, а порожден капиталистической эпохой для оправдания насилия европейских колонизаторов над колониальными народами Азии и Африки.

И прав советский антрополог В. П. Алексеев, который в своей книге «В поисках предков (антропология и история)» писал: «Расизм — это толстые книги с учеными выкладками и ссылками, расизм — это лекции в университетах, расизм, наконец, и это самое страшное, — существующее у многих людей чувство брезгливости к представителям иной расы. И то, что расизм проявляется в таких самых разных формах, то обнажая свое жуткое лицо во время фашистских разгулов, то прикидываясь безобидным под маской академических исследований, делает его особо опасным, а порой и трудноуловимым. А сколько простых и хороших людей, обманутых расистской пропагандой, действительно верят в неравенство рас, в существование рас высших и низших, в свою принадлежность непременно к высшей расе! Такие загибы в психике сродни принижающей человека вере в изначальное и вечное существование рабов и господ; этот предрассудок, коренящийся в невежестве, тем более дикий, что он субъективен и опирается в первую очередь на представления о превосходстве своей расы, своей культуры, своей идеологии над другими».

Давнее противопоставление одних народов другим порождало не менее опасные и губительные для поступательного хода исторического развития концепции великодержавного шовинизма и национализма.

Шовинистическая пропаганда ставит своей целью развратить народы, привить им чувство превосходства перед другими этническими общностями и тем самым порождает как неизбежную реакцию национализм, который сам по себе может находить питательную почву в прошлых представлениях. Борьба с шовинизмом и национализмом, разоблачение этих теорий — благородная задача прогрессивного человечества.

Современная идеологическая битва охватывает все континенты, вовлекая различные не только партии и классы, но и группы населения, сконцентрированные по этническому или национальному признаку. Эта борьба затрагивает проблемы всей обозримой истории человечества.

Освобождение бывших колоний и зависимых стран произошло в рамках тех границ, которые были установлены империалистами и которые в эпоху колониального разбоя разрезали живое тело этнических территорий. Освободившиеся от колониализма страны потрясают проблемы этих пограничных несоответствий.

Мир империализма рассчитывает надолго использовать в своем противостоянии социализму и коммунизму реакционные националистические и этнические предрассудки людей, пришедшие к нам из прошлых веков. Вести борьбу с такими предрассудками — и право и долг этнографа.

Этнография — одна из самых гуманных наук. Этнограф не искатель необычных приключений. Он всегда в поиске обычного, раскрывающего историю человечества, историю мировой цивилизации. Через обыденные предметы культуры и быта в наше сознание приходит гордость за Человека, освоившего и населившего землю — столь различную на своих пространствах.

Несомненно, прав Ю. В. Бромлей, видный советский ученый, историк и этнограф: «Как наука о народах этнография призвана сыграть свою роль не только в борьбе против шовинистических концепций, но и в укреплении дружбы и сотрудничества между народами мира. Обладая обширными данными о культурных ценностях, образе жизни, психологии и других этнических параметрах различных групп человечества и имея в своем распоряжении строго научные методы доказательства их равных способностей к историческому прогрессу, марксистская этнография учит уважать этнические особенности всех без исключения народов нашей планеты,

тем самым немало содействуя интернационалистическому воспитанию масс».

Поверхностные знания людей друг о друге рождали не только отчуждение, но и представление об уникальности всего происходящего внутри родного этноса, его культуры. Хотя самым примечательным являлось еще и то, что в разных вариантах, на разных материках возникали сходные отношения к «своим» и «чужим». И чем больше становился круг «своих» — от племени через народность к нации, тем отчетливее проступала гуманистическая линия поведения каждого члена общества по отношению к коллективу. Хотя с течением времени утрачивались непосредственные родственные связи в хозяйстве в новых этнических общностях, чувство коллективизма, идеологические связи между членами одной общественной группировки или их потомками сохранялись.

У адыгов, живущих на Северном Кавказе, мы еще и сейчас встретим своеобразные перелазы между дворами родственных семей. Такие перелазы дают возможность, не выходя на улицу, довольно быстро попасть из дома в дом. На вопрос этнографа Э. Коджесау, зачем строят такие перелазы, адыги отвечали: «Чтобы в случае несчастья в доме родственника скорее попасть к нему в дом и оказать необходимую помощь и, наоборот, в случае радости первыми порадоваться».

В таком ответе присутствовало новое осмысление прежнего обычая организации коллективной защиты от вероломного нападения. Чем-то сооружение адыгейских перелазов напоминает планировку поселений горного народа, живущего на другом конце материка, — мяо районов Притибетья. Мяоская деревня имеет центральную улицу, вьющуюся зигзагом, от которой расходятся маленькие переулки. В каждом переулке стоят дома нескольких семей. Дома связаны между собой тропами. Как только пришелец проходит ворота деревни, перед его глазами встает масса закоулков и переулков, и он не сразу определит, куда пойти. Проходя центральной улицей, можно подумать, что в деревне нет жителей, так как мяо предпочитают ходить по тропам между домами, не появляясь на улице. Подобное расположение домов в селении создавало удобную оборону в пору военных столкновений.

Прийти на помощь родственнику, соплеменнику, соседу повсюду было и остается неукосни-

тельным правилом нормального функционирования общества. В африканских селах гремели барабаны — там-тамы, призывавшие соплеменников на общее собрание. В русских деревнях били в набат на сход, когда требовались и коллективный разум, и усилия всех. Уклониться от участия в общем мероприятии означало поставить себя вне своего коллектива, заслужить позор и презрение.

В прошлом человечество создало разные традиции, нормы и обычаи, которые остаются наиболее живучими и по сей день. Не все из того, что было связано с классовой и этнической историей людей, может быть приемлемо сегодня. В изменившихся условиях меняется бытование и казавшихся незыблемыми прежде норм. Это надо осознавать и чувствовать достаточно четко, чтобы не возводить каждый частный случай отказа от прежнего обычая или обряда в «утрату национального достоинства».

Сохранение обычаев и обрядов как особых социально-бытовых и психологических явлений во многом определяется этнической традицией, когда созданные в глубокой древности обязательные для определенного коллектива людей формы поведения, навыки и представления повторяются из поколения в поколение. Добавим, что именно они дают пищу для сохранения и определенных этнических предрассудков, которые очень точно названы «бытовым национализмом».

«Люди вырабатывают определенные рациональные и иррациональные убеждения,— пишет болгарский этнограф Т. Колева,— и находят, что эти формы поведения, повторяющиеся навыки и привычки, а также мышление имеют глубокую основу, что они целенаправлены, подкреплены и доказаны вековой практикой и что они отвечают материальным и духовным потребностям человека. Старое поколение — носитель и исполнитель этих стереотипов — в процессе общения с молодым поколением передает свой трудовой опыт и навыки и воспитывает молодежь в усвоении и сохранении стереотипов. Так человек в тысячелетней истории создавал традицию, которая лежит в основе народной культуры, обычаев и обрядов».

Некоторый скептицизм молодежи к прежним этническим нормам поведения — явление очевидное и объяснимое. В современных условиях молодежь в большей степени, чем раньше, выходит за пределы своей этни-

ческой среды, своей общины, своего традиционного коллектива. Повышается образовательный уровень, растет информированность, и обычаи, которые были связаны только с конкретной этнической средой, воспринимаются как отжившие свой век предрассудки. Чаще всего это относится к семейно-родовым проблемам, к вопросам брака, взаимоотношений «своих» и «чужих».

Практика усвоения прежних традиций, а также норм поведения показывает, что все, имеющее созидательное начало, все, что жизненно и обусловлено в социально-бытовом и культурно-историческом аспектах, сохраняется и развивается. Умение и способность взглянуть на нормы человеческого общежития с новой высоты, не ограниченной рамками своей этнической общности, способствуют сложению обычая, приобретающего не только по сути, но и по распространенности общечеловеческий характер.

Утверждая общность судеб народов Земли, их вклада в мировую цивилизацию, никто не отрицает роли и значения национальной культуры, чувства национальной гордости и патриотизма, раз они подчинены интересам трудящихся масс. Советский патриотизм родился на основе тысячелетних традиций, озаренных революционной борьбой за свободу и счастье, за братство всех трудящихся Земли. Социалистическая революция, свергнув эксплуататорские классы, заложила основы формирования бесклассового общества, в котором отношения между людьми строятся на принципах, являющихся сгустком всей прогрессивной практики человечества, становятся выражением высшей осознанной необходимости сотрудничества. Поскольку в социалистическом обществе заложены основы нового этапа этнических процессов — развития наций и их культур во имя последующего слияния и создания единой, общей интернациональной культуры, то и складывающиеся отношения между народами впитывают традиционные национальные обычаи и правила, свойственные духу братства и дружбы людей.

Связь времен неразрывна, и в нашем сегодняшнем дне мы сохраняем память о прошлых веках. Быстро привыкая к изменениям материального быта, мы продолжаем еще нести груз прежних привычек и предрассудков. Вот почему создание материально-технической базы коммунизма есть условие победы самого совершенного строя, но его окончательная победа связывается с

перестройкой сознания людей, с полным восприятием всеми и каждым коммунистического образа жизни, включающего и коммунистический характер человеческих взаимоотношений.

Перед силами грозной и непознанной природы первобытный человек объединялся в коллектив, имевший свои законы и правила, спаянный единством воли и действий. В интересах личной и коллективной защиты происходили иные классовые объединения в антагонистическом обществе. Уничтожив классовый антагонизм, вступая в бесклассовое общество, преодолевая силы природы и поднявшись на такую ступень, когда природа может подчиниться человеку, люди строят коммунистическое общество сознательно, как выражение гармонического, естественного сочетания интересов всех и каждого.

Тот мир, который мы строим, мы представляем высшим достижением интернациональной дружбы народов-братьев. Не «мы» и «они», а только мы — человечество, земляне. К этой вершине мы идем через максимальное развитие национальных культур, чтобы достижения каждой нации, каждого народа вошли в сокровищницу будущего человечества, единого этнически и социально.

Для нас такой путь единственно верный. Он испытан более чем шестидесятилетней историей Союза Советских Социалистических Республик. Вспомним замечательные слова В. И. Ленина о том, что русский язык, когда его не будут насаждать насильственно, станет языком межнационального общения. И он в большой степени уже стал таковым. Такое положение имеет связь и с теми сторонами национальной культуры, которые находят отражение в традициях и обычаях каждого этноса, то есть в этнической специфике.

Не предпринимать отчаянных попыток немедленно преобразовать сумму человеческих взаимоотношений и условностей человеческого общежития и подвести их под какой-то единый стандарт, а вдумчиво использовать достигнутое всеми — таков путь формирования новых отношений людей.

Было бы странным начать предлагать, например, корейцам или другим восточным народам перестать считать белый цвет траурным и перейти на приемлемый, с нашей точки зрения, черный цвет. Нас, прибывших из

Европы, не поняли бы индийцы, если бы мы предложили очистить улицы их столичных городов от мирно шествующего крупного рогатого скота. Упоминавшиеся туруханские кеты, покидая место захоронения близких, не оборачиваясь на могилу, бросают пруттик поперек тропы, приговаривая: «Чтоб больше не ходить нам этой дорогой», и не посещают кладбищ, ну а у русских иной обычай. Видимо, попав в кетскую среду, мы обязаны принимать во внимание не русскую, а кетскую традицию во время такого печального события. Подобных примеров много, но они не противоречат тому, что было уже сказано: человечество развивается единым путем и к единству, обогащая себя яркой многоцветной палитрой национальных красок.

Мне часто приходится выступать с лекцией «У этнической карты СССР» перед советскими и иностранными стажерами и студентами. После лекции я отвечаю на многие вопросы, касающиеся национальной политики нашей страны, нашей партии. Очень часто приходится сталкиваться с непониманием процессов этнических преобразований, происходящих в нашей стране, и элементарным незнанием того, что было до революции и что произошло после нее в тех же национальных районах.

Чаще других повторяется один вопрос:

— Как вы расцениваете окончательную перспективу этнического развития мира?

Я обычно отвечаю:

— Учитывая направление социально-экономического процесса и этнических процессов, в отдаленном будущем будет единое коммунистическое общество с единым этносом — землянами, с единым языком — землянским.

Так будет. Такова тенденция социального и этнического развития нашей планеты, человечества.

...Величайшие научные открытия последних десятилетий сделали более осязаемым осознание человечеством своего единства. В мире, будущее которого несомненно принадлежит людям труда, идеи братства и дружбы народов приобретают великую силу. Возможно, когда человек впервые взглянул на Землю со стороны — из океана Вселенной, все человечество осознало, что оно вышло на вселенскую арену, и тогда гордо произнесло: «Мы — земляне!»

Земляне — как много в этом смысле и как много для раздумий! Землянин — ведь это и арат монгольских

степей и исландский рыбац, хлебороб кубанских полей и докер Марселя, рубщик сахарного тростника на Кубе и шахтер Силезии — каждый, кто созидает и делает Землю прекраснее. Ни мракобесы, ни расисты, ни угнетатели всех мастей не имеют права на светлое имя землянина.

Шагнув за пределы неизведанного, люди с удивлением смотрят на свою планету, ее разноязычных жителей. Люди не перестают удивляться открытиям на своей старой планете, открытиям ранее неизвестных всем культур и народов, народов, которые как бы говорят: «Здравствуйте! И мы земляне!»

ЛИТЕРАТУРА

1. Источники и научная литература

- Маркс К.* Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество». — Архив Маркса и Энгельса, т. IX. М., 1941.
- Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. — «Вестник древней истории», 1940, № 1.
- Энгельс Ф.* Диалектика природы. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 20.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 21.
- Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24.
- Ленин В. И.* О государстве. — Полн. собр. соч., т. 39.
- Авдеев А. Д.* Алеутские маски в собраниях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР. — Сб. Музея антропологии и этнографии, 1958, т. XVIII.
- Алексеев В. П.* География человеческих рас. М., 1974.
- Алексеев Е. А.* Кеты. Л., 1967.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Древние культуры азиатских эскимосов. М., 1969.
- Атлас народов мира. Под ред. С. И. Брука и В. С. Апенченко. М., 1964.
- Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.
- Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981.
- Брук С. И.* Население мира. М., 1981.
- Гарсиласо де ла Вега инка.* История государства инков. Пер. со старонспанского В. А. Кузьмищева. Л., 1974.
- Гильзен К. К.* Илья Гаврилович Вознесенский. К столетию со дня рождения (1816—1871). — Сб. Музея антропологии и этнографии, 1916, т. III.
- Громов Г. Г.* Методика полевых этнографических исследований. М., 1967.
- Джолли А., Роз Ф.* Место туземцев Австралии в эволюции общества. — Советская этнография, 1947, № 6—7.
- Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961.
- История первобытного общества. М., 1984.
- Итс Р. Ф.* Введение в этнографию. Л., 1974.
- Кабо В. Р.* Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
- Рубрук Гильом де.* Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Маленна, редакция, вступительная статья и примечания Н. П. Шастиной. М., 1957.

- Кинжалов Р. В.* Культура древних майя. Л., 1971.
- Книга Марко Поло. Пер. со старофранцузского текста И. П. Минаева, редакция и вступительная статья И. П. Магидовича. М., 1955.
- Коджесау Э. Л.* Патронимия у адыгов. — «Советская этнография», 1962, № 2.
- Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969.
- Колева Т. А.* О некоторых вопросах развития обычаев. — Советская этнография, 1969, № 1.
- Коцебу О. Е.* Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М., 1959.
- Ланда Диего де.* Сообщение о делах в Юкатане. 1566. Пер. со старопанского, вводная статья и примечания Ю. В. Кнорозова. М.—Л., 1955.
- Лукреций.* О природе вещей. М., 1958.
- Магидович И. П.* Русские мореплаватели. М., 1953.
- Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934.
- Народы мира. М.—Л., 1954—1966.
- Окладников А. П.* Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск, 1969.
- Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953.
- Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
- Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.
- Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской академии наук. М.—Л., 1953.
- Страбон.* География в 17 книгах. М., 1964.
- Тацит.* Сочинения в двух томах. Л., 1969.
- Те Ранги Хироа (П. Бак).* Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959.
- Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Т. I, II. СПб., 1861—1863.
- Токарев С. А.* История русской этнографии. М., 1966.
- Токарев С. А.* История зарубежной этнографии. М., 1978.
- Тэйлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.
- Хрестоматия по античной литературе. Под ред. Н. Ф. Дератани. Т. I. Греческая литература. Т. II. Римская литература. М., 1958.
- Хрестоматия по истории древнего мира. Под ред. акад. В. В. Струве. М., 1956.
- Этнография. М., 1982.

2. Научно-популярные и научно-художественные произведения

- Алексеев В. П.* В понках предков. Антропология и история. М., 1972.

- Бенк Т.* Колыбель ветров. М., 1960.
- Берестов В. Д.* Государыня пустыня. М., 1968.
- Глазами этнографов. М., 1982.
- Диков Н. Н.* Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969.
- Зотова Ю., Куббель Л.* В поисках Нигера. М., 1972.
- Итс Р.* Цветок лотоса. М., 1962.
- Итс Р.* Последний алгиш. М., 1964.
- Итс Р.* Стрелы немой скалы. М., 1966.
- Итс Р.* Камень солнца. Л., 1974.
- Итс Р.* Кунсткамера. Л., 1982.
- Итс Р.* Золотые мечи и колодки невольников. Хабаровск, 1983.
- Кондратов А.* Великаны острова Пасхи. М., 1966.
- Куббель Л. Е.* Страна золота. М., 1966.
- Куббель Л.* Путь в Томбукту. М., 1971.
- Кумкес С.* Послы в Каракорум. — Геогр. календарь «Земля и люди. 1970». М., 1969.
- Ларичев В. Е.* Сад Эдема. М., 1980.
- Лот А.* В поисках фресок Тассили. М., 1962.
- Путилов Б. Н.* Николай Николаевич Миклухо-Маклай. М., 1981.
- Соколова Э. П.* Путешествие в Югру. М., 1982.
- Садоков Р. Л.* Тысяча осколков золотого саза. М., 1971.
- Симченко Ю. Б.* Люди высоких широт. М., 1972.
- Туголуков В. А.* Следопыты верхом на оленях. М., 1969.
- Хейердал Т.* Путешествие на «Кон-Тики». Л., 1958.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М., 1985.
- Шапошникова Л. В.* Дороги джунглей. М., 1968.

оглавление

Слово к читателю	3
Введение. Портретная галерея человечества	13
Глава 1. Первые землепроходцы	28
Каду путешествует	37
Воины идут вслед за солнцем	42
Глава 2. Как все начиналось	55
Жизнь и злодеяния Диего де Ланды	79
Глава 3. Путешественники — гуманисты — ученые	91
Дар экспедиции Кука	95
Жизнь и подвиг Ильи Вознесенского	102
Глава 4. Стартовая площадка цивилизации	122
Серая Рысь из племени духа Черного камня	129
Глава 5. К людям ради людей	155
Песня навстречу весне	161
В плену Ратты	165
Легенда о Дохе	173
В поисках Соснового лба	177
Глава 6. Когда заговорили вещи	195
Вольный шкипер	199
Вместо заключения. «Мы» и «они»	220
Литература	235

Рудольф Фердинандович Итс

**ВЕКА
И ПОКОЛЕНИЯ**

Этнографические этюды

Заведующий редакцией А. В. Коротнян
Редакторы Т. Н. Зенюк, Г. И. Кряжевских
Младший редактор И. Г. Чекина
Художник А. В. Сергеев
Художественный редактор И. В. Зарубина
Технический редактор М. А. Хомич
Корректор Л. В. Берендюкова

ИБ № 3787

Сдано в набор 18.09.85. Подписано к печати 07.01.86. М-29505. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,60. Усл. кр.-отт. 13,23. Уч.-изд. л. 13,30. Тираж 100 000 экз. Заказ № 159. Цена 55 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Итс Р. Ф.

И92 Века и поколения: Этнографические этюды. —
Л.: Лениздат, 1986. — 238 с., ил. — (Серия «Разум
познает мир»)

Книга ученого и писателя Р. Ф. Итса рассказывает об истории жизни народов земного шара, об этнографии, методах ее исследования, об истоках религиозных верований, о некоторых историко-этнографических загадках.

Рассчитана на массового читателя.

И $\frac{040000000-038}{M171(03)-86}$ 73—86

86.31

Рудольф ИТС

ВЕКА И ПОКОЛЕНИЯ

С 1985 года
Лениздат начал
выпускать серию
«Разум познает мир».
С первой книгой
этой серии —
И. И. Жерневская
«Чаша пятого ангела» —
читатель уже знаком.
Авторы серии освещают
историю развития
некоторых областей наук,
связывая их с актуальными
проблемами современности,
показывают борьбу
великих ученых с рутинной,
мракобесием,
предрассудками.
Задача серии —
показать,
что наука —
могучее средство
в руках человека.
В 1986 году
выйдет в свет
еще одна книга серии —
А. Н. Томилин
«Заклятие Фавна».
В ней дана яркая
ретроспектива борьбы
человечества
за покорение
электричества.